ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

10. 2012

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство Чеченской Республики по национальной политике, печати и информации.

Адрес: 364051
г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
27 марта 2009 г.
Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00025

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов Муса Магомедович

Редколлегия:
Л. Абдулаев
М. Бексултанов
Л. Довлеткиреева
Р. Межиева
М. Музаев
С. Мусаев
Р. Талхигова
А. Шайхиев

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051
г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45
E-mail:vaynah_az1@bk.ru
http://www.vaynah.at.ua

Журнал выходит один раз в месяц.

Журнал набран на компьютерной базе ГУ «Литературно-художественный журнал «Вайнах».
Отпечатано в ГУП«ИПК «Грозненский рабочий»
364021 ЧР, г. Грозный, ул. Интернациональная, 12/35
Подписано в печать 16.10.12
В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж – 2500 экз.

Цена договорная
Заказ № ___

СОДЕРЖАНИЕ:

КО ДНЮ ГОРОДА
Эдильбек ХАСМАГОМАДОВ. *Город героической судьбы*.....2
ПОЭЗИЯ
Алвади ШАЙХИЕВ. *В горах желают девять благ*. Стихи.....5
Шамсуддин МАКАЛОВ. *Сан илли*. Стихаш.....23
ПРОЗА
Муса БЕКСУЛТАНОВ. *Этого он не знал. Дорога, спускающаяся в село. Старый тулуп.* Рассказы. Перевод с чеч. Лидии ДОВЛЕТКИРЕЕВОЙ.....8
ГОЧДАР
Важа ПШАВЕЛА, НикIолаз БАРАТАШВИЛИ, Вахтанг ОРБЕЛИАНИ. Дийцарш. Стихаш... Гуьржийн маттера гочйинарг МАРГОШВИЛИ Султан.....27
V СОВЕЩАНИЕ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ КАВКАЗА
Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. *Проза. NEXT*.....34
Зураб БЕМУРЗОВ. *Нун*. Стихи.....39
Милена ТЕДЕЕВА. *Центр одного мироздания*. Из цикла «Цхинвальцы».....41
Хава ГАГАЕВА. *Я тоже раньше была парусом…* Стихи.....52
Дарья ШОМАХОВА. *Пыль*. Рассказ.....53
Алан РАМОНОВ. *Напиши*. Стихи.....56
Сулиман МУСАЕВ. *Письмо*. Рассказ.....57
Жанна АППАЕВА. Я *в раздумьях*. Стихи.....60
Алексей КОЗЛОВЦЕВ. *Самолет*. Рассказ.....61
Елена МИЛОСЕРДОВА. *Окись хрома*. Стихи.....69
Айгюн МАМЕДОВА. *Платок*. Рассказ.....70
Марина ГАДЖИЕВА. *Бессонница*. Стихи.....74
Багдат ТУМАЛАЕВ. *Баку глазами начинающего путешественника.* Из путевых очерков.....76
ИСТОРИЯ
Тамара ЭЛЬБУЗДУКАЕВА. *Развитие литературы и просветительства в Чечне в 20–30-е годы XX века*.....83
ПАМЯТЬ
Ислам ХАМУРЗАЕВ. *Чеченская нана, не сломленная судьбой*.....87
ГОЛОСА ДРУЗЕЙ
Не по велению времени, но по велению совести. Аскер ДОДУЕВ беседует с Магометом КУЧИНАЕВЫМ.....89
И В ШУТКУ, И ВСЕРЬЕЗ
Ахмет ДЕНИСУЛТАНОВ. *Диалог на эсперанто*. Афоризмы.....93
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ
Роза МЕЖИЕВА. *Иллюзии величия*.....95
К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ
Таиса ТЕРЛОЕВА. *Путь художницы в большое искусство*.....95
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

Ко Дню города

Город героической судьбы

Жители Чеченской Республики постепенно начинают привыкать к тому, что День города становится одним из самых заметных республиканских праздников. Конечно, какую-то роль сыграло в этом и совпадение сразу нескольких знаменательных дат, включая день рождения действующего Главы Чеченской Республики. Но главное заключается в том, что почти волшебное преображение Грозного за последние годы превратило его в своего рода «визитную карточку» Чеченской Республики и наглядное подтверждение эффективности политического курса руководства. Грозный вновь стал одним из современных городов с развитой социально-культурной инфраструктурой. И, бесспорно, он теперь один из красивейших городов Северного Кавказа.

У Грозного трагическая история и ему не впервые приходится восставать из руин. Основанный в свое время как крепость в сердце Чечни, он не раз становился ареной жестоких боев. Особенно тяжелые испытания на долю Грозного и его жителей выпали в XX веке. Гражданская война 1918 – 1922 гг. на территории современной Чеченской Республики отмечена так называемыми «стодневными боями» за Грозный между «белыми» и «красными». Город несколько лет лежал в руинах, и его восстановление началось только в середине 20-х гг.

В годы Великой Отечественной войны Грозный подвергся массированным бомбардировкам, которые также привели к значительным разрушениям и жертвам среди жителей.

Наконец, за две последние «чеченские» войны Грозный пережил столько, что с избытком хватило бы на пару сталинградов. Разрушения были столь грандиозны, что всерьез обсуждался вопрос о переносе столицы Чеченской Республики в Гудермес.

Существует поверье, что имя, данное человеку или населенному пункту, потом влияет на его судьбу. В отношении Грозного это поверье как будто подтверждается – основанный как крепость, он все войны встречал именно как крепость.

Но это лишь одна сторона медали, лишь один аспект истории чеченской столицы. Трагические события истории не должны заслонять значение Грозного как экономического, образовательного и культурного центра, оказавшего колоссальное влияние на модернизацию чеченского общества со второй половины XIX века и по сей день.

«Старый» Грозный (как его теперь называют) был уникален не только по своему экономическому потенциалу и внешнему облику. Здесь сложился свой особый мир, особый характер отношений между людьми самых разных национальностей и различных культурных предпочтений. Это не означает, что Грозный не знал случаев так называемого «бытового» шовинизма и национализма. Но, за исключением событий августа 1958 г., в новой истории Грозного не было межнациональной розни. Человека оценивали по его личным качествам, и это позволяло людям любой национальности быстро устанавливать дружеские отношения между собой. В то время еще не обрел популярности термин «толерантность», но грозненцы отличались редкой терпимостью к проявлениям иной культурной идентичности. Благодаря этому, начиная с детских садов и младших классов, складывались смешанные (в национальном плане) дружеские компании и очень многие «старые» грозненцы пронесли эту дружбу через всю жизнь.

В современном Грозном осталось не так уж и много следов прошлого – слишком велики были разрушения двух последних войн. Так, в центре

Грозного, пожалуй, только проспект Путина (бывший проспект Победы) в значительной мере сохранил исторический облик, сложившийся к концу 50-х гг. прошлого века. Нет больше городских трамваев и троллейбусов – неизменной принадлежности старых индустриальных центров Северного Кавказа.

Коренным образом изменился состав населения.

Но, тем не менее, Грозный остался самим собой. За новыми зданиями и обновленными проспектами легко узнаваем облик города, горячо любимого его жителями. Выросло и вступило во взрослую жизнь новое поколение коренных грозненцев и подрастают все новые поколения. У молодежи новые увлечения и новые кумиры, но молодые грозненцы, как и прежние поколения, открыты душой и смотрят на мир без предубеждений. Приезжие, наслушавшись ужасов о нравах «горцев», откровенно удивляются доброжелательности жителей чеченской столицы, на что нынешние грозненцы могут лишь удивленно пожать плечами: «У нас так было всегда».

Грозный остался самим собой и, наверное, в этом главная причина, благодаря которой День города получил признание как один из самых значимых праздников Чеченской Республики. Вдвойне приятно, что этот праздник отмечается не только с размахом, но и с хорошим вкусом. Во всяком случае, программа праздничного концерта, состоявшегося под открытым небом на набережной реки Сунжи, включала звезд чеченской, российской и мировой эстрады.

Хорошей традицией стало открытие в День города новых значимых объектов. Среди таковых в этом году восстановленный корпус Нефтяного института, здание Национального музея Чеченской Республики, обновленный парк культуры и отдыха в поселке Ташкала и целый ряд других объектов.

Послевоенное восстановление Грозного закончилось уже не один год назад, но столица Чеченской Республики продолжает расти и развиваться. С каждым годом город хорошеет, а жить в нем становится не только комфортнее, но и интереснее. Его жители устремлены в будущее. А значит – будущее есть и у Грозного, и у всей Чеченской Республики.

Эдильбек ХАСМАГОМАДОВ

Поэзия

Алвади Шайхиев

В горах желают девять благ

***

Если с каменным сердцем
Я был бы рожден,
Из него все равно
Исторгался бы стон.

И слезу все равно
Я держать бы не смог,
Если б горе явилось
Ко мне на порог.

Не по зову приходит
Шальная беда,
Потому-то я слез
Не стыжусь никогда.

С человеческим сердцем
Рожден я на свет:
Все тревоги Земли
В нем оставили след.

Но для жалости места
Не сыщется в нем,
Если в битву вступлю я
С коварным врагом.

Это сердце дано мне
Отчизной моей,
И за это навек
Благодарен я ей.

Только чем отплатить
Я за это смогу?
Жизнь отдам ей –
И все же
Останусь долгу.

***

Смотрите!
Ребенок проснулся –
Глядит удивленно,
А утро спешит
Поздороваться с ним поскорей.
И машет по-дружески веткою
Тополь зеленый,
И солнце его согревает
Улыбкой своей.

Проснулся ребенок
Под синим шатром небосклона,
Проснулся для жизни,
Где нет еще горьких невзгод.
Взгляните глазами ребенка
На мир удивленно:
Нет войн,
Улыбается солнце,
И тополь цветет.

***

Возможно, родился я вместо другого,
Дороги другого, знать, выпали мне.
И первой любви долгожданное слово
Я вместо него услыхал в тишине.
И, может, Отчизна моя дорогая
Должна была стать ему отчей землей.
И вместо него я своим называю
Аул, где очаг полыхает родной.

И вместо него от родимого крова
Зовут меня к вешней заре соловьи…
Все может быть.
Только ошибок другого
Не сделаю –
Все они будут мои.

***

Не ради красного словца
Поэты говорят,
Что пишут кровью, –
Их сердца
Всегда огнем горят.

Не спят поэты в час ночной,
Коль где-то длится бой, –
Им бить в набат в ночи глухой
Бессонною строкой.

И поднимать сердца во мгле
За мир и за любовь,
Чтоб не лились на всей Земле
Ни слезы и ни кровь.

***

В моих росах заблудились
Блики юного рассвета,
Не скупясь на нежность, ветры
Обдают меня теплом.
Солнца доброю улыбкой
В этот день душа согрета,
Но не может столько света
В человеке жить одном.

Люди, я за ваше счастье
Пью бокал хмельного лета,
Чтоб моим ветрам заветным
Быть попутными для вас;
Чтоб, в моих играя росах,
Блики юного рассвета
Вам, как звезды, озаряли
Путь к мечте в нелегкий час.

***

Земля возле Солнца кружит
по орбите,
И ей человек – не судья.
Ведь в этом естественном
ходе событий –
Извечная суть бытия.

А что б изменилось,
когда бы светило
Пошло бы по орбите земной?
Возможно ль представить,
чтоб это грозило
Землянам смертельной бедой?

Не стал бы наш мир
бесприютным и сирым,
Все шло бы своим чередом.
Ведь Солнце все также
сияло б над миром
В просторе небес голубом.

Но люди обязаны поздно иль рано
До истины строгой дойти.
Ступил на костер,
не колеблясь, Джордано,
Чтоб мир наш не сбился с пути.

Кто жизнь отдает
за порыв дерзновенный –
За право остаться собой,
Тот мог бы заставить все звезды Вселенной
Пойти по орбите земной.

…Кружит возле Солнца
планета родная,
И ей человек – не судья…
Джордано в бессмертье шагнул,
утверждая
Извечную суть бытия.

***

В горах желают девять благ
Всем, кто открыт душою.
Спешат за добрые дела
Воздать с лихвою.

А труса девять раз подряд
Проклянут лихом черным,
Проклятья вослед ему гремят
Обвалом горным.

***

Насладиться ты сможешь тенью,
Если дерево посадил, –
Под его раскидистой сенью
Отдохнув, наберешься сил.

И сумеешь студеной порою,
Как бы ни был мороз жесток,
У огня согреться душою,
Если сам тот огонь зажег.

Ну а спросишь, в чем суть земная
Жизни быстротекущей, –
Что ж,
Я отвечу, как понимаю:
Что посеешь, то и пожнешь.

Если камень посеешь, помни:
Только камень пожнешь потом.
А посадишь саженец, помни:
Обернется он деревцом.

Камню – встать в изголовье могилы,
Деревцу – расцвести в саду.
Сотворить добро – в наших силах
Так же, как накликать беду.

Мне недаром видится в этом
Бытия извечная суть.
Над моим подумай советом
Перед тем, как продолжить путь.

***

Имею ли я разве право
Хулить свой век
И свой удел?

Грешно ведь обижаться, право,
Что зелен плод, пока не зрел.

Я – человек.
Не я ль повинен,
Что этот век такой шальной
И что над мрачной бездной ныне
Шар балансирует земной?

Я – человек.
Не я ль в ответе
За каждый новый день Земли?
Чтоб века нынешнего дети
Войти в грядущий век смогли?

***

Коль песни, что поем сегодня,
Потомкам будут не нужны,
Коль не понравятся им наши
Ввысь проторенные дороги
И коль стеной непониманья
Окажемся разделены, –
Не нас ли горько и сурово
Потомки обвинят в итоге?

Ведь, если мы для них не станем
Примером истинным во всем,
Откуда же им взять истоки
Для мастерства, для созиданья?
Без этого прекрасных песен
Они не сложат нипочем
И проложить вовек не смогут
Дорогу к тайнам мирозданья.

Должны для них деянья наши
Стать путеводною звездой,
Как мы тянулись за отцами,
Чтоб судьбы наши были схожи;
Чтоб с высотою, нами взятой,
Потомки путь сверяли свой –
И чтоб могли потом их дети
На них самих равняться тоже.

***

Отчего же мы так привыкаем
Быть незрячими, не пойму.
И глаза легко закрываем
На грядущее –
Почему?

Отчего страданий планеты
Увидеть не можем порой?..
Закрывая глаза,
Об этом
Размышляю в тиши ночной…

Старик

Много повидал он на веку –
Больше века нынче старику.
Растерял он сверстников до срока.
Вечерами часто при луне
Он сидит на древнем валуне
У своей калитки одиноко.

Взгляд его еще остер пока,
Сердце не сдает и стать крепка,
И для жалоб, вроде, нет причины.
Но, склоняясь на посох головой,
Он вздыхает горестно порой,
Будто от назойливой кручины.

С честью долгий век он прожил свой,
Отродясь не покривив душой
Даже на ничтожнейшую малость.
А невзгоды прошлые – не в счет,
Лишь одно теперь его гнетет:
Сверстников с ним рядом не осталось.

***

Когда домой однажды конь
Придет без седока,
То весь аул тревогу бьет –
Удел людской жесток!
Ведь это значит, что беда
Стряслась наверняка,
Ведь конь
Хозяина вовек
Покинуть бы не смог.

А если я в чужом краю
Беду накликаю свою
И хриплым карком воронье
Мне предречет конец,
Пусть песня, сложенная мной,
Стремглав летит в аул родной –
На склоне дня тревогу бить
В колокола сердец.

Проза

Муса Бексултанов

Этого он не знал

Рассказ

Сулумбеку,
сыну Аци Сулеймана

Старику было не по душе, что невестка часто меняет цвет своих волос. Раньше он вообще не понимал, что это такое. Он очень пристально и как-то странно смотрел на ее желтые, словно лежалая кость, волосы. На самом деле, они были красивыми, как осенняя листва, готовая вот-вот опасть.

Сноха у него была привлекательной. «Да, у сына все в порядке со зрением, – сказал он сам себе, – хоть и проходил в холостяках до тридцати лет».

– Уйт, Карибат! – старик ударил кулаком по колену. – Не жизнь это, если не быть молодым и не отправиться с такой же молодой и красивой девушкой по свету, куда глаза глядят… оставляя позади себя разговоры: видели – не видели, были – не были…

– Ты ее случайно не в изголовье собираешься положить?

– Не собираюсь, клянусь… Я хотел бы с такой девушкой слиться, как корень дуба врастает в землю…

– Ладно, хватит, не стоит продолжать. Ты и так не дал мне вздохнуть спокойно… То ходил:

Литтир-литтитар,
Литтитар-лит.
Дай нам, Бог,

Малышка Палад, – в Казахстане волочился за одной разведенкой. Потом ходил… Эх-хей! Как же часто ты меня изводил ожиданием, что не сегодня–завтра приведешь вторую жену.

– Эх, Карибат, да умри ты скоро! Вся согнулась, так и не поумнев! – сказал старик.

Потом, спустя время, добавил:

– Ну, скажи, да, как тебе невестка, довольна ты снохой?

– Почему бы мне не быть ею довольной? Лишь бы они подходили друг другу – этого мне хватает, – ответила старуха.

– Невестка у тебя симпатичная, Карибат. А вот на тебе бы, Карибат, никто, кроме меня, не женился… В то время, когда я захотел жениться, я сделал вид, что дотронулся до тебя рукой, и ты, на которую никто не обращал внимания, навязалась мне в жены…

– Клянусь, я была красавицей, на которой всякий хотел жениться. Жовбетар за мной ухаживал. Много раз Илес, сын Дуды, присылал ко мне сватов, а ведь он из тех, кто думает о себе: если не я, то кто… И тут ты, дурак, дотронулся до меня…

– Да умри я у тебя, женщина! Остановись, пока не превратила себя в Зазу, невесту Анзора[1].

– Если спросить тебя, большей, чем ты, шишки нет в этом мире, а если спросить у людей, то нет ничего более суматошного.

Старики часто так подтрунивали друг над другом. Иногда в этих словах была

доля правды. С тех пор, как стали мужем и женой, жили, ни разу не бросив в адрес друг друга ни одного проклятия, сейчас же обычные супружеские отношения отошли далеко, они уже называли друг друга по имени[2], сердце болело друг за друга, жили единым дыханием. Сколько всего было пережито вместе: беды, голод, добро… Семерых детей похоронили. Сейчас у них были сын и дочь. Дочь жила своей семьей, у нее был свой двор, свое хозяйство, куры…

А вот сын все никак не хотел мужать и вот наконец-то повзрослел.

Когда в доме появилась сноха, они вновь помолодели. Старуха кружилась, как венчик в кастрюле с кашей. Старик смеялся и говорил, что смеется якобы над Карибат. Ночью они долго не могли уснуть.

– Атаби! – звала старуха из темноты.

– Что ты сказала, ва Карибат? – отзывался старик.

– Теперь в двух местах нужно жечь огонь… А дров…

– Карибат, у Изновра ишак, словно кабан! Я уже договорился о цене в семь рублей. А с ишаком – подходящая к нему арба.

– Ты устроишь скачки, Атаби… когда эта женщина…

– Что за скачки?

– Когда эта женщина… она… сына родит…

– Ну, конечно, этого же ишака Изновра с его арбой предложим в качестве приза…

– Не переворачивай мои слова… Как можно награждать ишаком!

– Тогда твоей коровой, которая вот уже сколько лет ни молока не дала, ни теленка!

– Я согласна пожертвовать этой коровой, когда будем давать мальчику имя. Я бы хотела наречь ребенка именем своего отца…

– Ва! О чем ты говоришь? Хочешь погубить человека! Ты говоришь о несчастном своем отце, который в то время, когда къонахи[3] кружились на быстрых, словно змеи, скакунах, сидел на ишаке с переломанными хребтом и хвостом, ходил с болтающимся на поясе пистиком, сделанным из косы… Имя мальчика, клянусь, будет, как у моего отца, который любому глаза бы выклевал, – Умах.

– Тоже мне! Да возгорится огонь на это дело! Ходил с палкой ружья за пазухой, крал чужих бычков и вдруг сделался, по твоим словам, прямо-таки полковником… Довт, Атаби тоже кажется мне красивым именем.

– Да ну тебя, Карибат! Наше имя им не подойдет. Назовут по-своему: «Аслан, Бислан, Сослан». Лучше потуши лампу, чтоб не коптила.

Потом старики долго лежали в темноте, зевая, часто моргая, устав от мыслей.

Старик стал носить дрова. Совершив утреннюю молитву, перекусив, на рассвете запрягал ишака и отправлялся в лес. В лесу, отпустив ишака пастись, выкорчевывал пеньки, оставшиеся от спиленных деревьев, за которые ни перед кем не надо было отвечать. Некоторые были сухими, другие трухлявыми.

До обеда он выкорчевывал пеньки, потом водой из оврага совершал омовение, долго молился на зеленой траве, очищаясь душой и телом. Потом ненадолго засыпал под дикой грушей.

Проснувшись, укладывал пеньки на арбу. Пока он так возился, день клонился к концу.

Пеньки, которые он возил, заполнили весь навес и двор.

Старуха ругалась: «Что ты собираешься с ними делать? Еще шестьдесят лет жить хочешь? Они и гореть-то не будут!»

«Ребенку нужен огонь, женщина, много тепла зимой и летом», – говорил он.

Старуха умолкала.

Зима настала и прошла, они жгли пеньки. Старики внимательно смотрели на невестку. Ничего не было заметно.

– Ва Карибат, ты же женщина, ничего там нет? Я-то плохо вижу… – говорил старик.

– Мне не видно, – отвечала Карибат, – как-то на днях я заметила, что она кушает соленый огурчик и открыла несколько банок помидоров и огурцов… Стоят вот теперь прокисшие…

Потом оба умолкали, пряча друг от друга мысли, недовольные.

Теперь старик не ходил в лес, как раньше. Не было желания. Сейчас он все больше размышлял. Иногда в забытьи пропускал время молитвы.

Он не мог понять жизнь сына и снохи. Они же уже не юные!

Потом он увидел волосы невестки черными. Настолько черными, что глазу трудно было на них задержаться. По телу пробежала дрожь, словно внезапно зашипел гусь. Он растерялся.

– Карибат! – сказал он, войдя, дрожащим голосом. – У этой женщины волосы раньше были рыжими… а сегодня я увидел, что они черные… Этому парню… парню этому…

– Да ну тебя! Им-то они придают тот цвет, какой пожелают. Волосы пусть будут, какими угодно… Второй год пошел, я стыжусь людей, каждый, кого ни встречу, спрашивает…

– Карибат, скажи… разве нельзя сказать…

– Это же неприлично, ва Атаби, как я могу сказать это той, которая мне во внучки годится…

– Через кого-то другого…

– Как сказать через посторонних, нет никого, кто был бы настолько близок… И ведь не знаем, в чем дело. Когда дочь приедет, пусть она спросит. И она заболела…

– Эти врачи… я слышал, они могут лечить. Вдруг наш сын виноват, Карибат…

– Не знаю уж, чья вина. Знаю, что это не дело.

Старику все это не нравилось. Он вспомнил семерых своих предков. Потом взвешивал все свои поступки. И не нашел ни одной причины. Казалось, за корни невозможно уцепиться. Они были чистыми. Они-то живы. Вот ветви стали высыхать. Цветение тоже бывает нездоровым, будь оно не ладно. «Нелегкое это дело, жизнь, ох, нелегкое!» – сказал он сам себе.

Потом настала осень с желтым листопадом. Вороны кружили над селом.

Сын со снохой вернулись с курорта и вышли на работу. Сноха работала в школе учительницей. У нее было высшее образование.

В это время и приехала их дочь с двумя детьми. Она долго лежала в больнице. Старик обрадовался внукам. Их очень забавлял ослик. Дед сажал детей на арбу и возил в лес полакомиться мушмулой.

Они называли его Большим Дедом. Стоило им произнести «Большой Дед», как перед его взором вставали сын и сноха. Тогда сердце начинало щемить оттого, что нет детишек у сына, чтобы вот так же их приласкать. Они бы всегда были с ним. Как бы много всего он им рассказал!

Эти две недели старики провели в радости. Старуха, возгордившись, кружилась, ничего не замечая.

– Вай Карибат, стоило тебе увидеть внуков, как ты напрочь забыла обо мне, – пошутил Атаби, – если я не умру, то ты будешь кружиться в отчаянии. Вчера парень ходил к разведенке, чтоб взять с нее слово!

– На осле ты к ней ездил? – все перечеркнула Карибат.

Наконец дочь стала собираться домой. Старики как-то осунулись, приуныли.

Старуха собрала для дочери все, что было возможно: лук, чеснок, курдюк. Атаби, усадив на арбу двоих детей, подвез их к автобусу. Они, смеясь, подняли такой шум! Мать исподтишка делала им замечания. Дети все никак не могли угомониться. Атаби и печалил, и радовал их смех.

Когда же он вернулся, старухи нигде не было видно. Он ее особо и не искал – он сам был в печали.

Отпустив осла, он вошел, Карибат сидела к нему спиной на маленьком стуле. Она даже не привстала.

– Ты не прилипла к этому стулу? – сказал он.

Старуха вскочила. Она прятала лицо. Молчала.

– Что это с ней? – сказал старик. – Да неужели не понимаешь, что с тобой вечно жить не сможет женщина, у которой есть своя семья…

Старуха медленно опустилась на стул.

Заплакала, не произнеся ни слова. Атаби лег на паднар[4], подложив руки под голову. Он услышал плач старухи. Сильно закричал ишак. «Чтоб тебя собаки съели, – сказал он сам себе, – неужели не можешь кричать, отойдя подальше?»

– Ва, хватит, не устраивай тут плач! – прикрикнул старик на Карибат.

Плач Карибат еще более усилился.

Тогда Атаби стал сомневаться. Вспомнил, что дочь гостила две недели, а дома ведь оставались еще трое детей, свекровь, муж.

– Карибат… у дочери… у дочери там ничего не случилось? Ты и меня смутила… – сказал он.

Старуха покачала головой, давая понять, что нет.

– Тогда не стенай, да. Не стенай! – сказал Атаби громко.

– Как же не стенать здесь, ахи-ахи, если они делают все, чтобы эти стенания раздавались… Ахи-ахи…

– Что они делают? Что здесь происходит? Почему я не знаю?

– И ты узнаешь… Все село знает, кроме нас двоих.

– Что теперь случилось? Кто умер?

– Никто не умер… твоя сноха в больнице убрала ребенка, которого ей послал Всевышний… Что еще должно было случиться? Кто еще, по-твоему, должен умереть? Скажи! Скажи! – старуха, развернувшись к Атаби, качая головой, бросала слова, словно лук стрелы.

Атаби лежал, как будто в него выстрелили из ружья, без единого звука, без единого движения.

Карибат все говорила, упоминая семь небес и восемь земель. «Почему небеса не перевернулись? – причитала она. – Почему земля не разверзлась? Почему вода не иссякла? Почему не высохла земля там, где она ходит? Почему не загорелся весь мир, подняв густой дым?»

Атаби молчал.

Он не шевелился. Глаза оставались широко раскрытыми, не моргали.

– Мальчика убрала, мальчика… Ахи-ахи… – стенала Карибат.

Вдруг старик вскочил. Его глаза горели синим огнем. Тело дрожало.

Он заскочил в соседнюю комнату. Когда он хлопнул дверью, стекла зазвенели – «дзар-р». Стены задрожали. Затем Карибат увидела, как он выбежал. В черкеске, в ичигах, в папахе.

Старуха бросилась к нему со словами: «Ты что это… куда собрался… Всевышний чтоб тебя сбил с пути… Что ты хочешь делать?»

– Иду, чтоб объявить кровную месть! Кровную месть! Иду, чтоб не осталось безнаказанным убийство нашего человека! Слышишь меня, слышишь? – обернулся Атаби.

Карибат накинулась на него сзади, обхватив за талию:

– Нет… Остановись… Остановись, Атаби! Попроси у Всевышнего терпения!.. Будь терпелив…

– Отпусти…

– Остановись, Атаби…

– Отпусти, я…

– Чтоб я умерла у тебя, Атаби!

– Отпусти меня, ва ослица! Будь ты проклята! Я сейчас раздроблю тебе голову, как змее, – Атаби пытался схватить Карибат за волосы.

– Атаби, у нас нет права на это… Мы виновны… ты не прав… С разрешения твоего сына, в согласии с ним она сделала это… Мы одинаково виноваты… Одинаково…

Старику словно сломали спину. Внутри сверлом крутилась молния. Огонь бежал по телу. Пропало зрение.

– Атаби… ва Атаби, – плача, старуха опустилась на колени.

Старик развернулся.

Медленно подошел к Карибат.

Встал над ней.

Печально посмотрел на нее.

Наклонился.

– Я сказал, что проклинаю тебя… Не обижайся и не отвечай мне тем же, я человек, чей род прервался, Карибат, прервался… – глаза старика были прикрыты.

Он ничего не видел. Он и не хотел ничего видеть. Он не знал, что это, почему, откуда, когда… Он думал, что надо жить так, чтобы жена рожала детей, ухаживала за двором, заботилась о своей семье, муже. Думал, что мужчина должен искать благ для семьи, чтобы она не пребывала ни в холоде, ни в голоде, воспитывать детей культурными людьми, соблюдающими обычаи. Все, о чем он думал, состарилось вместе с ним, отошло, обветшав. Он этого не знал, не знал…

1984–86 гг.

Перевод с чеченского Лидии ДОВЛЕТКИРЕЕВОЙ

---

[1] Фольклорная красавица.

[2] Муж и жена, по чеченскому обычаю, не называют друг друга по имени.

[3] Къонах (чеч.) – удалец, молодец, соблюдающий чеченский кодекс чести.

[4] Паднар (чеч.) – деревянная кровать.

Л. Адамс.

Дорога, спускающаяся в село

– Выпьешь воды?
– Да.
– Я принесу холодной.
– Принеси.
Это село красиво. Только в дождь тяжело приходится. А сначала казалось таким странным… Чуть больше двадцати домов, разбросанных там и сям. Во многих люди не живут. Пустые дома, с голыми окнами. Страх. Школа, согреваемая печками, вот-вот обвалится. У директора, как у министра, свой кабинет.

Школа. Школа, время пролетело, как сон.
Когда писали сочинение, он сказал, что хочет стать художником.
– Как же зародилось в тебе это желание?
– Так, когда увидел картину с журавлями, летящими над морем.
– А ты рисовал картины?
– Да, рисовал.
Айза сидит, устремив взгляд на парту.
Он ведь только ее и рисовал.
Айза сказала, что хочет стать учительницей.
– Ты принес воды? – я встаю.
– Да, – подает.

Сажусь на свежескошенную траву. Кругом – запах травы, запах сена. Все это горы, леса, поляны…
– Летом-то хорошо бывает в нашем селе, что ты смотришь по сторонам? Дорог только нет…
– У вас же есть свой колхоз, вот пусть и проложит, – говорю я.
– Да ну, о чем ты? Все только едят. За последние годы с десяток председателей сменилось. И каждому новому нет дела ни до села, ни до нас. Поэтому здесь и не живет ни один учитель – в дождь надо идти пешком 18 километров. Ты-то неплохо задержался – вот уже пять лет как.
– А, я… Да так…
Люди здесь хорошие. Как дети. Весной красиво. Сказка.

– Почему ты хочешь стать учительницей, Айза? Это же тяжелый труд. Нужно все время говорить.
И опять она:
– Я же не могу рисовать… Я очень испугалась, что ты покажешь эти рисунки.
Косы. Белые-белые ноги.

– Люди у нас хорошие, Джабраил. Цивилизация до нас еще не дошла в полной мере. Нам даже электричество провели не так давно.
– Да, давай поднимемся, а то косы заржавеют, если так сидеть, – говорю я.
Шарх. Шарх. Шарх.
– Я очень не хотел звать тебя на косьбу. Думал, ты не сможешь…
– А-а, косить…

Почему? Неужели думаешь, что я ребенок, которого растили в нежности? Нет-нет. Я на ишаке возил дрова, согревая дыханием руки: фуф-фуф. По ночам собирал кукурузу с колхозного поля, спотыкаясь под грузом навалившегося сна. Отец часто брал с собой на косьбу. Он косил. Я собирал. Затем вечером мы складывали стог. Я боялся, что не увижу Айзу до отъезда. Это была девочка, приехавшая в наше село. Красивая девочка.

Отец всю неделю водил меня на косьбу. Пока не закончилось время сенокоса.

Как-то мы вернулись чуть раньше, и я увидел, что Айза идет куда-то со своей матерью. Они возвращались домой, в город.

Я забежал за сарай. Сел на сухой мусор. Долго смотрел вслед. Потом горло перехватила неведомая обида. Хотелось плакать. Не плакал.

После, уже осенью, увидел в нашем классе две маленькие косички, заметил белые-белые ноги под партой.

Белая походка… Иссиня-черные молнии бровей… Вкус цветения, родника, яблок… Мир заполнился мыслями, смущением, переживаниями, от которых хотелось бежать с криком…

Ее отец умер. Мать, взяв дочь, приехала жить к своей матери в село.

– Твоя фамилия Зулкарниева? – учитель.

– Да, – она.

– Зовут Айзой? Присаживайся.

Она садится, поправляя платье двумя руками.

И снова сажусь на только что скошенную траву. Трава мягкая. Дорога в это село спускается вниз, издалека, с вершины горы. Белокаменная дорога вьется, как ползущая змея. Если отсюда посмотреть, то видны, как в зеркале, все дома.

– Вон, какая-то гостья идет в наше село! – это говорят мне.

– Где? – я смотрю.

– На дороге.

– А-а, это моя бывшая ученица, Алиева Хеда.

– Дочь Идриса… которая в институте?

– Да, на третьем курсе.

– Она красивая девушка. Тебе бы жениться, Джабраил! В этом селе полно красавиц… Ту, на которую ты укажешь пальцем, мы…

– Не стоит, к чему это, нет-нет, – я отвечаю непринужденно, не заостряя.

Айза ведь тоже была на третьем курсе. Айза тоже была…

Алиева Хеда, его ученица, и ему кажется красивой девушкой. У нее густая коса. Она вызывала пред ним образ Айзы. Он казался себе молодым, идущим навстречу ей по дороге, вечером, к шестичасовому автобусу.

Поэтому он часто на уроках смотрел на Хеду, погружаясь в воспоминания.

Хеда сидела, устремив взгляд в книгу, словно борясь с желанием видеть его, покраснев, исподволь бросая на него взгляды.

Однажды он зашел в класс, забыв журнал. Он отправил Хеду за ним. В журнале он нашел клочок бумаги, подписанный в самом низу: А.Х.

«Зачем ты это написала, девушка, зачем? А? Ну, зачем? Ты не поняла меня! Не поняла», – сказал он про себя.

Потом свернул в кулаке кусочек бумаги, скатав из него маленький шарик. После урока выбросил.

На следующий день спросил урок у Хеды.

– Я сегодня не готова.

– Садись, двойка.

Месяц проходила с обидой. Больше он ее не вызывал по имени и не смотрел на нее, как раньше.

Потом он видел ее смеющейся. Видел с парнями. Хорошо, что так.

– Да хватит уже, стемнело. Хорошо покосили! – положив косы на плечи, они двинулись. В теле легкость.

– Сегодня намечается вечеринка. Пойдем с тобой туда. Будет много девушек, даже из других сел. Иди хорошенько побрейся, чтоб быть, как огонек, – ударяет меня по плечу, глядя в глаза.

– Хорошо, – я улыбаюсь.

Свадьбы. Вечеринки. Белхи[1]. Радость для чеченского сердца. Характеры. Соревновательность. Кинжалы. Честь. Стыд. Почему они постепенно исчезают, почему теряются?

На что их меняют? Почему я никогда не ходил на вечеринки? Почему никогда не был на них? Почему у тебя не было гнедого скакуна, пояса с кинжалом на талии, девушки, ждущей у родника? Потом, завидев, конь бы ржал, узнав ее.

Ты шел к трассе, проходящей в шести верстах от села, каждую субботу. Айза приезжала на шестичасовом автобусе. Ты, словно возвращаясь откуда-то, подходил к автобусу. Ты видел Айзу и в ту ночь не мог уснуть.

Со школы вы всегда возвращались вместе, проходя через овраг. В овраге небольшой ручеек. Дикая груша стоит на берегу. На груше сидит сова. Все бросают в нее камни. Не попадают. Кидают снова и снова. Тогда и ты бросаешь. Камень попадает прямо в клюв. Сова падает в ручей, вода уносит ее. Когда вы останетесь одни, Айза скажет: «В жизни, Джабраил, никогда не будет тебе удачи… Не знаю, мне кажется так, что не будет».

Окончив десять классов, пытался поступить. Получил двойку. Айза прошла. После армии устроился на работу в совхоз. Готовил документы на заочное. Так и жил, встречая каждую субботуАйзу. Пошел и в тот день. У нее был последний экзамен. Когда автобус подъехал, ты сел. Не увидел ее. Наверное, сидит где-то. Когда доехали до села, сошел. И люди вышли. Айзы не было. Прождал до девяти.

– Джабраил, у тебя есть девушка? – мне.

–А-а? Есть…

– Откуда она?

– Из нашего села.

– Как зовут?

– Айза…

– Айза – красивое имя. У меня тоже есть девушка, в Шатое. Имя, вот, незвучное. Саждат. А Айза – красивое имя.

Да, имя Айза *было* красивым, словно стрелы молнии, иссиня-черные брови, белые-белые ноги бросались в глаза, когда она шла. Словно цветение весной или осенний листопад. А сейчас в письмах, фотографиях все стало каким-то серым, остался лишь светлый облик.

Для нее было место в нашей сельской школе. Но она не осталась.

Мимо кладбища приходилось проходить дважды в день. Как бы сильно ни зарекался, не мог удержаться и не посмотреть. А когда смотрел, видел Айзины глаза, раскрытые широко, как этот мир, под колесами машины, на бетонной дороге, крик, словно удар грома в небе, взывающий к помощи. Капли, капли крови, как звезды, и предсмертный стон.

– Добрый вечер, Джабраил Магомедович! Вы с сенокоса идете?

– Живи счастливо, Хеда. Ты ли это? – его приятель смотрит на девушку, проводя языком по верхней губе.

Хеда уже переоделась. На ногах – тапочки. Одна рука – в кармане халата. Ноги голые. Коса украдена городом. Лицо, его черты, небрежно уложенные волосы вызывают перед тобой картины высотных домов, театров, разные краски.

Последнее исступление. Раздражение. Сумасшествие. Исчезает еще одно столетие.

– Косы надо повесить сюда, на сливу, Джабраил. Эй-эй, приготовь нам еды, нам надо на вечеринку…

– Я для вас кукурузу пожарила, Джабраил Магомедович! – сестра товарища. – Твоя в какой руке? – прячет их за спиной.

– В левой.

– Досталась верхушка, верхушка… – смеется.

«– В жизни не будет никогда тебе удачи, Джабраил…

– ..?

– ...не знаю, мне так кажется, что не будет…»

– Нана, – спросил он тогда свою бабушку по отцу, после того, как кровавые звезды застыли на бетоне. – Почему человек вырастает, становится красивым, как весенний цвет, и умирает?

– Не знаю, Джабраил. Чтобы жить вечно, наверно, и никогда не умирать.

– Как же можно жить вечно?

– Жить в людской печали или в радости своих лет.

Тогда я не понял. Но она жила, когда я видел на дороге, спускающейся в село, девушку или вечером, когда на берегу родника раздавались тонкие, готовые вот-вот оборваться, сладко-звонкие голоса.

– Что это ты?

– Пойду к себе…

– Вай, подожди… Поедим и пойдем на вечеринку, там девушки…

– Завтра с детьми нужно проделать кое-какую работу, надо немного подготовиться… – я ухожу.

Поднимаюсь довольно высоко, оборачиваюсь. Он все еще смотрит мне вслед. «Ну и дурак же ты!» – думает, наверно, смеясь надо мной. Пусть говорит, что с того? Ведь у него же не умерла Айза. Ведь ему не ведомо, как девушка, похорошев, словно весеннее цветение, ушла из жизни и вечно живет со мной, в моей печали, в разбивающемся от звона смехе молодости.

Мне это известно, мне! Все только мне одному… Почему? Столь много – почему?

1982 г.

Перевод с чеченского Лидии ДОВЛЕТКИРЕЕВОЙ

---

[1] Белхи – традиция коллективной взаимопомощи, в которой хозяйственный труд сочетался с отдыхом в виде песен, танцев.

Старый тулуп

Холодно. В этом году рано холодает. Уже неделю идет дождь. Лето стояло жарким. Все высохло. Разорение, убытки государству, людям.

Не зайдет ли старуха, проголодался я. Эй! Куда ты подевалась? Сегодня в этом доме будут кушать? Я не в холбате[1] сижу. Не услышит… Коротким тебя шили, тулуп, ни вверх, ни вниз не достаешь. Тулуп… «Купи себе тулуп, а не строй из себя что-то».

Правильно говорил. Конечно, правильно.

«Не пытайся стать къонахом[2] лучшим, чем я».

Да, хороший къонах. Люди, оказывается, разными бывают. Да. Поздно. Не так уж и поздно. Стоило появиться на свет, чтобы прийти к этой мысли, познать людей. Если бы и не родился, ничего бы не случилось. Что с того, что ты постигнешь людей, раз завтра или послезавтра все равно нужно уйти? А что бы ты смог сделать, если бы жил вечно? Глупец, вот глупец!

Человек, выходит, должен быть расчетливым. Отмечать, что делает сам и чем отвечают ему, не пытаясь отдать людям последние штаны. Ты же не оценивал. Даже внимания не обращал. Ты вообще так не думал. В этом не было твоей вины. Ты таким явился на этот свет. И потому ты не мог этого изменить. Нельзя же заменить корни. Эх! Как легко нажить врагов! Таскали от тебя со смехом все, что им надо, а сами втихомолку поджидали, когда же ты встанешь на колени. Получается, нужно быть хозяином своих вещей на этом свете. Кто же знал, что в этом правда? А, оказывается, в этом истина.

В свое время были у тебя братья, сыновья, близкие… Теперь никого нет. Ты не считал себя одиноким. Друзья! Думаешь, так легко стать другом? Дурак! Что ты думал и что из этого вышло сейчас? Ходили с тобой, приглядываясь, где же ты ошибешься, пока ты думал, что они твоя опора. Так и было. А теперь вот лежи, кутаясь в свой старый тулуп.

Что ты сделал Малаку? Правда, когда у него умер отец, ты дал ему корову на убой. После, спустя годы, когда он протянул тебе деньги за корову, ты не взял: «Перестань, Малак! Не говори о том, что не имеет значения. Что нам эти телки – отдать-взять?» – сказал ты. «Да станет милостыней, Муртаз, эта корова, надо было просить у тех, кто бы принял долг обратно», – сказал он тебе тогда. Для тебя не имели значения ни эта корова, ни эти деньги. Ты не накопил богатств. Главным для тебя было делиться пищей. Ты не ел свой хлеб сам. В твоем доме всегда были люди. Ты привечал сельчан, словно гостей, до тех пор, пока у них не появлялись свои возможности, свое благосостояние. Идущий ли, едущий – останавливался у тебя. Даже если тебя не было дома, гости в нем всегда были. Бикату резала барашка, приглашала уважаемых людей, чтобы они приняли гостей, как положено.

Однажды, вернувшись домой, ты увидел троих гостей, приехавших издалека. Бикату пригласила четверых или пятерых нужных им человек.

Поприветствовав друг друга, стали пить чай. Один из гостей, Ахмад, заговорил:

– Мы прибыли в это село. Вышли в центре и стали советоваться, у кого остановиться – у этих, у тех. Я сказал, нет-нет, нам надо идти к Муртазу. Муртаза не будет дома, остановили они. Но Бикату-то будет, ответил я. Если и Бикату не будет, их дети будут. Так мы и пришли сюда, Муртаз. И, как видишь, правильно поступили.

– Не потому, что я къонах и не потому, что считаешь эту женщину хорошей хозяйкой, ты говоришь это, – ответил я, – просто хочешь, чтобы я, ударив в ладоши, станцевал, – я потому так ответил, чтобы сельчан не обидело то, что их ставят вровень с женщиной и детьми.

А сейчас ты состарился, близкие отошли от тебя. Двое сыновей умерло. Все тебя покинули, будто и не было. Люди вдруг стали людьми. Да, не стоящий и толокняной лепешки стал къонахом.

Али был из тех, у кого гости не провели подряд трех ночей. А сейчас ходит в

папахе, поглаживая живот рукой, горделиво ведет беседы, мол, я не я, смотрит свысока на людей. Приятная внешность, хорошо одет, деловой разговор. Что еще сейчас нужно? Ничего.

Когда его жена, ни во что его не ставя, хотела сбежать от него, Али пришел к тебе. Он плакал, как женщина, рассказывая, как молодая женушка, выйдя из дома своих родителей, стояла на свидании с Абраилом, сыном Успы. А потом заявилась и изводила мужа словами: «Разведись со мной, пока я сама тебя не оставила»[3]. Я сказал ему, не бросай жену, а вот с Абраила сними штаны[4]. Али ответил, что не сможет этого сделать. Тогда ты пошел с ним, и вы разобрались. Жена больше не посмела задирать нос перед Али. В те времена Али, Малак и другие были с тобой. Если кто-то нуждался, если кому-то нужно было уладить ссору, если просто поскользнулся – шли к тебе. Ты ходил впереди всех, решая за них их проблемы. Когда же у них все становилось на свои места, жизнь налаживалась, они даже приветствие бросали горделиво, издалека. Их взгляд говорил: «Что ты так осанишься? Я не хуже тебя, а сейчас даже выше тебя». Говорили, все так говорили. Они недолюбливали тебя, потому что когда-то нуждались в твоем сочувствии, потому что ты знал их такими, какие они есть на самом деле.

Как-то у тебя из сарая увели скакуна. Хороший был скакун, резвый.

Через год ты нашел своего коня у осетин. Ты вернул его домой. За то, что из дома увели коня, взял цену в пять коров. Когда же стали искать того, кто навел воров, оказалось, что это Успа. Эх, Успа, кого же я у тебя убил? Какое же ты мне огромное зло причинил!

Когда ты сидел, твоя мать долго плакала по тебе, жена не ухаживала за ней, старуха вся завшивела, затем умерла. Я же похоронил ее, хотя сам не имел тогда средств. Потом, когда, бросив твою дочь, жена ушла в свой отчий дом и стала ходить по вечеринкам, веселиться, я взял Абубакара, с которым обычно хожу улаживать споры, и поклялся перед твоим тестем на Коране, что, если твоя жена, пока не станет известна твоя судьба, выйдет замуж за другого, я этого так не оставлю.

Она не вышла замуж. Ты вернулся. И стал со мной враждовать, словно я убил твоего отца и брата. Ты вдруг стал къонахом. Подойдя к моей двери, чтобы со мной поссориться, ты стал кричать, по какому праву я якобы пытался оклеветать твою жену.

Какую правду ты хотел услышать от меня, ва Успа? О похоронах твоей матери? Или о том, как твоя жена, говоря, что она разведенка, завив волосы, ходила по вечеринкам по разным селам, крутила с ухажерами, танцевала – это ты хотел от меня услышать?

Или, когда тебя выпустили из тюрьмы, и ты вместе с нею ходил на лошадиный рынок, а Висха, сын Зубайры, сказал: «Эх, Нурседа, как же приятно было, когда ты гладила меня по спине!» – эту правду я должен был тебе рассказать? Какую правду ты требовал от меня, Успа? Чтоб ты умер быстрее, Успа, разве я когда-нибудь просил вас сделать что-то для себя? Я лишь учил, чтобы вы не позволяли людям показывать на себя пальцами. Учил, чтобы вы поступали так, чтобы люди, которые нас недолюбливают, думали, что в месте, где находимся мы, живет сам волк. Учил, чтобы вы вели себя так, чтобы о нас шла молва как о къонахах – гостеприимных, щедрых, слово которых всегда метко и к месту.

Я был не прав, говоря все это. Ошибался, думая, что прав.

Когда у вас ничего не было, вы были моими. Тогда я был для вас старшим. Сейчас вы принадлежите другим. Раньше ваши дороги вели ко мне. Сейчас они идут в другую сторону. Вы пресытились благосостоянием. Внезапно пресытились. Вы стали близкими для тех, кто меня недолюбливал. Когда у вас за душой ничего не было, готовы были прийти ко мне по первому зову: скажешь утром – так утром, вечером – так вечером. Заимев же блага – не приходите вовсе. Что я вам сделал? Я всем вам помогал встать на ноги. Принимал ваших гостей, сняв эту обязанность с вас, – для себя, для вас, для всего нашего рода. Поэтому вы и невзлюбили меня, из-за этой самой поддержки. Вам не нравилось, что ко

мне идут люди, передают мне приветы, спрашивают обо мне. Какова должна быть победа, чтобы так соревноваться друг с другом?

Эйт! Гори все! Чайник-то закипел и перелился! Клянусь, моей вины нет, надо было ей зайти вовремя… Найдется ли мята сейчас? Если бы не эта трава, я бы давно умер. Ну и ну, хлеба нет в доме! Эй, эй-й! Зайди ты наконец, зайди! Остопируллах1[5], ну и льет же дождь, что, наверно, и медведь, и волк теперь довольны. Говорят, семья Малака написала в письме, что из-за дождя остановилась работа? В той стороне тоже похолодало! Малак…

Малак прямо среди людей (спустя двадцать четыре года) бросил мне пятьсот рублей: «…На, Муртаз, тогда корова стоила только сто рублей, вот тебе пятьсот!» Когда же я попробовал возразить ему, он сказал: «Муртаз, не пытайся быть къонахом больше, чем я. Купи себе лучше тулуп». Разве я когда-нибудь соперничал с Малаком? Когда я стремился его превзойти? Но, оказывается, всех родных Малака убил я. Оказывается, он презирал меня за то, что я дал ему корову.

Когда мы поехали на похороны в Серноводск, я предложил им: давайте заночуем здесь, ведь у этого человека нет других близких, кроме нас.

«Муртаз, у людей дома свои заботы, хозяйство. Тебе же достаточно бросить две горсти корма курам и закрыть двух баранов в загоне», – сказал мне Али.

Али говорил правду. У меня на самом деле не было никакого достатка, никогда. Я не накопил богатств. У меня не было банок с деньгами, зарытых в землю. Я не держал зажатым кулак ни для семьи, ни для соседей. Все, что было моим, принадлежало всем. Вы об этом знали. Потому-то и невзлюбили меня. Али, вы были не способны зарезать барана для гостя, оставив дела, работу, заняться его проблемами. Я же старался сделать все, как следует, поэтому вы втайне враждовали со мной, словно кровники. Я же весь был бы ваш, если бы вы это поняли, вашим пастухом, вашим работником, которому и платить не надо.

«Муртаз! Муртаз!» Сделали из него какого-то Муртаза, – сказал Идрис. – Из него, который ходит и считает цыплят!» Идрис был прав. Я считал цыплят и сейчас считаю. Мне нужны куры. Ведь они порой выручают, избавляя от вины перед гостем.

Когда твоя сестра Макка, у которой нет сына, осталась прикованной к постели, Идрис, твоя жена не стала за ней ухаживать, и дочка отвезла мать в дом зятя. Ни ты, ни твой сын не вернулись с работы, когда она умерла. Макку похоронил зять, который растит восьмерых детей и пасет колхозное стадо. Когда же умерла твоя теща, ты приехал домой со всеми тремя сыновьями. Ты и быка отвел им для пожертвования. Неужели теща была роднее, чем сестра, ва Идрис! Лучше бы ты забил быка, когда умерла твоя сестра. На поминки тещи можно было и барана зарезать, чтобы перед людьми не опозориться.

Тебе не нравилось, что меня называют Муртазом. Почему же ты не добился того, чтобы тебя звали Идрисом? А? В этом я виноват? Э-э, Идрис, э-э, все это пустое!

Волк попросил у пастуха барана. Пастух ответил, что не он хозяин, что он пасет стадо за плату. Тогда сходи к хозяину стада и спроси, можно дать барана или нет, а пока ты обернешься, я посторожу их, сказал волк. Вай, как же я доверю тебе стадо, ты же волк? Тогда волк, говорят, ответил: «Пусть я буду главным среди тех, у кого нет ума, если подведу тебя!»

Я оказался главным среди людей, о которых говорил волк. Кто ж знал? Кто верил, что за корову, отданную на убой, тебе даже легкие не дадут пожарить? Чтобы что-то понять, нужно самому с этим столкнуться. Да, нужно.

Когда сказали: «Этот человек хочет тебе навредить», – один настоящий

къонах, говорят, ответил: «Нет, я не сделал ему ничего хорошего. Только тот, кому ты сделал добро, может тебе ответить злом».

Кто же верил этим словам? Кто верил, что близкие тебе люди будут рыть на твоем пути ямы? Наш отец говорил: «Иногда ближе, чем твой родственник, тебе становится чужой человек». Я считал эти слова очень странными. Но они оказались очень правдивыми. Он наблюдал подобное. Я же был в то время несмышленым, нежным ягненком, рожденным на зеленой траве, который не видел зимы, пил материнское молоко и гулял беззаботно. Зима тогда еще не наступила. Я лишь недавно ее увидел, очень поздно, когда уже подумал, что и не бывает зимы вовсе.

Выходит, что родной тебе человек, который все время находится рядом, чуть ли не внутри твоей сути, предает тебя? Когда он становится тебе врагом, твои крылья обрываются. Ведь ему видно то, что незаметно находящимся в стороне. Ему известно, когда ты плачешь, когда смеешься, известно твое уязвимое место. Потом это выносится из дому. И у тебя не остается никаких тайн.

Это время, оказывается, такое, что для того, чтобы другого человека назвать къонахом, надо иметь мужество! А я ведь так не думал! А я думал, что человек должен служить другому бескорыстно. А выходит, что людям не нравится, когда им служат бескорыстно, если сами они на такое не способны или кто-то другой высоко это ценит. Если ты понимаешь, что делаешь, это людям почему-то не по душе. Нравится дурачок, танцующий всюду, как только ударят в ладоши. Пустое все, что я делал, пустое. Я-то знал, что все меня не поймут. Знал, что даже в самом большом городе не будет больше двух-трех людей, способных отделить хорошее от плохого. Знал, что не со всяким нужно соперничать в благородстве. Но думал, что уж эти-то двое или трое точно меня поймут.

Но получается, что бывают целые села и даже народы, где не с кем разделить свои взгляды, поставить общую цель, в потомстве которых не бывает нартов.

Что поделаешь, нужно пройти по жизни таким, каким тебя создал Всевышний. У каждого же свое лицо. Тому, что дано тебе, надо следовать. Даже если очень хочется, этого с себя не сбросишь.

Люди живут, построив красивые дома, складывая копейки с рублями, готовя пищи ровно столько, сколько хватит их семье. Да и ее ставят на стол капля к капле, чтобы ни в коем случае не осталось.

А для меня все были отцами и братьями, всем улыбался, никогда не завязывал мешок.

Поэтому сегодня лежу, укутавшись в старый тулуп, которым попрекают меня люди, открыв глаза, словно только что отошел от сна. Лучше бы я был рожден другому отцу – тому, кто свой хлеб ест сам. Тогда бы и мне жилось легко, не удивлялся бы тому, что человек плох. Но нечего делать, когда о тебе говорят: сын такого-то. Тогда тебе хочется соответствовать цене этого имени, не думая больше ни о чем. Тебе дал эту цель твой отец, так же, как ему – его отец. Он очень боялся, что его имя люди будут произносить с грустью. Поэтому и ты карабкался по жизни, стараясь пройти ее так же.

Раньше, когда ты слышал, что люди говорят: такой-то человек – князь, – ты не понимал. Сейчас понял. Вайнахи называли одних князьями, других – рабами не из-за их благосостояния. Князь – тот къонах, кто не пустословит, кто по своей сути, а не на показ верен, щедр, воспитан, стоек. Князьями называют тех, у кого чистые корни, кто принадлежит семье, в которой воспитывают къонахов. А раб? Раб – тот, кто не къонах.

Эх, жизнь! Лучше бы я умер с теми къонахами раньше или был бы молод сейчас!

К каждому человеку люди вырабатывают свое отношение, каждого ставят на свою ступеньку – от самой низкой до самой высокой. У человека, оказывается, два паспорта – тот, который выдан государством, и тот, который дают люди. Государственный лежит себе в кармане, он нужен для того, чтобы власть отличала одного от другого. А вот паспорт, выданный людьми, имеет большой вес, настолько, что даже носить тяжело. Наверное, оттого, что не каждому его

выдают, так тяжело его получить, тебя толкают, ты падаешь, потом поднимают. Лучше бы и не знал про этот паспорт, раз люди не ценят того, что ты для них сделал.

Отец говорил тебе: «Из семьи князя может выйти и раб. Нужно самому стать рабом, но дом должен быть княжеским по благородству». Вот ты и пытался создать княжеский дом, чтобы не переводилось в нем ни питье, ни угощения, чтобы всегда он был полон гостей.

«Забудь добро, что ты сделал людям. Будь с людьми, словно щенок-найденыш. Тебя возвысят как сына своего отца, потом береги свое слово, помня, что уважение к тебе исходит от уважения к твоим предкам. И для сына своего оставь такую же возможность. Некоторые любят къонаха страстно, другие готовы убить – настолько он им ненавистен», – сколько еще, сколько наставлений давал отец. Это все ты и перенял. Но сейчас сомнения закрадываются в твое сознание, верной ли была дорога, которой ты следовал, или был не настолько смелым, как хотела бы жена, не таким отцом, как хотели твои дети, пока ходил, взвешивая на весах, что же скажут люди.

Сколько бы преград ты ни старался пройти, столько же тебе их и подбрасывают, чтобы услышать твой стон, чтобы переубедить тебя, чтобы однажды услышать твой крик.

Никто так не настраивается против тебя, как тот, кого ты научил ходить, из кого ты сделал мужчину. Все, кто тебя не любили, полюбят тогда, когда ты стар и не в состоянии искать жизненных благ, когда тебя покинут близкие, когда ты останешься один. Да, оказывается, любят слабого, слабого.

Что там за шум? Кто-то пришел. Стучится в дверь.

– Заходи, эй! Заходи, здесь люди живут, люди. Эх, спина, полежишь – и встать невозможно…

– Ассаламу алайкум, старый волк! Что это ты слег, а?

– Ваалайкум сала-а-м, Довт, ты ли это? Клянусь, не надо было тебя пускать, я уже стал забывать, как ты выглядишь, если бы ты сегодня не появился! Садись-ка сюда, садись! Эх, живи ты свободно, умеешь ты прийти вовремя!

– Постой-ка, эта старуха не ушла, поссорившись с тобой? Что-то не вижу этой Маьлха-Аьзни[6].

– Да что ты говоришь! Клянусь, не ушла и не уйдет никогда, даже если еще сто лет проживем. Если мне подходит то же, что и ей, она не возражает, не требуя ничего лишнего.

– Эй, эй! Вовсе не дура, ни крошечки не дура! Ха-ха-ха. Помнишь свои шутки? Моя-то старуха до сих пор не понимает смысла твоих шутливых слов. Думает, что это значило, что она не глупая.

– Сядь-ка для начала, Довт, присядь сюда на истанг[7]. Да, так, вот-вот.

– Да ну! Мне сейчас не до сидения. Сегодня я в очередной раз понял, что мы, горцы, крайне глупы. Если бы ты был в том автобусе, и ты бы это понял…

– Расскажи-ка, Довт, расскажи!

– Когда я ехал сюда в том автобусе, я долго смеялся с того, что сказал один мужчина. Эти люди с равнины большие остряки, Муртаз. Послушай-ка. Многие уже сидят в автобусе, другие только подходят. Женщина с билетом на руках прошлась по салону, посматривая на все сиденья. Под конец остановилась рядом с одним стариком и спросила: «Дед, ты на своем месте сидишь? Есть у тебя билет?»

Билета у старика не было. Он медленно встал, отошел, женщина села, потом старик повернулся и говорит: «Будь проклят, женщина, тот, кто тебя содержит. Тебе-то мне сказать нечего». Тогда с задних сидений кто-то, о ком, оказывается, и шла речь, вдруг крикнул: «Будь проклят и ты, къонах, раз не смог хотя бы в течение часа вынести женщину, которую я терплю вот уже двадцать девять лет». Весь автобус загоготал. И сам этот старик очень громко снова и снова смеялся.

Тогда я подумал: «О Всевышний! Если бы в адрес кого-то из наших женщин

такое сказали, наш мужчина умер бы на месте, даже если бы не смог ничего сделать…»

«Эх, как хорошо, что ты пришел, слава Всевышнему, что есть человек, чтобы прийти-выйти. Эти мои мысли, смотри-ка! Ум-то, выходит, может то пропадать, то появляться. Хорошо, что никто их не слышал. Видишь, Довт пришел, вспомнил вот меня, отправился в путь, долго ехал… Теперь, что б ты ни говорил, погостишь по крайней мере неделю, не уедешь скоро, разве что обманешь меня…»

Муртаз смотрел в глаза Довта, на его лицо с радостью и снова и снова повторял: «Эх, будь же ты свободным!» – сидя на маленьком стуле перед печкой и раздувая огонь, приготовившись слушать рассказы Довта.

1981 г.

Перевод с чеченского Лидии ДОВЛЕТКИРЕЕВОЙ

---

[1] Холбат – яма, в которой уединялись алимы, чтобы, уйдя от мирской суеты, читать Коран и размышлять о Боге (обычно на 40 дней).

[2] Къонах – молодец, удалец, соблюдающий чеченский кодекс чести.

[3] По чеченскому обычаю, развод должен дать мужчина, произнеся трижды, в соответствии с нормами ислама, при свидетелях фразу: «Я тебя оставил».

[4] Если мужчина задел честь чужой женщины, по обычаю, его позорят, прилюдно сняв с него штаны.

[5] Остопируллах1 – междометие, выражающее удивление: О Всевышний!

[6] Маьлха-Аьзни – имя красавицы из чеченского фольклора.

[7] Истанг – войлочный коврик.

Л. Адамс.

Поэзи

Макалов Шамсуддин

Сан илли

***

Лекха лаьмнаш – сийлахь латта,
Х1уммаъ дац-кха шуьца дуста,
Шуьга кхочуш х1ума дац-кха,
Шу гуш воцург ирсе вац-кха.
Оьзда к1ентий, мехкарий
Лардеш бу шун лекха сий!

***

Де мел дели, зезаг санна,
Нохчийчоь вайн хазлуш ю,
Беркате шен орам хецна
Г1иллакхан лард ч1аг1луш ю.
Х1аваь луьттуш дарбане,
Беркат-иман латтаде!

Аьхкенан 1уьйре

Марша я хьо,
Сирла 1уьйре!
Зевне дека хьозарчий.
Еъна кхечи
Сийна аьхке,
Байт1ехь ловзу полларчий.

Пондар лоькху –
Моьтту суна
Мерзаш декош цаьпцалго.
Т1емаш даржош
Стиглан 1аьрше
Уьйу эшарш н1аьвлано.

Аьхкан хи чохь
Бераш лийчош,
Маьлхо башха йовхо ло.
Когаш цоьстуш
Хиларх яраш,
Динберго шен дарба до.

Маьлхан з1аьнарш
Ю комаьрша,
Бешахь кхиош мерза стом,
Мазал мерза
Бу чомана,
Маьлхан басахь долуш чкъор.

Марша я хьо,
Маьрша 1уьйре,
Н1аьно кхойкхуш хадий г1ан.
Волу ара,
Волу яра
Со аьхкенан хаза хан!

Ярна иштта
Хаза 1уьйре,
Ас вай Далла хастам бо,
Делан ни1мат
1алашдарца
Дела дагчохь латтаво!

Сан илли

Сан илли, хьо долалохьа...
Т1ом лайнчу лаьмнашкахула.
Сан илли, хьо долалохьа
Ягинчу ярташкахула.

Сан илли, хьо долалохьа
Лаьттачу х1олламашна доьлхуш,
Сан илли, хьо долалохьа
Махкана хьайн орца доьхуш.

Сан илли, хьо долалохьа
Вайн Деле кьинхетам боьхуш,
Сан илли, хьо долалохьа
Махкана парг1ато лоьхуш.

Сан илли, хьо долалохьа
Аьрзонех айдеш хьайн т1емаш,

Сан илли, хьо долалохьа
Адмашна дезийта 1емаш.

Лаьмнашка

ХIай лаьмнаш, х1ай лаьмнаш,
Шуна ду атта,
Генара хьаьжча а
Локхалла го.
Ткъа суна-м атта дац,
Ас муха гайта
Шун сий деш кхиина
К1ант хилар суо?

Татол

Самадаьлла
Жима татол,
Шано лаьцна
Лаьттина.
Шена т1ера
Цо ша-юрг1а,
Гаьргаш йохош
Даькхина.

Эсал малхо
Ша хьаьстина,
И качделла
Бер санна.
Шен эшаршка
Дерриг 1алам
Лаьтташ хетта
Ладоьг1на.

Де мел дели
Шорло иза,
Айло, стамло
Цуьнан аз,
Ловзу иза,
Уьду иза,
Б1аьстенан а
Идош заз.

И д1акхета
ХIинца хьаьдда
Кхечу хазчу
Татолах,
Т1аккха масса
Хи а хилла,
Даьржар ду-кха
И х1ордах.

Цу татолан
Доккхадеро
Сан дог-ойла
Г1аттийна.
Со б1аьрг бетташ
Цуьнга лаьтта,
Дог б1аьстено
Хьаьстина!

Безам

Кху юьртара и хьан урам,
Дукха беза къаьсттина,
ХIара шовда, ахь хи оьцу,
Хийла хаза хьаьстина.

Сан дахаран туьйра хилла,
Еха даггахь, сан синехь,
Деган не1 сайн хьуна елла,
Ас хьо лехна дахарехь.

Шелонан дохк, са ца охкуш,
Гена, гена далийта,
ХIара б1аьсте безам хьоьстуш
Вайн дегнашкахь яхийта.

Доза дац-кха хьо езаран,
Зезаг ду хьо 1аламан,
Со Муьстаргах хетехь тера,
Хьо ю Заза 1амаран.

Вина мохк

Кхузахь дукх-ка лаьмнаш лекха,
Царна юккъехь ярташ ю,
Кхузахь хуьлу стигла екхна,
Шовданаш мел зевне ду.

Озабезам бича санна,
1аламо сов лерина,
Ца кхоадеш басарш тайна
Х1ора лам а кхелина.

Кху лаьмнашкахь со ву ирсе,
Соьца беха оьзда нах,
Еза суна лаьмнийн лакхе,
Со д1аийна 1аламах.

Кху лаьмнашна со ву вина,
Со вевзаш бу хlора т1улг,
Дог цаьрца ду жимчохь дуьйна,
Туьйра ду-кха денна гург.

Нене

Можа сискал яттахь, нана,
Яаза ю дукха хан,
Муьста берам, хох а сийна
Ца бицбелла суна хьан.

Юхаъ, нана, таро елахь,
Ахь и кхача кечбехьа,
1ен ца велла пана махкахь,
Вирзи, нана, со ц1ехьа.

Суна, нана, бехк ма билла,
Кхетта со сайн г1алатех,
1ехавелла х1инцалц лелла
Нехан хазчу хабарех...

Ас идийна некъаш, нана,
Ца хууш кху мехкан мах,
Махках бевла, хьоьжуш ана,
Генахь муха 1а-те нах?!

Кхерам бац

Заманан п1елгаша баь1на,
Лахбелла сан шерийн т1арг1а,
Сан денош к1ажамах даьгна,
Ойланаш уьдуш а аьрха.

Къаношца пхьоьхане хуьйшу
Хилларг а, дайнарг а дуьйцу,
Хьехадо тахна я кхана
Лахьти чу дезар а дийша.

Амма бац даг чохь сан кхерам,
Пхенашкахь ц1ий а ца шелло,
Бераллехь цистина некъаш,
Сан к1ентан к1ентехь а денло.

Цхьалле

Сан цхьалла, хьо еха соьца,
Суна ю, хетарехь, реза
Вериге виссарна хьайна,
Цхьаьнца а къийса ца везаш.

Хьийза хьо, чуьраниг хилла,
Хилла сан эшаман дакъа,
Кхолламо къастийча санна,
Дахарехь соьца «ирс» декъа,

Дикане сатийсар дайа,
Мел говза хилла хьо, цхьалла,
Ахь йитнарг, хьанал а йина,
Ю еккъа цхьа къаналла.

Верзийна, къа сох ца хеташ,
Сиртанан т1ай санна гатте,
Лаьхьанах сан синах хьерчаш,
Латтаво ахь сингаттаме..,

Маржа я1, хьоьца хан яккха
Ма вина велара со,
Т1аьххьарчу новкъа со ваккха
Декхарехь ма хуьлда хьо!

Лоьрашка

Лазаро хьийзочун
Г1ийла аз хезча,
Шу хуьлу т1екхача
Даима кийча.

Г1ийлачу дагна там
Аш ч1ог1а лоьху,
1ожалла д1атоттий,
Самалхадоккху.

Шен Даймохк ларбечу
Салтичух терра,
Мостаг1ах-цамгарах
Х1ора стаг ларвеш,

Лаьтта шу г1аролехь,
Сада1ар доцуш,
Адамийн г1айг1абар
Доккха ирс лоруш.

Исс дац-ткъа цомгашниг,
Г1атто ницкъ кхачар,
Дог доккхадедеш цо
Баркалла алар?

Шун новкъа суо валар
Ирс сайн ас лору,
Пхарматан суй санна
Халкъана вогу.

Т1улгашка

М. Мамакаевна

Х1ай т1улгаш, бийциша суна
Аш цуьнца бийцина мотт,
Ладег1а шуьга ву хьаьгна,
Яц шуна лергашкахь потт.

Шуна ма девзина, т1улгаш,
Илланчин синтемза дог,
К1орггера ойла шух хьерчаш,
Баькхина шу хьоьстуш ког.

Даймахкан дуьхьа ву ваьгна,
Вахчалуш ша къийсамехь,
Дешна ву замано аьгна,
Йозанаш шун тархаш т1ехь.

Ккузахь цо, шун векал хилла,
Кхаьбна шен поэзин дин,
Бакъ волу илланча хиллий
Шу ма ду тоьшалла дан.

***

Гурахь, малхах 1ехаделла,
Денделлера га,
Б1аьста санна, сен а дела,
Даькхинера г1а.

Заза хецна, серладаьлла,
Кура дара га.
Бохура цо:
«Хьажал соьга –
Со ду самах г1ан...»
Амма 1аьно, чимаш хецна,
Д1ахьулдира и ...
Гонах, заза доьлхуш санна,
1ийдалора хи.

Дарц

Арахь г1уьтту дера дарц,
Бала хьоьгуш бека арц.
Боьрзу берзан уг1аре,
Боьрзу синан ц1ийзаре.

Дарцо шен к1ур г1аттабой,
Кхерста моьтту акха дой,
Хьоькху иза, г1орош ц1ий,
Лардан г1ерташ 1аьнан сий.

Екхна стигла, дашо малх,
Хета х1инца боцуш мах...
Хала хилла г1уьттуш ган
Кхочуш мел ца хилларг хьан.

Заманан цамгар

Дог эшийна вонаша,
Кийра морцу моьнаша,
Ч1ана ваькхи т1емаша,
Дийна висар – тамаша.

Сан сатийсам шелбелла,
Бан беза некъ бицбелла,
Ирсан генаш кегделла,
Сан ойланаш зарзъелла.

Стаг вац тахна дог лаза,
И мохь-орца хьан хаза,
Нийсо, бакъо г1елъелла,
Нах буу нах совбевла.

Заманан а йохалехь,
Дахаре со хьежарехь,
Луьрачу кху къийсамехь
Иза ду садукъамехь.

Эхь-бехк дайна зама ю,
И заманан цамгар ю.

Гочдар

Пшавела Важа

Пшавела Важа вина 1861-чу шарахь Чаргалихь (хIинца Гуьржийн Республикан Душети кIошт). В. Пшавелас дешна Телавин динан училищехь, цул тIаьхьа Тбилиси-гIалин институтан училищехь. Иза чекхкхъяьккхинчул тIаьхьа деша вахна Горин хьехархойн семинаре. Цхьана хенахь В. Пшавелас хьехархочун болх бира.

1883-чу шарахь иза Петербурге воьду. Цигарчу юридически институте лааме ладогIархо хуьлий дIатасало иза. 1884-чу шеран бIаьста цIа воьрзу. Ккузахь шен бахам а лелош, мукъа хан литературана дIа а луш веха иза.

Шен вахаран дукхахйолу хан Чаргалихь йоккху цо. Цигахь язйина цо шен тоьлла произведенеш: поэмаш «Хьаша а, хIусамда а», «Текхарг буург», «Бахтуриони», драма «Алуда Кетелаури», лирически стихаш, дийцарш.

Важа Пшавела дIакхелхина 1915-чу шарахь.

ПохIмалла долу яздархо

ДIаволалушшехь дешархочуьнга дIахьедан лаьа: «яздархо» бохучу дашна аса цхьаьнаметта юкъавалаво поэт а, беллетрист а, драматург а.

Муьлханиг лара веза похIмалла долу яздархо?

Муха ю бакъдолчу похIмаллин билгалонаш?

Уггар хьалха яздархочун шен мотт хила беза, хIунда аьлча, мотт цуьнан юьхь йолу дела. Кхин а тIетоьхна аьлча, мотт – яздархочун са ду, цунна чохь къайлаяьлла, дIатебна Iа яздархочун шен бен йоцу амал, йозанан хатI, цуьнан «со».

Цундела, нагахь санна аша оцу я вукху яздархочун цкъа цхьа-ши произведени ешнехь, цул тIаьхьа цуьнан произведенешна тIенисделча, коьртехь язйина цIе ца хилча а хаьа шуна уьш хьан язйина.

Стен билгалйо цуьнан и башхалла, шатайпалла? Матто, йозанан хатIо, васташа йо-кх! ХIунда аьлча, яздархочун матто орамаш тесна цуьнан даг чохь, цундела цунна шен сица го гонаха кхехкаш долу дахар, шатайпа басарш. Уьш кехат тIе цо доху шен синан бIаьргашна ма-гарра. Цундела къаьсташ хуьлу уьш кхечу яздархоша кхуллучу вастех. Цундела хуьлу цуьнан мотт шен йозанан хатI долуш.

Уьш яздархочун похIмаллин, цуьнан кхолларалин тIоьхулара, гуш йолу билгалонаш ю. Ткъа яздархочун гуш йоцу, синан къастаман билгалонаш йозуш хуьлу цо шен кхолларалехь билгалбинчу хиламех, ирсах а, зуламах а болчу кхетамах, дахаре хьежамах, цуьнан Iаткъамех.

Бакъ волу яздархо адамийн дахаран хехо ву. Цуьнан тидамза ца дуьсу юкъараллехь хуьлуш долу цхьа а хIума: диканиг а. воних а.

Коьртачу декъана оцо билгалбо похьмалла долчу яздархочун кхолларалин некъ. Нагахь санна цунах ца тилалуш чекхвала цунна изза похIмалла тоахь. Ца тоахь, иза дийна воллушехь велла ву. Цо литературехь кхин дан хIума дац.

ПохIмалла доккха мел хуьлу, яздархо дахарца ондда зIе йолуш хуьлу. Цо шен кийрахь луьсту дахаран дика а, вон а аIгонаш. Цуьнан бIаьрхиш вайна ца гахь а, яздархочо уьш дукха легадо.

ПохIмалла долу яздархой – дахаран дарбанчаш бу. Нагахь санна уьш вовшех цхьацца хIуманаш къаьсташ хилахь а, цара тайп-тайпана дарбанш леладахь а – иза церан похIмаллин тIегIане хьаьжжина хуьлу.

ПохIмалла долчу яздархойн произведенеш, цаьрга лерина бIаьрса а ирдина хьаьжча, вовшех къаьсториг коьрта кхо кеп ю. Хьалхарниг вай дерриш дахаран хьелийн лайш, царна хьалха гIорасиз, тайп-тайпанчу баланийн, сингаттамийн йийсархой хиларца йозаелла ю.

ШолгIачу кепо вайна гойту дахаран хьелаш бехке цахилар. Нагахь санна вай, юкъараллин декъашхой, ваьш вайн «элий» ца хилахь, дахаран хьелаш тодаро цхьа а тайпа хийцам бохьур бац.

КхоалгIачу кепо хьалхара ший а чулоцу, аьлча а, цо хьесапе оьцу дахаран хьелийн ницкъ, стаг кхетош-кхиоро леладо доккха маьIна.

Уьш ду-кха яздархоша дахаран берриге хиламаш бустуш а, узуш а долу терзанш а, барамаш а.

Шаьш жимачохь кхетош-кхиоран тIеIаткъам ловш цхьаболчу поэташа турпалаллин хиламаш хестабо, вукхара – Iалам, кхозлагIчара тидаме оьцу хала бохкучу нехан дахар, иштта дIа кхин а. Амма ойланийн а, синхаамийн а кIоргалла йозу похIмаллин ницкъах, иза кхиорах.

Цкъа яздинчух шозлагIа, дуьххьара санна, боккхачу ницкъаца хьанг-хьаьнга а шозлагIа произведени ца кхоллало. Иза хуьлу яздархо кехата тIе охьадилла гIертарг цуьнан похIмаллица догIуш ца хилча, цуьнан кхолларалица цхьаьна ца деъча.

Къона, амма шен некъ кароза, бодашкахь иза лоьхуш, воьлхучуьнца воьлхуш, воьлучуьнца воьлуш, билггала оцу бIаьрхишца воьлхург мила ву а ца хууш, ткъа воьлург догдика стаг ву я къиза стаг ву а ца хууш верг, шел хьалхарчара биллинчу некъан лар хьеша волало. И дарца цо тешнабехк бо шен корматаллина, шен похIмалла кхиийначу орамашна. ТIаккха цунна гIоьнна ян еза критика, цо нийсачу новкъа ваккха веза иза.

Яздархочунна ша кхиийна, шега зазадаккхийтина орамаш довза деза даима, кхечаьрга уьш ахка а ца охкуьйтуш, цхьана меттера кхечухьа а ца дугIуш. Ткъа яздархочо шен орамаш тосу къоначу шерашкахь. Уьш лаьттах чIагIдала дуьйладелча, кхиа йолало цуьнан корматалла а. Цкъа хьалха гучудолу жима синтар, нагахь санна дарцо я Iаламан кхечу хиламаша зен ца дахь, иза кхуьу, цунах доккха дитт хуьлу. Иштта кхуьу похIмалла а.

Къоналлин шерашкахь бинчу тидамаша мутт ло похIмаллина чIагIдала. Иштта ца хилча, Шекспиран, Руставелин, кхечу а баккхийчу яздархойн произведенеша вайн дегнаш Iадор дацара хIинца а, исбаьхьаллин ишттачу лакхене кхача царна ницкъ а, похIма а делларг ненан мотт бу. Руставелис язйийр ярий шен бIеннаш шерех, зеелла, чекхъюьйлуш схьайогIу «ЦIоькъалоьман цIокалахь турпал», монголийн а Iарбийн меттанашкахь ойла а еш язйина хиллехьара? Яцара дера-кх.

Муьлхха а яздархо шен халкъе, махке кIорггера безам болуш хила веза, царех лийр йоцу произведенеш кхоллархьама. Ненан мотт, цуьнан басарш ду яздархочунна кхолларалин шовкъ тIейоуьйтурш. Цунна мотт шолгIа ненан аганан илли ду. Нагахь санна хьалхарчо, цунна аьрру агIор а баьлла, цуьнан коьрте ойланаш якхийтахь, шолгIачо, аьтту агIор а баьлла, басаршца къагайо, оьшучу кепе ерзайо иза язъян тIевоьлла произведени. Бакъ волчу поэтана, яздархочунна хьалххехь дуьйна а ца хаьа хинйолчу произведенин кеп язйина волуш муха хир ю. Иза ойланна а, синхаамна а тIаьххье ян еза. Къолам кера эцарций, хинйолчу произведенин ерриге кеп билгалъяьккхина, ша ала гIертарг нуьцкъаха оцу гура чу дIанисдан гIерташ язйина произведени юьхьенгахь дуьйна а адамийн дегнех хьакхалучех хир яц. Ледара, беса могIанаш хир ду.

Нагахь санна язйинчунна шена а дика а хеташ, дагна хьаам беш, дог доккхадедеш елахь и произведени, тIаккха дешархочун дагна а хьаам бийр бу цо, дагна кхаъ а хир бу. Вуьшта, къайлехь ма дац, шена дукхавезачу яздархочо ледара произведении кхоьллича, дешархочун а дог духу. И тайпа произведенеш кхоллалур ю ойлано кхоьллина васт къайлах дог детта доладелча, кхайкхамбеш: «Сихха схьаэца кехаттий, къоламмий. Сан васт кхолла, дешархошна ма-хуьллу сиха со дIадовзийта», – бохуш. Сурт, васт поэтан даг чохь ненан маттахь кхоллало, къайлах, къорра…

Нагахь санна поэташ вовшех йозанан хотIаца, васт кхолларца къаьсташ

белахь, уьш вовшех тера а хуьлу: царна массарна а еза хазалла, дукха хьолахь зудчун вастехь. Іалам деза, турпалалла, ша-шен ца кхоор, амалан ондалла. Царна ца беза цхьамма кхечунна бен ницкъ, стага стаг вацор, лолла, кхидерш а.

Муьлха яздархо хьакъ ву похІмалла долуш лара?

Боккхачу безамца адам дезарг, даггара иза исре ван лаьарг, дахар вуно чІогІа дезарг а, иза кхин а тодина дІахІотто лаьарг а. Оцунна боккха синхаам а, адаман дог а, цуьнан дахар а дика довзар оьшу.

ПохІмалла долуш ву шен даге санна синхаамаш а, ойланаш а кхечийн дегнашка а дІакхачо хууш верг, шен пхенашкахь хьере кхехкаш кхоллараллалин коьрта орам – хьомечу халкъан цІий дерг. Гуьржаша олу: «Токх ненан шура бен ца хуьлу». Иштта ца хилча цхьана а яздархочун кхолларалло мерза стом латор бац.

Муьлха яздархо ву похІмалла долуш лара везаш?

Шен произведенеш мел ешарх а ца кІордош, юх-юха а еша дог догІург, аьлча а шен произведенеш беса дер доцчу бакъдолчух йоьттина, цкъа а кхулур йоцчу хазаллах юьйцина верг.

Муьлха яздархо хьакъ ву похІмалла долуш лара?

Шен велар баккъала догцІенна дерг, шен велхар, бІаьрхиш деган Іовжамах духдуьйлург: тІаьххьара барми тІехь кешнашка хьош, шен назмано бехк боккхур боццург: «Ши дог, ши юьхь яра хьан. Соьга а харц мукъамаш байтира ахьа!» – аьлла.

І89І шо.

Ойланаш

Бернес цкъа аьлла: нагахь санна хьуна хьуо шатайпа-башха, хьайн йозанан хатІ долуш яздархо ву, аьлла ларийта лаахь, язде хьайна хуург, хьайна магарра, хьайн даго а, сино а хьоьххург. Амма дІаяздинчух кхета а хаа деза. Цхьа-цхьаъ йозанча вала а дера тарло, ахьа исбаьхьа-хаза яздинчун маьІна харцахьа а даьккхина, шен къолам Іилманан а, беллестристикан а йозанаш деш, артбеш, уьш, яздархочун сийх дІахьакхавалархьама, зорбане дахийта газетийн редакцешка дІакхьоьхьуьйтун верг, исштачу кехатца: «Шуьга дІахаийта лаьа, сан лераменаш, хІара-важа аса, Іуналла доцчу юьртарчу йозанчо, яздина Іаламат чІогІа сайн сина а, дагна а лаарна, яздина аса Дала дагна тІе-мадиллара».

Муха жоп лур ду оцу сонтачунна? Лур а дац-кха! Эр ма дац ахьа цуьнга: хьан ойланаш а хІуманна мегаш яц, кехата тІе а яьхна ахьа уьш, хьайн хан эрна йойуш. ОьгІаз а вахана, массо кепара аьрзнаш дан волалур ма ву иза тІаккха!

Исштачух лардалархьама, лакхахь аьллачунна тІетоха оьшу: нагахь цхьацхьанна иза баккъалла яздархо ву-вац хаа лаахь, чІогІа лерина хьайн даг чу хьажа веза, иза цуьнан ду я дац хаархьама. ЭхІ, хІун дуьйжи сан матта тІера? Оцунна суна жоп дала тарло: хьенан дац дог а, са а? Дуьненахь вехаш а, лаьтта тІоьхула дІалелаш а волчу хІораннан ду са а, дог а! Иштта ала тарло соьга. Ткъа иза нийса ма дац. Цара хІуъа бахарх а, со сайчунна тІера вер ма вац: хІан-хІа, хІор стеган а дац са а, дог а, хІор стаг, са а доьІуш, шина кога тІехь дІалелахь а. стаг, ша яздархо вацахь, са а, дог доцуш вахалур ву, ур-аттала, ша ирс долуш а хетар ву цунна. Амма къа ду-кх вайн, нагахь санна и ирсдацар яздархочух хьакха а лахь, цул тІаьхьа а иза яздечух саца а ца сацахь. ТІаккха, тайш а хьерчош, хьийза йолалур ю-кх урчакх.

Дешархо, хьуна-м ца моьтту аса зІенар цхьанна-цхьанна пха тІехьажо уьйзуш ю? ХІан-хІа, иштта дац иза. Вуьшта, дукхахболчарна иза хьакъ хила-м тарлора. Ккузахь аса дуьйцург деккъа цхьа са доцчу нахах ду, кхин хІумма дац.

Са доцчаьрца а, сайца а къуьйсу аса, хIунда аьлча, суна лаьа сайн, шатайпа дош ала а, шатайпана иза кехата тIе охьадилла а.

Делахь-хIета, дIадуьйлалур вай.

Яздархочун са-дог ду я дац хуур ду, нагахь санна цуьнан цхьа-цхьаъ Iалашо ю-яц, цунна кху дуьненахь хIумма еза я ца еза, дуьненна зовкхаш лаьа цунна я ца лаьа хиъча. Кху лаьттан кIентийн коьрта ойла, суна хетарехь, ша дахарх, цунна чохь долчу дикачух а, вочух а ю. Ткъа яздархо, куьзган чохь сана, дахар юха схьагойтуш хиларна, цуьнан кIуркIмехь валла веза. Дахаран кIоргера бухъюьйлуш, дахаро кхоьллина цуьнан синхаамаш а оцу дахарна гонаха хила еза. Иштта ца хилча, литература деса, Iалашо йоцу, цхьанна ца кхеташ долу шайтIанан аз ду.

Суна дуккхаза хезна вайн литературехь вайн яздархойн багара девлла деса-кхоьллина, толкха, чудиллина са доцуш аьлла дешнаш. Даг тIе лаьцна макх дIайоккхучу меттана, цара кхин а тIехьоьху и макх а, матар а. Дала лардойла вай оцу тезачу дешнех. Оцу сонтачу дешнашца цхьаьна, вайна кIезиг ца хезна хьекъале дешнаш а.

Асаран буц а зIаьнарша кхолу,
Куц хаза зезагаш санна,
СовгIаташ де ахь цхьатерра,
Хьаг долчарна, мискачарна.[1]

Сан сту, Лаба, цхьана кхолламо
Кху лаьттаца вайн тесна гергарло.
Вешан къа дIакхоьхьур ду, вайша ца леткъаш,
Иштта чекхдохур ду дахаран некъаш.[2]

Кхин а дуккха а хьекъале дешнаш аьлла вайн яздархоша. Аьлла цIенчу сица, даггара. Уьш тIера бац чохь са долчу деса хабарш дуьйцучех. И хабарш дуьйцучарна шайна бен ца деза, лерса гIорадо цара. Дог доцу, ца ваьлла хилла яздархо вевза, ша яздина кIадда боцург, доккхачу маьIне а лоруш, цунна изза маьIна дешархочуьнга а луо бохуш хьийзаро. Оцо вукхеран сина а, дагна а Iаткъам бо.

Цхьаьнгера а яздан бакъо дIаяккха йиш яц вайн. ХIор а шен лаамехь ву шена ма-хеттара язъян а, ойла ян а, безам баха, воккхаве, ваха. Амма хIоранна яздархочун цIе лело бакъо яла пурба дац вайн, къаьсттина кийрахь адамаллин са а, дог доцчунна.

Иза дерриге иштта ду. Ткъа деккъа оцо синтем бойу вайн? Аса кху статьяна чIогIа екаш йолу цIе елла – «Ойланаш». ХIетте дерриге къамел яздархо хила лиъначу цхьана мисканна гонаха хьийзадо. Мел бу, сан дешархо, вайн дахарехь корта хьере беш хиламаш! Нагахь санна сан, сайна чIогIа луъшехь, цхьаннах цхьаъ ала ницкъ ца кхаьчнехь, кхечарах ала мукъана а йиш ма ю сан… ХIун маьIне хир яра сан цхьаннан ойланаш? Суна-м дера лаьара, хьуна санна, хьан ойланаш а йовза. Нагахь санна царех цхьаерш суна йовзахь а, вуьйш суна йовзане ца евза. Иза а суна хаьа деккъа цхьанна: хьо а, со а адамаш ду, вай цхьана мехкан кIентий хиларна, цхьана хьелашка нисдина хиларна, цхьана лазамо хьийзош хиларна.

Цундела тешам болуш ала йиш ю сан: вайн дахаран коьртачу гIуллакхех коьрта ойланаш, дукхачунна тIехь цхьаьна ца ягIахь а, вайшиннан цхьатера ю, цхьцца хIуманашна тIехь галморзахйийлахь а, цкъацкъа сан коьрте леста тамашийна ойланаш. Суна хаьа уьш хьуна езалур йоций…

[1] Ш. Руставели. Ц1оькъалоьман ц1окалахь турпал.
[2] И. Чавчавадзе. Ахархо.

Цундела царех цхьаннах дуьйцур ду аса, хIунда аьлча, суо дIаволалушшехь аса дIахьедина кхечарех тера хир вац аьлла. Суна хаьа, аса хIинца эр дерг хьуна дезалур доций, иштта хир ду аьлла юкъ-кара шеквийлахь а, хьуна-м ма хаьий, вайн дахар кхоьллиний, шена чохь дуккха ирсдоцурш а, ирс дерш а болуш, дуккха мецанаш а, буьзнарш а болуш. ТIаккха вайшимма – аса а, ахьа а – ойла а йой, боху: иштта хIунда ду иза? Хьажал, хIокху минотехь сан даг чу лестина цхьа ойла, цунах хьох дагавала лаьа суна. Иштта хила а догIу иза. ХIунда? Дера догIу дуьнен тIехь дика хила дагIарна, къинхетам, кхечунна деш долу гIо, цунах доглазар гуш хила дезарна. Нагахь санна гIийлачарна гIело яр дацахьара, адамашка безам, царех къинхетам муха бахчалур бара? ТIаккха сан цхьа ах а дуьнен тIехь ехаш хила езаш яцара. Иштта ца хилча, стенах воккхавуьйр вара, стенах ойла йийр яра, стенца лекха вер вара со дог доцучарел, стаммий вортанаш йолуш, хIинца а адаман цIераш лелош болчу гомашех терачарел?

ХьалхахIоттор вай кхечух къахета, къинхетам бан оьшуш доцу зама. ТIаккха муха хир яра адамаллин юкъаралла, вуьшта аьлча, ша стаг а? Оцу хьоле кхаьчча-м дика дара, амма суна тIаккха дIакхелхинчех хир бара, сайн дахарал а дукхабеза дуккха а хьежамаш. Юха а боху аса: и ойла даг чуьра схьайогIуш а, догцIенна дIаюьйцуш а ю. Хетарехь, и ойла сан дагна тов, вайн дахар шайх доглаза а, догцIенна дIаюьйцуш а ю. Хетарехь, и ойла сан дагна тов, вайн дахар шайх доглаза а, къинхетам дан а дезарш боцуш долу дахар кхолла йиш цахиларна. Гарехь, иштта дан а ду иза. Хетарехь, иштта бу Iаламан дIахIоттам, деш мел дерг – хьекъалца деш ду, хьекъалца буттуш а, бохош а бу бух…

ДогцIенна хьоьга боху аса, нагахь санна цхьа а сайна ца везахьара, цхьаннах а сайна къа ца хетахьара, со вехар а вацара. Суна моьтту, хьо а реза хир ву, со тIаккха ваха а ца оьшура бохучуьнца.

Цхьаъ деза а деза суна, хьеста а хьоьсту аса – иза къахетаран а, доглазаран а синхаам бу. Цо бIарзво со, амма оццу хенахь цо боккха хьаам а бо суна. И хьаам Iаламат чIогIа бу, аса сайн дахар а кхоор дац кхечуьнан бала дIабаккхархьама. И лаам кхочушбархьама, Iожалла тIеэца а мегар ду. Иза суна доллучул деза а хир ду. Алийша, хIунда ду иштта, хIунда бу, шуьйра аьлча, Iаламан а, цхьалхадаьккхина аьлча, адаман а дIахIоттамаш иштта? Вай доруш-тоьгуш иштта хIунда кхоьллина Iаламо? Адамна доллучул дукха дахар ма деза. Амма Iожаллехь а карадо цунна иза.

Хетарехь, Iаламо стаг оцунна тIетоьтту, адамна дукха дезачун а, цунна къахетачун а дуьхьа Iожалла тIеэцара – иза а дахар хиларна. Iаламна шена-м цхьабосса деза дахар а, Iожалла а, цхьабосса царна тIехь урхалла до.

Оцу хьокъехь ойла еш иштта байташ кхоьллира аса:

Ас муха йийца-те – и хуур ду хьанна? –
Сайн деган ойланаш, сайн гIайгIа-бала?
ГIайгIано шабарш до, дог дуьйлу акха:
Мила ву? Мила ву со, буобер, тIелаца?

Ткъа тIаккха бIаьрхишца дог охьаIена,
ГIайгIанна дац иза – ду самукъаненна.

Со ваха лур вуй, ткъа, деш-дуьтуш доцуш?
Я куьг а гIоьналлин соь кховдор дац цхьамма?
Алийша соь тIаккха, со оьшур ву хьанна,
Висча цкъа орцаха вала дегIехь ницкъ боцуш?

Тешаме сан накъост ю цхьа зурма-пекъар,
Мукъам бо цо, маржа, огуш ткъесех мерзаш.

Хазахетар суна-м, ткъа, дац хазахетар,
Наггахь дог ца делхахь, бІаьрхиш а легош…

Амма лакхахь мел дийцинчул нийса а, даггара а ю аса хІинца Іорайоккхур йолу ойла. Аса ойла йира: безам дуккха а лекха бу-кх къинхетамал. Къинхетам – иза лайн юкъаметтигаш билгалйоху синхаам бу. Сан хІун бакъо ю цхьацхьаннах къахета, доглаза, со суо а оьшуш хилча нехан къинхетам а, доглазар а? Къинхетам бар – иза со эла ву, хьо, мисканиг, лай ву бохург дац, ткъа? Вуьшта, хьанна хетта кхечух къа? Дера хетта шена къа хетачул ша ирсе хетачунна. Дала, къинхетаман метта, безамо олалла ден зама тІейоуьйтийла вайна. ВогІур волчу илланчо беккъа цхьа безам а хестош.

Амма тахана вай даха а деха, са а доьІу къинхетаман дог-ойланца, хІунда аьлча, иза цкъачунна дукхачарна оьшу. Вайна царех къахета, къахета вайна уьш цабезарна.

І89І шо.

Бараташвили НикІолаз

Иза НикІолаз Бараташвили ву. И кхелхина со дуьнентІе валале 85 шо хьалха. Амма цуьнан поэзи йисина. Суна иза дукхаеза, аса лоьру, сий до. Цуьнан байтийн, талла а толлуш, мах хадор бара аса. Амма и дийр дац аса. Сан хІинца 79 шо ду, ткъа иза дуьненчуьра дІавахана 27 шо долуш. Гуьржийн поэзин классик хилла дІахІоьттина иза. Суна эхь хета дешархошна иза вовзуьйтуш дош ала. Иза а дика вевзаш ву. Амма цуьнан цхьана стихотворийца вайн дешархошна совгІат дан-м лаьар дара суна.

Цхьалха са

Къа ца хета суна байх, цІа доццчу,
Царна хІун ду?
Дерриг некъаш церан ду.
Амма синойн къоьлла даг чохь йолчу
Нехан дахар боккъал байлахь ду.

Жоьра виснарг вац шен ирс даиманна дайна,
Кху дуьненахь карор ду-кха керла гергарло.
Амма стагах тешам цкъа вайн бай-кха,
ТІаккха дакъазвоккхур ву иза дуьнено.

Шен тешамаллехь Іехийнехь иза мухха,
Дерригенах тешам баьлла вехар ву.
Тешо гІертарх, тешар вац-кха иза юха,
Цуьнан кхоллам декъазчех а декъаз бу.

Вуьсур ву и цхьа ша кху дуьненахь.
Адмаш хьовха, ша дахар а лаьттахь вайн
Юххешхула тІехтуьлур ду цунна хенахь,
Даиманна иза вицвеш дагахь шайн.

Орбелиани Вахтанг

Зарзар

Тийналлехь, бIаьрго ца лоцуш,
Кхуьура цхьа тайна зезаг.
Ткъа юххехь: «Беркат яI!» – олуш,
Шовда а декара мерза.

Де дара болх боло кечлуш,
Техкадеш гIа доцу генаш,
Массо а цецвоккхуш шеха,
Цхьа зарзар тийжара, текъаш.

Зезагна къийго зIок еттар,
Ца ловра зарзаро, миска.
Йоьлхура иза тIекхетта,
Ша хедаш санна шен рицкъах.

Зезаге хIоттош къа-бала,
Къийго-м зIок етта, и дара.
Лаьара цунна и лардан,
Эшарца дахар а кхала.

Дарвелла сов къиза эла,
Ца дезаш зарзаран тийжар:
«Ма чIогIа суна къахьделла,
Са дууш, сайн лерехь цIийзар».

Зарзаро-м юх-юха лоькху,
Аьхна йиш, безамах хьоме.
Къийгана дан таIзар лоьху,
И зезаг даккхарна дола.

Майра ю къиг цунна юххехь.
ДегI санна, дог а ду Iаьржа.
ДIаяха. МIарашна юккъехь,
Цхьа зезаг гуш ду, дIахьаьжча.

…Зарзаро-м йиш лоькху гIийла,
Шен бала охьатаIийна.

Гуьржийн маттера гочйинарг
МАРГОШВИЛИ Султан.

V Совещание молодых писателей Кавказа

С 19 по 23 сентября в Махачкале Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ (президент С.А. Филатов) провел 5-е Совещание молодых писателей Северного Кавказа. На этот раз в мероприятии приняли участие 26 молодых литераторов. Чеченскую Республику представили авторы «Вайнаха», чьи рукописи прошли через строгий отбор московских толстожурнальных рецензентов: Башир Висатаев, Хава Гагаева – в поэзии, Сулиман Мусаев, Ася Умарова, Фаиза Халимова – в прозе. Мастер-класс по прозе и критике провели литературные критики Евгений Ермолин (г. Москва, журнал «Континент») и Лидия Довлеткиреева (г. Грозный, журнал «Вайнах»), поэтов наставлял сценарист и поэт Александр Тимофеевский. На совещании, помимо кропотливой работы в мастер-классах, состоялись также творческие встречи с дагестанской интеллигенцией, с гостями из Москвы – руководителями мастер-классов и политиком Рамазаном Абдулатиповым. Своими мыслями о представленных там произведениях делится 1-й зам. главного редактора нашего журнала.

Лидия Довлеткиреева

Проза. NEXT

Свой среди чужих, чужой среди своих

Современная литературная ситуация весьма противоречива. С одной стороны – ежегодно выходит масса книг, современные издательства ежемесячно выпускают книги 10–15 новых авторов. С другой стороны – в этом море тонут действительно талантливые писатели. Читатель дезориентирован. Литература стала товаром, который предлагается по всем правилам рынка. И ценность его определяется по внешним признакам – глянцевая обложка, качество бумаги, «раскрученность» имени автора.

Молодой писатель становится перед выбором: где писать, чтобы его заметили, какой «рынок» выгоднее. Чеховское «В Москву, в Москву!» по-прежнему манит страдающих комплексом провинциальной глуши. Добившись определенного успеха «там», молодые таланты вызывают некоторое раздражение «здесь». Сами тоже весьма неоднозначно реагируют на обстановку, сложившуюся на Кавказе и в литературе в частности. Об этом мы узнали из серии интервью с молодыми писателями, так или иначе имеющими отношение к Дагестану, обитающими ныне за его пределами. Багдат Тумалаев – автор интервью – с нескрываемым пиететом относится к своим респондентам. Алису Ганиеву называет «одним из лучших литературных критиков России и СНГ», сравнивает ее с Кадрией и Фазу Алиевой. Называя Мариам Кабашилову «талантливой и сильной внутри, но так и не понятой на своей родине», Б. Тумалаев обозначил одну из проблем литераторов, летящих за птицей счастья в столицу или за границу, – отчужденность, пропасть и отторжение между дагестанцами внутри и вне республики. «Непонятая» Мариам «хоронит» дагестанскую литературу и даже этнос: «Это естественный процесс этногенеза, когда, пройдя все стадии развития, народ исчезает и вместе с ним исчезает язык. <…> Этнос нельзя считать полноценным, если он не в состоянии себя прокормить». Помнится, по принципу «высоко сижу – далеко гляжу» высказывался в своих интервью и выходец из Чеченской Республики, писатель Г. Садулаев, мол, «чеченцы не те стали».

Все они считают себя продолжателями русской литературной традиции, так как пишут на русском языке и тексты зачастую далеки от понятия «кавказская ментальность». Однако в большой России иначе как «кавказские писатели» многие из них не воспринимаются. Это, очевидно, порождает некий душевный

раскол, попытку значительно отгородиться от Кавказа, продемонстрировать всем и вся свое «особое» положение.

Воспроизводство или расплескивание?

Язык, на котором пишут кавказцы, – эта тема по-прежнему остается актуальной в литературе. Один из участников совещания отметил, что он не только пишет на русском, но и предпочитает издаваться под славянским псевдонимом, чтобы «заранее не отсечь потенциального читателя». Абутраб Аливердиев (он же – Андрей Царев) полностью исключил из своих текстов национальный субстрат, который он понимает достаточно односторонне как национальный колорит в виде бурок, папах, кувшинов и другой внешней атрибутики (в данном случае позволяю себе некое утрирование). Дискуссия о национальном атоме в живом теле художественного текста так или иначе имела место на всех творческих встречах данного мероприятия. Она была вызвана не только тем, что молодые кавказцы все чаще выбирают в качестве инструмента творчества неродной для них язык, но и тем, что содержание многих произведений унифицировано, темы, герои, сюжеты не имеют какой-либо этнической привязки – географической, психологической либо какой-то иной. Впрочем, права автора выражать свое творческое «Я» в любой избранной ипостаси никто не оспаривал. Тем более, если это делается талантливо. Тот же А. Аливердиев представил на совещание любопытную прозу – роман-синопсис «Со дна», выполненный в постмодернистской иронично-игровой манере. Кстати, не подозревая о том, и Хусей Бостанов из Карачаево-Черкесии использует приемы постмодернизма в своих «Радиопозывных», где предпринимает попытку осмысления «лихих 90-х» сквозь призму судьбы незадачливого бизнесмена Руслана, которого «кинули» его же деловые партнеры.

Язык творчества или о чем писать, по мнению нынешней поросли, не столь принципиален, главное – КАК писатель это делает и ЧТО из этого получается.

В своей книге «Ментальности народов мира» Георгий Гачев рассуждает о «феномене Пушкина», который был велик именно для России, но не велик в других народах, видится там ординарным. Конечно, Толстой и Достоевский для мировой цивилизации – больший вклад, чем Пушкин, и они понятны германцу и французу современному, тогда как Пушкин им никчемен: на то у них своих Ронсаров, Байронов, Гетей хватает. А в России, по нашей мерке и в отношении ее национальной субстанции, Пушкин выше Толстого, значительнее Достоевского. Он не радел на европейскую сторону: доказывать, что и «крестьяне чувствовать умеют» равно тому, что и русские превосходны в литературе, – как радели уже с Тургенева русские романисты, даже не признаваясь себе в этом; но в том, что

такое место занимает у них полемика с Западом («Война и мир» вся на этом, и романы идеологические Достоевского) – эта ориентированность на Запад и Европу сказывается.

Так что, с этой точки зрения, киргизский писатель, пишущий на родном языке, на внутреннее, домашнее употребление своего народа, воспроизводит национальную субстанцию, тогда как Чингиз Айтматов ее расхищает: питаясь, уносит и расплескивает в Россию, в другие культуры, но не назад в свою.

Поэтому, развивая мысль Гачева, можно сказать, что оба пути ценны, но писатели, следующие им, движутся в разных векторах. Эту разновекторность продемонстрировало и 5-е Совещание молодых писателей Северного Кавказа.

Вкус айвы – вкус Родины

Порадовало, что не только новые веяния наконец находят отражение в творческой лаборатории сегодняшнего поколения кавказцев, но и развиваются литературные достижения предшествующих поколений северо-кавказских писателей. Так, Сулиман Мусаев из Грозного, мой коллега по журналу «Вайнах», предложил, по признанию и организаторов, и руководителей мастер-класса, и самих семинаристов, самую зрелую, добротную прозу. В его рассказах «Письмо», «Вкус айвы», «Седа» действительно звучит голос Кавказа, чеченский голос, но голос, который будет услышан не только чеченцем, но и представителем любой другой этнокультуры. Изначально они написаны на родном языке и переведены автором на русский. В них – живые картины, нетрафаретные герои, чьи жизненные перипетии заставляют активно им сопереживать. Продуманные диалоги и внутренние монологи, детали и символы, другие средства психологического письма, коими уверенно владеет этот прозаик, ненавязчиво дают возможность читателю размышлять о жизни и смерти, исторической судьбе чеченского народа в связи с депортацией и последними войнами, о национальных взаимоотношениях в современной России, о глобализации, о будущем республики и страны… Сирота Мовли из рассказа «Вкус айвы» катализирует в себе трагедию всего народа, высланного с цветущего Кавказа в бескрайние просторы холодного Казахстана и Сибири: голод, сиротство, бесправие, одиночество, тоску по Родине, гибель близких… Но, несмотря на это, столь мощно звучит мотив преодолевающей силы человека, способного, как и герой Кайсына Кулиева, «в черный день видеть белизну снега», не потерявшего чистоту души, верного и на чужбине традициям своего края, придающим стальную терпимость сердцу. А запах айвы, ее вкус, не знакомый маленькому переселенцу, приходит во снах… как символ родной земли… надежды на возвращение, неизбежного торжества светлых начал жизни.

Милена Тедеева привезла на совещание прозу нон-фикшн, которая поразила своей искренностью, способностью автора в судьбе отдельно взятого героя либо семьи высветить острые проблемы современности. Цхинвал и цхинвальцы до и после августовских событий, межнациональные отношения, дружба и вражда, вера и отчаяние, потери и обретения, любовь к отчему дому и боль – все переплелось в клубок яркой нити, которую с наслаждением разматывает читатель, уставший от официальных версий и тенденциозных репортажей о Грузии и Осетии.

Не стоит прогибаться под изменчивый мир

Еще один спорный аспект, не раз прозвучавший в Махачкале, – должен ли писатель держать руку на пульсе современности? Нужно ли нащупывать тренды? Или же идти вопреки актуальности, и тогда будет создано нечто…

Молодых чеченцев кто-то упрекнул в том, что они пишут о войне. Хотя здесь были представлены разные тексты. В повестях Аси Умаровой эта тема является основной, «новые войны» мы видим глазами ребенка – главного персонажа Умаровой. В рассказе «Письмо» Сулимана Мусаева нет войны, но так зримо ее присутствие – войны, которая заставила единственного сына уехать во Францию и умереть вдали от дома от сердечного приступа (типичная ситуация для современной Чечни, когда молодые люди в самом расцвете сил скоропостижно покидают нас от внезапных болезней, причина которых – годами копившееся психологическое напряжение из-за немыслимых жестокостей военного времени, его никак нельзя было выплеснуть, продемонстрировав свой страх окружающим). Было бы странно, если бы чеченские писатели игнорировали еще не осмысленные ни властью, ни обществом, недавние войны, исполосовавшие и души, и жизни людей. Поэтому трагизм мироощущения звучит даже в произведениях, напрямую не связанных ни с темой депортации, ни с темой войны, как, например, в миниатюрах Фаизы Халимовой.

Проблемы одиночества, дихотомии «Я» и «Другие», чуждости мира, неприятия человеком иной ментальности изменившихся реалий современного Кавказа, попыток бегства от ужасающей и в то же время гротескной действительности, невозможности этого бегства от других и себя и как следствие – экзистенциальный бунт – исследует в своих рассказах «Самолет» и «Линли» Алексей Козловцев из Нальчика. Молодого прозаика отличает тщательная работа над отбором словесных средств выразительности. Не соглашусь с участниками, охарактеризовавшими прозу Алексея как «мрачную и беспросветную», ведь писатель не только предлагает нам всем не мириться со статус-кво, но и подсказывает, пусть и иллюзорный, выход – сохранять свое «Я» в терпящей крушение Вселенной, «не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он прогнется под нас».

Характерной чертой начинающих прозаиков является также желание постичь суть вещей через свои собственные переживания. Но так получается, что этот самый мир проплывает мимо литераторов, увлекшихся самокопанием. Ведь порой интенции авторов вместо преломления мира через свое Эго, застревают на этом самом Эго и не получают выхода вовне. Что мы и наблюдаем в творчестве Дарьи Шомаховой из Кабардино-Балкарии. Она прекрасно владеет словом, тон ее повествования всегда ироничен, прозаик любит экспериментировать с формой, создает яркие, запоминающиеся образы-персонификации, к примеру, Бессонницы – «противной тетки с ярко накрашенными губами и толстым слоем пудры на обрюзгшем лице» или Засухи – бешено кружащейся в жарком танце девушки. Но зачастую этюды Дарьи напоминают записанные сны, которые впечатляют и потрясают только того, кому они могли бы присниться, в прочих же вряд ли пробудят столь же сильные эмоции. В миниатюре «Страх» местоимение «Я» в разных падежных формах употребляется чуть ли не пятьдесят раз. Такая погруженность героя (= автора) в себя может быть любопытна разве что для психоанализа. Впрочем, Дарья признается, что сначала хочет «со своими

личными соплями разобраться, прежде чем приниматься за чужие…». Что ж, повторюсь, имеет полное право.

Хоррор и фэнтези предпочитают самые юные участники совещания – Марьям Таймазова и 14-летний Исмаил Гаджиев из Дагестана. Фатима Хубиева из Карачаево-Черкесии, напротив, при внешней хрупкости, не боится дневниковой исповедальности. В ее мелодраматических текстах довольно общих мест, но при авторском гиперэмоциональном чтении в манере Ренаты Литвиновой все огрехи как-то незаметно отступают на задний план.

Всем сестрам по серьгам, всем старцам по ставцам

В финале совещания сертификаты-приглашения на участие в XII Форуме молодых писателей России и стран СНГ, который ежегодно проводится в подмосковных Липках, получили Фаиза Халимова (Чеченская Республика), чьи миниатюры, представленные в прозе, неожиданно как для самого автора, так и для остальных собравшихся были отнесены руководителем мастер-класса поэзии А. Тимофеевским к жанру «стихотворений в прозе» за их особую ритмику и музыкальность; Хусей Бостанов (Карачаево-Черкесия), впервые рискнувший предъявить свою прозу и дважды побывавший в Липках как поэт, и Милена Тедеева (Северная Осетия) – за удивительные воспоминания о Цхинвале.

Особенно было отмечено творчество Сулимана Мусаева. С.А. Филатов подчеркнул, что Сулиман настолько вырос как писатель, что уже сам в состоянии наставлять молодых. К слову, в Москве в издательском центре «Наука», по рекомендации ФСЭИП, вышел сборник рассказов Мусаева «Брелок».

Произведения участников Совещания войдут в коллективный сборник, который будет подготовлен Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ.

Добавлю, что ранее, пройдя конкурсный отбор на уровне рецензентов, в роли которых выступили известные писатели и литературные критики Москвы и Санкт-Петербурга, на XII форум в Липках были приглашены из нашей республики Ася Умарова и Саламбек Алиев. С материалом С. Алиева о липкинских встречах наш читатель сможет познакомиться в 11 номере «Вайнаха».

А сейчас предлагаем подборку произведений участников 5-го Совещания в Махачкале.

V Совещание молодых писателей Кавказа

Зураб Бемурзов

Карачаево-Черкесия

Родился 27 декабря 1976 года в ауле Али-Бердуковский Хабезского района Карачаево-Черкесской Республики. Образование высшее, филологическое. Пишет стихи и прозу. Лауреат фонда «Возрождение» за вклад в дело патриотического воспитания молодежи. Собиратель фольклорных ценностей. Автор и разработчик учебников по черкесскому языку для школьной программы. Лауреат всероссийских конкурсов писателей и поэтов. Участник III Совещания молодых писателей Кавказа в Домбае. Имеет публикации в различных печатных СМИ республик Северного Кавказа.

Нун[1]

Засыпала моя листва,
Снились ей золотые ветви.
Восходила с земли трава
Запятыми небесной фетвы.

Белым шелком накрыл закат
Обгоревшие за день плечи.
В звездном сне, среди белых стад
Лишь туманами грезил вечер.

Сон

Я пробовал на вкус
слепое одиночество.
И горько было мне
Таскать воспоминания
Из мусорных контейнеров
Давно прошедших лет.

Я был на свалке прошлого
И рылся в хламе дней.
И понял, что бомжи
Не хлеба ищут в мусоре,
А жизнь свою,
Которую
Они когда-то выбросили.

***

Станет мир мой на день короче,
Терпеливее на мечту.
Будет вечер опять пророчить
В изголовье моем звезду.

Я открою распятие окон,
Свежим воздухом грусть запью.
Будет небо, как звездный кокон,
Грезить бабочкой наяву.

Мне и думать уже не надо.
По накатанной боль придет.
Под голодным весенним садом
Вместо листьев меня сожжет.

Серый ветер меня развеет
И залижет к утру ожог...
И с зарею меня оденет
В одеяние ста дорог.

***

Скучаю по осени, стылым ветвям,
Дорогам и слякоти вечной,
Рассветам холодным, туманным бровям
И ясности мысли млечной.

Небрежным мазкам по холсту стекла
Небесного живописца,
Безлунным ночам, где слепая мгла
Роняет лоскутья ситца.

По праху листвы на твоих ногах
И ясности глаз открытых,
По хмурому миру в дождливых снах,
В ноябрьских днях забытых.

***

Ты в осени?
А я уже в зиме…
Мои сугробы по весне не тают,
Мои деревья не листву роняют –
Задумчивую проседь по тебе.

Ты в будущем?
А я все не дойду.
И старыми слоями обрастаю.
И знаю, как никто, поверь мне, знаю,
Что годы мои в тягостном бреду.

Кто верит мне?..
Увы, уже никто,
Да и нужна ли мне чужая вера…
Моя невосполнимая потеря
Для будних сплетен – праздничный притон.

Где жизнь моя?
Откормленная в снах,
Прилежно обрамленная мечтами,
С распахнутыми вечером дверями
И с грустью в ожидающих глазах…

Где дни мои?
Которых не дарить
Мне твоему красивому обману.
Далеким для тебя я, может, стану,
Но ближе мне к тебе уже не быть…

Ты в осени?
А я уже в зиме…
Мои седины по тебе не тают,
Мои деревья не листву роняют,
А ласковую повесть о тебе…

Жизнь не так длинна…

Отдышись. Мир роняет млечность
В пустоту и усталость глаз.
Опусти, словно крылья, плечи.
На земле не хватает нас.

Вспоминай, как умрешь однажды
В черно-белой вечерней мгле…
Станет птицей однажды каждый,
Но не всякий пойдет по земле.

Твое сердце уже безутешно.
Это снег или пепельный цвет?
Отдышись. Ты не будешь прежним
Для оставшейся пригоршни лет.

Акро

Стало утро намного яснее.
У соседей залаяли псы.
И снега опадают теснее.
Целый мир. И глаза – как весы.
Интересно, что выткало время
Для тебя. Без тебя. До весны...

***

Давай под звездами соврем,
Что мы с тобою не умрем
Больше в этой жизни.
Оставим цвет и пепел глаз
Словам, что станут старше нас,
Дольше нашей жизни.
Ты знаешь, можно зачерпнуть
В твоих глазах дневную грусть,
Разбавленную миром.
И у твоих озер сидеть,
И тихим вечером стареть,
Оставленными миром.
И возвращая иногда
Свою любовь, свои года,
Как палки старой плети,
Давай с тобою проживем
И смерти пару раз соврем,
Родившись снова в детях…

***

И каждую ночь она плакала,
Забытая суетой.
И два не рожденных ангела
Сгорали в душе одной.

Что знал ты о ней, изнеженный
Спокойствием непотерь?
Не знал ты ее и прежнею,
И знать ты не мог теперь.

Соседством ее внимания
Напрасно себе не льсти, –
Подбитою птицей раненой
Не хочет она ползти.

Она улетит и справится
Без слов и без рук твоих. –
Ей, просто, впервые нравится
Страдать на глазах чужих.

[1] Нун – буква арабского алфавита, символ духовного возрождения.

V Совещание молодых писателей Кавказа

Милена Тедеева
Северная Осетия-Алания

Родилась в 1978 году в Южной Осетии. В настоящее время живет во Владикавказе. Окончила факультет иностранных языков ЮОГУ. Участница Совещаний молодых писателей республик Северного Кавказа (Майкоп-2009, Домбай-2010, Цей-2011), Форумов молодых писателей России в Липках (2010, 2011). Публиковалась в газетах «Народы Кавказа», «Владикавказ», журналах «Вайнах», «Дарьял», «Famous», Интернет-изданиях «Алонстон», «Осетинское радио».

Центр одного мироздания

Рассказ

Из цикла «Цхинвальцы»

Наша старая двухкомнатная квартира на первом этаже хрущевки. Дед учит меня играть в нарды, мне пять, я сижу на большой мягкой мутаке. Он широким жестом выбрасывает желтые зарики и выкрикивает: «Шешу-беш!», «Пянджи-сэ!», «Чари-як!», «Се-бай-ду!»… Я в полнейшем восторге, пытаюсь подражать, даже мои уши пылают от азарта. А дед такой красивый: желтая шелковая прядь падает на лоб от движения, улыбка щекочет уголки губ, голубые глаза сверкают. Я изо всех сил пытаюсь запомнить слова, эти волшебные, танцующие слова… В Южной Осетии, как и в Грузии, играют в нарды именно так – громко называя выпавшие цифры по-персидски.

Мой дед Борис Гаврилович был коренным тифлисцем, в котором удивительным образом смешались Европа с Азией. Его дедушка по отцовской линии Давид Джмухадзе в конце 19-го века умудрился взять в жены дочь французского посланника, некоего Ля Мок, уроженца Марселя. Нина-Мария – так звали прапрабабушку. Ее дочери, тетушки моего деда, описывали настолько тривиальную романтическую историю встречи родителей, что сложно было не заподозрить их в фантазерстве. Сцена из немого кино: Давид помчался на коне вслед фаэтону, который понесли взбесившиеся лошади, и остановил его. Он взял на руки кисейную барышню Ля Мок, лишившуюся чувств со страху, и понес ее вдоль проспекта, а толпа восхищенно глядела им вслед… Но факт остается фактом: дочь французского посла вышла за тифлисского предпринимателя.

Супружеская чета Джмухадзе-Ля Мок произвела на свет троих дочерей – Тамару, Женико и Лилечку. Последним у них родился мой прадед Гавриил. Когда-то я нашла в семейном фотоархиве старый пожелтевший снимок, на обратной стороне которого было написано: «À Gabriel quatre ans» (Габриэлю 4 года. – франц.). Габриэль в 1930-м женился на Татьяне Корчинской, дочери ссыльного белогвардейского офицера. Матушка деда была очаровательной женщиной. Сын однажды увеличил в фотостудии портрет матери: томные глаза, прелестная улыбка... просто красавица. Он хранил фотографию всю жизнь. Но офранцуженному семейству почему-то не пришлась по душе la belle Tat'yany, они ее ненавидели. Золовки – три старые девы – подозревали

невестку в аморальном поведении, потому что она всегда нравилась мужчинам. Но травить Татьяну при брате не смели, а когда его не стало, словно с цепи сорвались. «…Этот мальчик не наших кровей, он даже не похож на нас!..» – и многое другое в таком же духе. Таня глотала слезы, но молчала, она была воспитана иначе. Терпеливо сносила оскорбления, пока ей не указали на дверь… Дедовы тетушки сели в галошу со своими подозрениями относительно племянника: когда Боря подрос и внешность его окончательно оформилась, на носу отчетливо проступила фамильная джмухадзевская горбинка. И голос у него был точной копией отцовского.

Переехала Таня с сыном и больной матерью в один из старых кварталов Тбилиси, Сололаки. На одном снимке дедушка, черный, как негритенок, с выцветшими на солнце волосами сидит на ветхой лавочке рядом со своей роскошной матерью, которую даже ситцевое платье не сделало простенькой: волосы ее уложены в модную прическу, губы накрашены, она широко улыбается, обнажая ровные зубы. Когда Боре исполнилось 13, Татьяна Корчинская умерла от белокровия. Подросток и прикованная к постели бабушка жили вдвоем. Деда воспитывала улица. Он нечасто рассказывал мне о своем детстве, но из того, что мне удалось выудить у него, я знаю, что они с бабушкой испытывали большую нужду. В 15 лет друг покойного отца Антон Гургенидзе, летчик, оформил сироту в Харьковское высшее военное авиационное училище. По окончании учебы дед служил на Курильских островах, и в один из отпусков уже в Тбилиси товарищ уговорил его съездить в санаторий Юго-Осетинской области. Там, в местечке под названием Джава, молодой дедушка Борис встретил пионервожатую Гульнару, которая работала неподалеку от санатория – в детском лагере.

Бабушка Гугуля тоже была полукровкой. Отец ее был мегрелом, а мама представительницей большого армянского клана. Сохранилась фотография, где маленькая Гуля сидит на коленях у своей бабушки в ряду величавых дам в национальных армянских костюмах. Судьба бабушки тоже была не из легких. Отец бросил ее мать еще до рождения Гугули. Росла девочка в бедности, потому что Мария Давидовна Мелкуева была человеком несостоятельным – актрисой грузинской труппы Цхинвальского драмтеатра. Бабушка рассказывала иногда о своем голодном детстве, о том, как плохо они с матерью питались. Однажды с двоюродной сестрой с детской дури она даже попробовала есть землю... На две семьи, бабушкину и ее дяди, живущие стена к стене, была одна пара туфель. Зато тетя Надя обшивала и свою дочку Наташку, и мою бабушку Гулю. Но, несмотря на все лишения, Гугуля была крепкой девочкой: с малолетства хозяйничала в доме, а когда стала старше, то наравне с матерью трудилась и в саду, и в огороде. А еще она плавала как рыба. Рядом с домом протекал канал Арх, впадающий в реку Лиахву, и бабушка с малолетства плескалась в нем. Иногда канал разливался. Гугуля вспоминала, как во время одного такого наводнения сидела на дереве и ждала, пока мама вернется с работы и снимет ее. Бедствие случилось днем, и шустрые детишки расселись на ветках, как обезьянки. Им-то было весело, а вот родителям пришлось тяжело: с трудом приобретенные ими вещи, мебель, утварь, запасы на зиму – все смыла или подпортила вода…

Гугуля воспитывалась в духе высоких коммунистических идеалов. Ведь Мария Давидовна, кроме того что была актрисой, принимала активное участие в пионерском движении. Она была из числа первых пионеров Цхинвали – тогда Сталинира, – затем пионервожатой. В Бога она, ясное дело, не верила, зато преклонялась перед Лениным и Сталиным, и бабушку воспитывала будущей коммунисткой. Гульнара ею впоследствии и стала, а потом даже депутатом партии. Когда она уже сама стала матерью, а затем бабушкой, аналогичное идейное давление не обошло и нас с мамой. Справедливость, правда любой ценой, честность, верность идеям великого Ленина – именно такими были

семейные ценности, бабушка до смерти презирала материальные и житейские блага. Как ни странно, иногда она украдкой зажигала свечи на Пасху. А на второй день после этого праздника семья традиционно поднималась на Згудери, гору на окраине Цхинвали, где находится кладбище. Разложив крашеные яйца, пироги, домашнее вино, Мелкуевы-Джмухадзе сидели в кругу родственников и поминали усопших до самой темноты. Странные они были, старые цхинвальцы – коммунисты и приверженцы народных традиций одновременно.

Дедушка Борис свято чтил Иосифа Виссарионовича: на книжном шкафу держал гипсовый бюст вождя всех времен и народов, покрашенный бронзовой краской. Я как-то взобралась на стул, потом на сервант, дотянулась до верхушки шкафа и сняла бюст с «постамента». Долго рассматривала его, скользила пальцами по благородному лицу семейного идола. Он такой приятный был на ощупь… а когда перевернула, вдруг увидела белую гипсовую основу с дыркой посередине. А я-то думала, он и правда бронзовый… Монеткой соскребла краску с кончика носа Сталина – ненастоящий! Только тогда спохватилась, что мне влетит за это. Спрятала бюст, но рассказала по секрету маме, и мы вместе потом реставрировали поврежденную часть коричневой краской, смешанной с охрой. Внешность Сталина немного пострадала, он выглядел уже менее величаво, и мы повернули его в профиль, чтобы дед ничего не заметил. Пронесло… А вот Ленина дедушка не любил, называл его издевательски: «тетя Лена». И когда в 90-х на Привокзальной площади ночные варвары-подрывники снесли памятник Владимиру Ильичу, он не особо расстроился, посетовав лишь на оконное стекло, треснувшее от взрывной волны. Взрыв был такой силы, что вся Привокзальная проснулась и прямо посреди ночи высыпала на улицу. До утра уже никто не заснул…

Мама Нонна была единственным ребенком у деда с бабушкой, но, как ни странно, росла почти в спартанских условиях, без поблажек. Бабушка активно продвигалась по партийной линии, всегда была занята и совсем не баловала дочурку. Когда маме исполнилось 15, она познакомилась с моим папой Тимуром – чистокровным осетином. Папа был начинающим рок-музыкантом-андеграундщиком, носил волосы до плеч и обматывал шею длинным шарфом. Первую пластинку «The Beatles» отец с друзьями получили прямо из Лондона. Удивительно, но такая изысканная контрабанда доходила и до Цхинвали. Это был сингл битлов «Please please me». Папа рассказывал, как они с друзьями его впервые слушали. Каждый надел самые модные вещи, вымыл голову, надушился. У Тимура были настоящие джинсы Levi's. Цхинвальские подростки называли их не «ливайс стросс», а «левисы». И вот папа с волосами до плеч в своих потертых левисах и синей безрукавке шагает через весь город и всем знакомым по пути сообщает, что идет слушать битлов. В итоге к Алику Кабулову, чья тетя действительно жила в Лондоне и через какие-то дипканалы прислала племяннику пластинку, пришло полгорода.

Родители Алика уехали на картошку, и дом был в его распоряжении. Ребята сварили сосиски и приготовились слушать. Когда еда была съедена и сингл прослушан уже раз двадцать, отец поставил пиратский диск из рентген-пленки, и самые стойкие меломаны отбивали ритм вилками по никелированной кровати до утра. Это была новая кровать Кабуловых, которую к рассвету было уже не узнать. Облупленная, с «ранами» от вилок и ножей, она приютила юных фанатов, мирно сопевших вповалку, уставших и счастливых… Лондонская тетя Алика еще не раз потом присылала волшебные посылочки. Папа рассказывал, как они с ребятами впервые взяли в руки виниловый диск Led Zeppelin, потом Black Sabbath... Отец с друзьями, как и его кумиры, сначала участвовали в бит-группе, потом стали играть рок и джаз-рок. Ребята экспериментировали с текстами на родном языке. Сочиняли музыку на слова классика осетинской поэзии Коста Хетагурова и современного поэта Исидора Козаева. Такого юго-осетинская общественность никак не ожидала. Солидные дяденьки и тетеньки

воспринимали это творчество с неприятием: «Они издеваются над стихами классиков!», «Что за сумасшедшая музыка!»… В школе юных модников отлавливал завуч и насильно состригал их длинные волосы, да и дома за увлечение по головке не гладили. Бабушка разбивала не одну папину гитару. Но дед, который всегда баловал детей, напротив, напускался на супругу: «Ух, зараза, я ему все равно новую куплю, а с тобой еще рассчитаюсь!..» Зато молодежь боготворила музыкантов: на концертах ВИА «Бонварнон[1]», а потом и группы «Мемориал», в которых папа играл на басу и пел, просто яблоку негде было упасть. Публика разносила залы, девушки истерично вопили. Такой она была – цхинвальская молодежь 70-х.

Дедушка Борис Гаврилович, конечно, тоже папу не жаловал. Когда в 19 лет дочь объявила, что выходит замуж, он аж позеленел от злости. А Гугуля заперла Нонну дома. Но мама все же сделала тайный телефонный звонок и сообщила любимому о реакции родителей. Тогда Тимур с другом Сосо решили невесту похитить. Однако папе в свою очередь пришлось выдержать родительский гнев. Дед Евгений Николаевич в принципе был не против, он хорошо знал Гульнару Валентиновну по партийным делам и уважал ее. А вот Замира Александровна не хотела невестку-грузинку, она уже присмотрела сыну жену – дочь подруги. Зато потом, когда молодые все-таки поженились, невестка стала оплотом семьи. Она окончила училище и получила профессию медицинской сестры. Мама вообще медик по призванию, ей даже вручили лимит на поступление в мединститут в Москве, но она отказалась – вышла за папу и училась на биологическом в местном вузе. Всех прабабушек, всех больных родственников выхаживала только Нонна. Трудную работу по дому бабушка тоже доверяла лишь ей, невестке-грузинке. Кстати, мама неплохо поладила со свекровью своей свекрови Маргаритой – Маго, которая люто ненавидела жену сына. Назло Замире она стала подчеркнуто «любить» Нонну. Мама ее купала, расчесывала длинные, до глубокой старости черные волосы, заплетала косу. Когда родилась я, Маго уже было 98 лет, и она никого не узнавала…

Мое детство было теплым солнышком: много счастливых дней, музыки, щедрые кавказские застолья, красивые тосты, путешествия в разные населенные пункты Осетии и Грузии к отцовской и материнской родне. О геноциде 20-х годов прошлого века, от которого пострадали папины деды и бабушки, об истребелении осетин грузинскими меньшевиками мы вспомнили дома лишь в конце 80-х. Я не знала, что такое «нация». Впервые мне указали на то, что моя мама «грузинка» в 89-м году. Девчонки во дворе очень серьезно спросили, какие у нее лодыжки: если толстые, то значит, она настоящая грузинка. Я с вызовом ответила, что у мамы красивые ноги, и рассорилась с дурочками, а потом долго плакала в подъезде. Соседи Транкашвили, педагоги-интеллигенты, в квартире которых я без конца гостила, тоже неожиданно напомнили мне о том, что я осетинка, а у осетин не приято то-то и то-то... Это задело, но дочь Транкашвили – Нана – была моим репетитором по музыке, и я вынуждена была ходить к ней на занятия. А к великолепной коллекции кукол и подарочных редких книг в глянцевых обложках я уже не приближалась. Меня унизило то замечание, и я стала осторожнее в гостях.

Именно тогда на политической арене Грузии объявился господин Гамсахурдия-младший. Я помню жаркий спор бабушки Гульнары Валентиновны с Наной Транкашвили на лавочке перед нашим окном. Молодая еще Нана до дрожи губ, с жаром отстаивала гамсахурдистские националистические идеи вроде: «В Грузии должны жить только грузины!» «Как вы можете не поддерживать его?! Вы же грузинка! Только с ним мы станем европейской страной!..» Но бабушка безапелляционно диагностировала диктатору всея Джорджии «шизофрению» и обозвала его «экстремистом», поставив точку в дискуссии. Я мало что поняла из того спора, но к соседям Транкашвили меня больше не пускали.

В 1989 году из Тбилиси приехали журналисты какой-то пионерской газеты, и

нескольких учеников из моего класса пригласили на беседу с ними в городской Дом пионеров. Нас, детей-осетин из русской школы, усадили за длинный стол, а напротив – детей из грузинской школы. «Мудрые» старшие устроили нам нечто вроде перекрестного допроса. Сейчас уже не воспроизвести подробностей, но я смутно помню мальчика-грузина, с волнением рассказывавшего об осетинском трехцветном флаге, которым его сверстники-осетины угрожающе размахивали перед ним. Когда очередь дошла до меня, тбилисская корреспондентка стала записывать в блокнот фамилию: «Тедешвили…». Я проигнорировала вопрос и указала ей на ошибку: «Моя фамилия не Тедешвили, а Тедеева!» Корреспонденты многозначительно переглянулись. Я рассказала им недавнюю историю о моих дедушке и бабушке по папиной линии, которые несколько месяцев назад ездили продавать урожай яблок в Абхазию. На обратном пути их насильственным образом остановили в селе Мегрекиси, отобрали документы и удерживали в каком-то доме против воли. Только сердечный приступ дедушки Евгена побудил неформалов *(так назывались грузинские вооруженные формирования во время правления Звиада Гамсахурдия. – Ред.)* освободить моих близких. Как говорили потом у нас дома: «Тогда еще боялись убивать…» Господа мнимые милиционеры самолично довезли своих узников до Цхинвальской больницы. Евгений Николаевич через неделю умер. Журналисты, фальшиво улыбаясь, пытались меня стыдить за якобы богатую фантазию, но я твердила, что все это чистая правда. Я стала «экстремистски настроенной девочкой из 5 «А» – именно так обо мне написали в той газете.

Обстановка накалялась. Первые выстрелы в Цхинвали прозвучали на улице Ленина осенью 1990-го. Мне поручили забрать из сада младшего братишку, мы как раз шли домой по параллельной улице. Это была первая расстрелянная автомашина с вооруженными агрессорами, собственно, это были первые убитые грузины. Через год, в январе, наступило знаменитое «утро с милиционерами». Гамсахурдия со своими министрами решили для цхинвальской операции освободить заключенных из тюрем Грузии. Обряженные в милицейскую форму, наркоманы и рецидивисты всех мастей прибыли посреди ночи – «наводить порядок в мятежном Самачабло». История повторялась. Наш регион снова стали называть Самачабло по имени проживавших там до революции князей Мачабели. Бабушка Гугуля ранним утром, увидев небритых самозванцев с овчарками, открыла форточку, влезла на стул и стала громко отчитывать их, а соседка Изольда тревожно затараторила, высунувшись из окна рядом: «Гульнара Валентиновна, вы что, не видите: у них автоматы, немедленно прекратите! Они же сейчас начнут стрелять по нашим окнам!» А ряженые громко и с издевкой рассмеялись, их позабавили две говорящие головы. Соседи Транкашвили и большинство грузинского населения Цхинвали покинули свои квартиры и дома в ночь накануне перед тем пришествием «стражей правопорядка». В их домах осталось все нажитое добро, холодильники были полны едой, когда осетинские беженцы из окрестных сел вломились в пустые квартиры. Говорили, что грузин, поддерживающих режим, предупредили о вторжении. По плану Гамсахурдии они должны были переждать этническую чистку в Гори, чтобы потом вернуться домой, где уже не будет ни одного осетина… Но сбежавшие той ночью цхинвальцы так и остались беженцами, никто из них не вернулся в родной город.

Судьба этих, пусть и не самым лучшим образом проявивших себя горожан, тем не менее, вызывала сочувствие. И далеко не все осетины потом жгли и грабили их дома. Многие, очень многие держались в стороне. Мои отец и дядя, вступившие в ополчение, тоже были очевидцами тех поджогов и мародерства. Некоторые дома своих ближайших соседей они отстояли. Ведь с их хозяевами так близко и так сладко дружил их отец, мой дедушка. Часто Евген не садился обедать, пока бабушка Замира не приглашала соседей – Гигуцу, Автандила и Пацо. Это были его ближайшие друзья. Вместе они разбивали фруктовые

сады и виноградники на своих участках, ездили за саженцами лучших сортов винограда в Грузию, покупали поросят в селах… Дед вообще, когда переселился в пригород из центра Цхинвали, стал настоящим садоводом и животноводом. Я помню его большие ладони, полные черешни, и как он, заикаясь, звал меня: «Иди-иди сюда, Ми-миленка, мæ чызг[2]. На-на, на тебе черешню! Ай у «бычье сердце»… аджын у, нæ[3]? А скоро белая поспеет…» – и шел дальше по саду, заложив руки за спину и осматривая свои труды. У него была огородная одежда: комбинезон цвета хаки, из кармана всегда торчал секатор, и армейская шляпа с советской звездочкой. Было еще интересно наблюдать за ним из окна, переходя из комнаты в комнату, пока он опрыскивал химикатами деревья и виноград. Внуков загоняли в дом и не позволяли выходить, пока яд не высохнет. Во дворе стояли саманные хозпостройки. Одна из них была битком набита бумажными мешками с медным купоросом, серой и другими ядами. Я называла строение ядовитым домиком, когда никто не видел, я даже заглядывала внутрь, отшатываясь от резкого запаха. Почему-то этот домик всегда влек к себе, стены в нем были бело-голубые, будто насквозь пропитанные отравой.

Вместе с друзьями-соседями дед проводил и вечера. Выйдет, бывало, на закате и идет по дороге к дому Пацо или Авто. Они вместе смотрят на виноградники, оценивают урожайность, хвастаются друг перед другом, подтрунивают, советуются… А осенью каждый в нашем цхинвальском пригороде делал вино. У деда были пятисотлитровые деревянные винные бочки, в которых бродил виноград. Как-то раз младший сын Евгена Вадик зашел в подвал помешать сок в бочке и плотно закрыл ее крышкой, он только начал участвовать в процессе виноделия и не знал, что бочки должны быть лишь слегка прикрыты – через оставленные щели должен проникать воздух и испаряться газы. Той ночью раздался сильный взрыв. Перепуганные домочадцы прибежали в подвал: стены, потолок – все было в винограде, а на полу растеклась широкая и глубокая лужа… Дед сильно отругал Вадика и запретил приближаться к вину. Сын два дня не показывался отцу на глаза. Гигуца, Пацо и Авто наутро тоже пришли посмотреть на следы происшествия, а их жены помогали бабушке убирать в подвале. Я дружила с внуками друзей деда, мы вместе бегали за поросятами, гнали их прямо в руки мамы. Они с дедушкой, вооружившись шприцом, делали маленьким вертлявым и визгливым поросятам прививки…

Когда началось грузино-осетинское противостояние и стали грабить и жечь дома сбежавших грузин, жилье дедушкиных соседей тоже обчистили, дядя с папой вмешались, пытались остановить мародерство, дошло до серьезного конфликта. Когда облили дома бензином, отец с братом применили серьезный аргумент: беженцам из осетинских сел тоже надо где-то жить… Так и случилось: во всех домах друзей моего дедушки сегодня живут беженцы-осетины из внутренних районов Грузии. А вот в городе сожгли многие жилые здания. Была даже шутка: «Это дом с откидным верхом?» Только вот куда ехать на таком «кабриолете»?..

Осетинское ополчение, практически безоружное, использовало вместо пушек пожарные машины, заправленные булыжниками. Цхинвальцы со своими охотничьими ружьями и карабинами каким-то чудесным образом вытеснили оккупантов, вооруженных до зубов. Тогда у осетинских бойцов было всего с десяток автоматов на весь город, вооружили цхинвальцев гораздо позже. По большому счету гамсахурдисты могли легко захватить город, но сопротивление было яростным, а они еще не были готовы к войне – ни в моральном плане, ни в плане подготовки. Еще вчера советские грузины жили мирно и беззаботно в солнечных и плодородных населенных пунктах одной из самых богатых союзных республик, в большом роскошном Тбилиси, баракианат[4], наслаждаясь жизнью в тени великой державы. И вдруг речи одного психопата взорвали разум, заразили большинство, перевернули устоявшееся за 70 лет мировоззрение с ног на голову. Мысль о СВОБОДЕ и новой РОДИНЕ опьянила… Был даже хит Сосо

Павлиашвили, с которым он успешно дебютировал в Юрмале – «Самшобло[5]». Я тоже тайком его напевала, хотя бабушка сказала, что это «экстремистский гимн», уж больно красивая была песня, и Сосо выступал замечательно, на разрыв… Только вот почему он живет теперь в России, а не в самшобло?..

Я помню этот отрезок истории моего города и по митингам, на которых люди несли транспаранты с призывами о помощи и обращениями: «Горбачев, ты предаешь народ, который за тебя!»... Южные осетины, в отличие от грузин, не хотели отказываться от мечты о светлом коммунистическом будущем. Но никакого светлого, и тем более коммунистического, будущего уже быть не могло. Советский Союз рухнул через год, когда Цхинвал уже усиленно обстреливали из минометов и другой, доставшейся независимой Грузии в наследство от Союзного государства военной техники. С 90-го по 92-й, с редкими паузами, горожане получали ночные порции мин и снарядов. Цхинвальским девочкам и мальчикам, родившимся в подвалах при свете стеариновых свечей и керосиновых ламп, сегодня уже больше 20-ти, их детство и юность прошли в военных действиях. Дети подземелья…

В 91-м небольшими делегациями школьников из Южной Осетии отправляли в лагеря и здравницы всесоюзного значения – подальше от войны. Мне посчастливилось попасть в знаменитый «Артек». В последнюю всесоюзную смену. Дети из Прибалтики, Казахстана, Молдавии, Белоруссии и с Кавказа последний раз отдыхали вместе в теплом Крыму. Не помню, как попал клочок «Комсомольской правды» в руки одного из наших пацанят, но осетинская делегация чуть не залила слезами дружину «Хрустальную». Выяснилось, что пока мы нежились на солнышке, наши братишки и сестренки, мамы и бабушки не вылезали из подвалов – осенью того года город нещадно обстреливали. Десятки писем домой с просьбами забрать нас обратно, в войну, вынудили родителей организовать мини-делегацию для нашего усмирения. Группа поддержки приехала, тем детям, чьи родители не смогли присоединиться к ней, привезли письма. Бабушка писала мне: «Детка, родная моя девочка! Прошу тебя – возьми себя в руки, будь сильной! У нас все хорошо. Наш район не сильно обстреливают. Говорят, что скоро заключат перемирье, и стрелять вообще перестанут. В нашем подвале дедушка установил газовую лампу, она светит ярко, почти как электрическая, даже читать можно. Тетя Надя с Сашей и Сережей тоже с нами, так что нам не скучно. Перестань переживать, вспомни, как ты уже год спишь в одежде, все время готовая подняться и бежать. Забудь о тревогах, отдыхай, пока есть возможность. Скоро смена закончится. Мы ждем тебя и очень любим!..» Но от письма мне не стало легче. Я представляла себе Гулю и Борю в прохладном подвале, на лежанках, без солнца и тепла... и горечь накатывала новой волной. Потом делегаты-родители свозили нас в Ялту, накормили мороженым, вытерли нам сопли и оставили догуливать смену. Последние теплые деньки в лагере, конкурс бальных танцев, поход на Аю-Даг и долгие слезные прощания с друзьями из Минска, Гомеля, Кишинева, Приднестровья, Таллина и Алма-Аты мы увезли в своих сердцах домой – под обстрелы, в наши подвалы. Союз Советских Социалистических исчез с лица земли, но мы еще переписывались какое-то время и даже договаривались об общей встрече в Минске...

В 92-м мирное население пришлось эвакуировать. Мы с братом уезжали из Цхинвала за три дня до зарского налета[6], мама, оставшаяся в городе, чтобы готовить и ухаживать за папой и дядей, провожала нас. Сашка, мой четырехгодовалый братишка, сидел на чьем-то свернутом матрасе и насупленно молчал. Он почему-то не плакал, хотя был очень привязан к маме. Она стояла, держась за края кузова, и смотрела на нас, ей хватало сил улыбаться, хотя было видно, что она вот-вот заплачет. Мы ждали папу, и вот он уже появился в своей камуфляжной спецовке, с автоматом наперевес. Днем раньше Министерство обороны выдало ополчению оружие, и теперь папа с ним не расставался.

Родителям было немного за тридцать, но в этот день они казались стариками: бледные, исхудалые, большеглазые, едва сдерживающие слезы. Они тогда были уверены, что больше не увидят своих детей. И у них очень плохо получалось скрывать свою боль. Они молчали и неестественно улыбались, мы тоже молчали. Бабушка Замира, которую снарядили вместе с нами в село, разбавляла печаль прощания своими четкими командами: «Этот тюк сюда, чемодан повыше… вот так!..» Я всю дорогу читала православный молитвослов, подаренный мне прихожанкой городского храма. Грузовик довез нас до бабушкиного родового села, мы высадились. Остальные беженцы поехали дальше – в Северную Осетию.

В то лето было много горя. На нашу семью обрушилось тройное несчастье. Сначала умерла прабабушка, потом был ранен и скончался в больнице дядя Вадим, брат отца. Умирая, дядя уже не верил в то, что Южную Осетию спасут. Его хоронили 14 июля, в день, когда в Цхинвал вошли миротворческие силы, остановившие кровопролитие. Папа очень страдал, оттого что не сумел защитить от гибели младшего брата. В тот день, когда брата ранили, он приехал к нам с Сашкой, в село, чтобы проведать нас. Вадик же, как рассказывали другие ополченцы, когда его подняли во время того как он отсыпался после ночного дежурства на посту, спросонья схватил автомат и стремглав бросился туда, где прорвали оборону. Это было опрометчиво. Он попал в окружение и в него стреляли в упор. Множественные ранения брюшной полости. Ампутированный кишечник. Потом он месяц медленно угасал, находясь в сознании. На похоронах папа причитал: «Как я мог оставить тебя, Вадик?! Братишка, это моя вина… Ты мой маленький! Люди! Я его укачивал на подушке, он был такой маленький… а теперь я должен его хоронить! Люди!!!». Я впервые тогда услышала папины душераздирающие вопли и впервые узнала, что мужчины способны так рыдать. «Я хочу умереть! Хочу умереть!» – он разбил голову в кровь о стену, и никто не мог подойти, чтобы успокоить его, потому что одной рукой он придерживал автомат. Все боялись приближаться, ведь в аффекте папа мог совершить непоправимое.

Думаю, что папа маниакально винил себя за смерть брата. Наверное, поэтому он сам стал виновником своего ранения. Будто нарвался на пулю. В первую поминальную субботу после похорон Вадика папу госпитализировали со сквозным ранением обеих ног. Все произошло нелепо. Миротворческий батальон расположился прямо за нашим забором, там, где находился до въезда сил в Южную Осетию один из постов ополчения. Папа пригласил на поминки двух офицеров. Во дворе нашего дома поставили рядового для охраны. Осетинские застолья довольно длинные. От первого тоста за Великого Бога до финального – за изобилие – осушают 10-ти, а то и 20-литровые бутыли виноградного вина – в зависимости от числа гостей. Пришедших помянуть Вадика в тот день было много. Офицеры-миротворцы тоже крепко приняли и расслабились. Больше всех выпил отец. В какой-то момент он вспомнил о рядовом снаружи: «Мой маленький братишка тоже должен помянуть настоящего воина и патриота! Разрешите, товарищи офицеры?» – еле проговорил он и наполнил большой стакан вином. Один из офицеров сказал: «Да ты ему водки налей!» И папа пошел в подвал и налил в полулитровую банку крепкой араки двойного перегона. Он вышел во двор, следом увязался маленький Сашка. Солдатик отказывался выпить всю банку, а папа ему и говорит: «Давай, братишка, пополам, а? Ты не знаешь, какого человека я потерял…» И они выпили. Что именно случилось потом, до сих пор неясно. И солдатик, и особенно отец ничего вразумительного не могли рассказать. Но когда мы выбежали на крики, папа уже лежал на земле с окровавленными ногами. Все так закрутилось: крики бабушки и мамы, суета с машиной… Офицеры выскочили из дома, один из них дал пощечину рядовому. Когда все удалились с места происшествия, я увидела Сашку, он сидел в сторонке, испуганный и всеми забытый. А отец четыре месяца кочевал

из больницы в больницу. В конце концов попал в госпиталь имени Бурденко в Москве, где его все-таки поставили на ноги. Правда, из-за раздробленного сустава одной ноги отец охромел. Друзья-музыканты потом шутя называли его Жофреем де Пейраком, но сам он предпочитал другое прозвище – хромой Тимур.

Мамины родители Гульнара и Борис Джмухадзе пережили ту войну в городе. Когда мы вернулись с поминального застолья в селе, после похорон Вадика, навстречу нам вышла бабушка Гугуля. Ей было всего 60, но она состарилась за лето 92-го на много лет, и в ноябре того же года ее не стало. На бабушку, не способную истерить ни по какому поводу, подействовала не только война и несчастья в семье единственной дочери. Гугуля с Борей, кроме страха перед обстрелами и оккупацией, который испытывали все горожане, терзались страхом другого рода: пред подлостью и низостью своих же. Когда конфликт обострился, некоторые соседи стали анонимно звонить в нашу квартиру, угрожая дедушке с бабушкой расправой. Думаю, что Гугуля не столько боялась быть убитой, она была отважной по природе, сколько ее ужасало осознание того, что те, с кем бок о бок прожита вся сознательная жизнь, с кем съеден тот самый пресловутый пуд соли, гонят ее вон из родного дома и города! Ее выдворяют с родины, которой она честно служила, не разбирая, какую фамилию носит тот или иной ее соотечественник. Изменив голоса, соседи звонили в нашу квартиру и требовали, чтобы они – Гульнара и Боря Джмухадзе – вонючие грузины – сегодня же к вечеру убрались из квартиры, а иначе им не поздоровится. И эти мирные люди, никогда ни одному из соседей слова не сказавшие некорректным тоном, были просто скошены под корень неожиданным предательством. Отвечать на агрессию они не могли. Не было у них на это никаких внутренних ресурсов. Поначалу даже скрывали все от дочери и зятя, который непременно встал бы за них горой. Молча ждали нападения и готовились к худшему. Но потом все открылось: как-то братишка заболел свинкой, и мама решила привезти меня к ним. Когда родители ответили отказом на визит, она выяснила причину. Видимо, терпеть издевательства уже не было сил. Вся семья просто встала на дыбы от возмущения. Отец с братом посовещались и решили по очереди ночевать на Привокзальной у Гугули и Бори. Дядя Вадик пришел, встал в центре двора и громко прокричал, что если хоть волос упадет… и так далее, а потом пустил в небо автоматную очередь. Виновники «торжества» прятались в своих «норах». Выступление было убедительным, звонки банально прекратились. Но все равно – то папа, то Вадик ночевали на Привокзальной, пока не перестали волноваться за нас. Бабушка по утрам кормила Вадика и приговаривала: «Кушай, деточка, кушай, защитник наш…» А дядя смущался: «Бросьте, тетя Гульнара, вы же мне не чужие, вы нашу Миленку воспитываете…» И вот она шаркает по-стариковски нам навстречу через весь двор, мы приехали, когда она вышла коврик вытрусить, в руке щетка: «Деточки, деточки мои…» Она плачет, мы с мамой одновременно обнимаем ее… Я заметила, что Гугуля вся дрожит, она стала какая-то рыхлая, некрепкая. «Наш защитник, наш Вадик, что же это такое…» – беспомощно, как ребенок, плачет бабушка.

Дед Боря ненадолго пережил свою Гугулю. После ее смерти я жила с ним. Он был не очень многословен и все чаще впадал в запои. Когда дед напивался, то некрупный по природе, он становился и вовсе как пушинка. И все время пританцовывал и свистел. Еще в молодости он обожал джаз и неплохо бил чечетку. Как выпьет, так и отбивает свой степ в домашних шлепанцах… Под хмельком он становился немного шальным, фривольно подшучивал над безголосыми певичками в мини-юбках на телеэкране. Подойдет, бывало, к телевизору и мнимо похлопает девушку по обнаженной ляжке или делает вид, что заглядывает под подол ее юбки. Я покатываюсь со смеху, а бабушка, сдерживая улыбку, качает головой: «Постыдись… ребенок же смотрит…».

Дедушка был очень красивый, но пьяным он становился необычно красивым: глаза светились какой-то небесной голубизной, становились прозрачнее… Если случались запои, он говорил с вымышленными людьми. А я иногда подслушивала, притаившись за кроватью. Однажды дед звал какую-то женщину: «Иди ко мне, зачем тебе такая жизнь? Мы будем счастливы, ты мне очень нравишься…» У меня учащенно билось сердце… Бабушка всегда учила меня, что если дед не держится на ногах, значит, он заболел и надо его пожалеть. Никогда не говорила: «Он пьяный»… Я помнила наказ бабушки: после ее смерти Боря часто так «болел», и я за ним ухаживала. Однажды он крепко выпил, споткнулся и упал, я подняла его и без труда уложила в постель. Той ночью у него случился обширный инфаркт. Он тоже ушел в ноябре...

Через два месяца после похорон дедушки в дверь постучали. Женщина представилась: Людмила Григорьевна Костина, бывшая сотрудница Бориса Гавриловича. Она показала маме письмо от дедушки полугодовалой давности. Мама прочла и разрыдалась. Людмила Григорьевна стояла рядом с тревожным видом, потом заметила портрет деда в черной раме на серванте и, отступив, присела на диван. Я побежала за стаканом с водой и валерьянкой для мамы. «В нашу булочную не было завоза сегодня. Не поленись – сходи на хлебокомбинат, принеси горячий хлеб», – проговорила она сквозь слезы. Я, конечно, поняла, что дело не в хлебе: до комбината прилично шагать, а там еще в очереди надо выстоять… Когда я вернулась, Людмилы Григорьевны уже не было. Мама сидела с опухшим от слез лицом у портрета отца. Она не могла говорить, и я не спрашивала ни о чем. Меня долго терзали тот визит и то письмо, которое мама уничтожила, наверное. Лишь недавно, когда мне уже исполнилось тридцать, она объяснила суть того инцидента. Людмила Костина недолго была любовницей дедушки. До войны она переехала в Воронеж. Мой ласковый, заботливый, самый лучший в мире дедушка изменял жене, как множество других, гораздо худших мужей… Это было неожиданно, но почему-то я не злилась, а только жалела его. Не знаю, что у него было с визитершей, я была уверена: он все равно любил только Гугулю. Я часто видела, даже во время войны, как дедушка с бабушкой целовались украдкой, не старческим поцелуем в лобик, а… замирая в объятиях на время. Бабушка потом стыдливо отстранялась и оглядывалась, а я смотрела сквозь щель в двери, изо всех сил зажимая рот, чтобы не прыснуть со смеху. Что касается письма… Я ответила себе на этот вопрос: ему было одиноко, и, наверное, он пытался пробовать жить без нее – без своей Гулечки, Гулико[7]. Мои замечательные воспитатели ушли вместе в один и тот же месяц, с промежутком в два года. Каждый ноябрь я вижу их во сне. Странные такие сны. Как-то Гугуля мне позвонила, я ее долго о чем-то важном спрашивала, а она вдруг повесила трубку. В другой раз она расставила какие-то серые камни посреди двора и стала ходить вокруг. Потом посмотрела на меня, такая грустная… А дедушка всегда что-то делает для меня или приносит. Однажды рубашку принес: я надеваю, а она мужская... Однажды приснился мне молодым – он бил чечетку в своих любимых старых клетчатых тапочках. Танцевал на лужайке, а я слышала стук подошв, будто на нем специальные башмаки и он не на траве, а на сцене… Мои родные исчезли с лица земли, как исчезают у нас в горах суары[8]. Они вдруг неожиданно пропадают, иногда сразу два ключа на одном отрезке площади, где-нибудь у подножья горы. А потом так же одновременно пробиваются в других местах. Или это бывают уже совсем другие воды, исцеляющие от других болезней?..

До трех восьмерок – финального аккорда в 20-летнем братоубийстве – Цхинвал все время жил в ожидании… чего-то. Один врач даже сказал, что под таким прессингом ожидания – ухудшения или улучшения ситуации, не важно – люди сходят с ума… «У нас 80 процентов людей больны, а может, и все сто, просто в скрытой форме…» Было жутко слушать. Хорошо, что мама не стала врачом – цинизм медиков мне отвратителен! Но… он говорил правду.

Мой город за это время необратимо изменился, изменились школы и дворы, ставшие кладбищами, изменились люди, в которых проснулись худшие черты. Городской человек уступил место сельскому жителю. Не из-за миграции за пределы республики – хотя с 89-го по 2008-й уехала масса горожан. Нет. Мне кажется, что в дыру, которая образовалась от войны, постепенно слилось все, мешающее выживанию. Все тонкие оболочки слетели с людей, остался грубый скелет – коренастый, приземистый. Цхинвальская интеллигенция исчезла как вид. Однажды я даже услышала фразу: «Я уверена: интеллигент не может быть патриотом!» Как будто вбили последний гвоздь.

Цхинвал, Цхинвал,
маленький Париж,
где твои ароматные сосновые парки
и ухоженные дубовые рощи?
Аллеи и площади с фонарями и фонтанами?
Ты полон пыли,
что за нелепый грим?
Серая пудра повсюду.
Раньше ты любил зеленый цвет…
А может, ты просто поседел?
Навечно…

Я знаю, что ничего и никогда не повторяется. Даже если построят новый Цхинвал, там уже не будет места всем нам – прекрасной Гугуле и благородному Боре, чудом занесенному в этот зеленый мирок на берегу Лиахвы; юным папе в модных левисах с красной бас-гитарой и маме с улиткой волос на затылке, пахнущей сиренью; дедушке Евгену с перевернутой армейской панамой, полной черешни, и защитнику Вадику, который до войны не расставался со своим «Зенитом»… Ни одна пятилетняя девочка не будет сидеть на вышитой разноцветными нитками мулине мутаке, играть в нарды и, подражая дедушке, выкрикивать со смехом персидские числительные: «Ду-яки!», «Шешу-беш!»… Такое не повторится – на диване в гостиной квартиры номер три, дома номер два на улице Привокзальной – никогда.

---

[1] «Бонварнон» в переводе с осетинского – «утренняя звезда».

[2] Мæ чызг (осет.) – моя девочка, детка.

[3] Ай у «бычье сердце», аджын у, нæ? (осет.) – Эта называется «бычье сердце», сладкая, да?

[4] Бараки (груз.) – изобилие, баракианат – изобильно, благополучно.

[5] Самшобло (груз.) – родина.

[6] 20 мая 1992 года боевики Гамсахурдиа расстреляли в упор колонну беженцев на дороге через село Зар. В результате нападения погибло 36 человек. Выжил только один мальчик Астемир Малкаров, его мама – 22-летняя Ирина Гаглоева закрыла сына своим телом.

[7] Гулико, от слова «гули» – в переводе с грузинского «сердце».

[8] Суар (осет.) – минеральный источник.

V Совещание молодых писателей Кавказа

Хава Гагаева
Чеченская Республика

Родилась в 1987 году. Окончила школу в селе Ванавара Красноярского края РФ. В настоящее время является студенткой 3-го курса отделения инструментального исполнительства (фортепьяно) Чеченского государственного колледжа искусств. Пишет стихи с пятнадцати лет. Увлекается музыкой в стиле арт-хаус. Любимые поэты: Ахматова, Цветаева, Хлебников, Маяковский, Бродский.

Я тоже раньше была парусом...

***

Хей-хей, закопай свой голос в землю!
Ведь так настойчивы те, кто диктует правила.
Они, по глупой молодости, тоже
и голосили, и мечтали.
Но образумились и закопали,
устыдившись, голоса свои чудесные.
А дерзкие мечты перекроили
в комфортные сидения для унитазов.
Их быт предупредителен,
но их роскошные дома –
на самом деле тюрьмы
для добровольно заточившихся.

***

Я стану домиком
на берегу тихого озера.
Ты можешь навестить его
в любой момент,
чтобы отвлечься
от суетливой повседневности.

Забудь о том,
кем ты являешься.

Пускай кораблики твои плывут.
Бумажные плывут сквозь шторм.
Плывут и достигают цели.

***

Стань парусом,
я стану ветром.
Только...
Не поднимайся вблизи рифов
и скалистых берегов.

Но, что нам смерть?
Ведь мы не знаем смерти.
Я тоже раньше была парусом.
Ты тоже вскоре станешь ветром.

***

Прощай, Алиса, ты стала монстром.
И, без сомнения, однажды
наступишь мне на грудь.
Я не в обиде,
просто
остро
необходимо свежести глотнуть,
минуя эти
круговерти
и наслоения традиционностей
бездумных,
каких-то свадеб,
пиршеств шумных.
Где за идиотическим обилием
предметов быта,
гастрономических излишеств,
кровью, а может, ложью
заработанных банкнот,
тихо смердя,
гниет печаль в душе.
Ничтожная, в своей избитости,
«Мечта о чем-то большем».

***

Вставай, сестра!
Нам нужно выйти затемно.
Пообещать могу одно:
нам век покоя не узнать.

Дарья Шомахова
Кабардино-Балкария

Родилась в 1988 году. Окончила КБГУ им. Х.М. Бербекова по специальности «филолог, преподаватель». Работает корреспондентом на информационном портале sk-news.ru. Участница Совещания молодых писателей Северного Кавказа (Домбай-2010), 11-го Форума молодых писателей России в Липках в 2011 г. Публикации: в «Imago», «Вайнахе», «Литературной Кабардино-Балкарии», Интернет-журнале «Пролог», сборнике «Новые писатели» (Москва, 2011).

Пыль

Рассказ

Дунул легкий ветерок, и силуэт продавца из кондитерской лавки начал осыпаться. Поймав мой удивленный взгляд, он – продавец – виновато улыбнулся.

– У меня лучшие пирожные на побережье, – сказал он.

Приморский поселок, в котором я жила вот уже несколько дней, на первый взгляд казался абсолютно обычным. Да и, в общем-то, на второй и на третий взгляд. Зато на четвертый, пятый (и так далее, пока не собьешься со счета) странности начали выскакивать, как пресловутые черти из пресловутых табакерок. Каждый новый более-менее внимательный взгляд по сторонам выхватывал из реальности крошечные штришки ненормальности.

И вот, стоя в дверях кондитерской лавки, я наблюдала, как продавец начал терять четкие очертания и осыпаться (так и хочется сказать «по краям») разноцветным мерцающим песком.

Я перевела взгляд на пончики, за которыми, собственно, в эту лавку пришла. Вроде бы, самые обычные. Только слегка присыпаны теми же слюдяными песчинками, какие мягкими волнами спадали с плеч, волос и рук кондитера.

До этого я пару раз замечала подобное мерцание – то на сувенирных статуэтках и ракушках, то на пляжных сумках или шлепанцах в многочисленных лавках, разбросанных по побережью, а то и просто на тротуарах в жаркий полдень. Я отмахивалась от этих миражей, старательно и увлеченно выискивая иные странности. Каждый день меняющиеся очертания гостиниц и отелей, точно повторяющие друг друга камешки и ракушки, монеты, ежедневно выбрасываемые на пляж услужливым прибоем мне под ноги, ярко-белое солнце, путешествующее от горизонта до горизонта по одному ему понятной зигзагообразной траектории, черные кошки, прячущие за спиной тонкие темно-серые крылья и украдкой выдыхающие огонь, пока вокруг нет назойливых туристов.

Видимо, теперь слюдяная пыль – так я решила называть мерцающие частички

песка или что там это на самом деле – активно привлекала мое внимание самым простым и очень действенным способом.

Я вспомнила историю Персефоны и не стала покупать пончики, чтобы не остаться в этом странном поселке на неопределенное количество вечности. Возможно, это было бы не так уж и плохо, но думать мне об этом не хотелось. По крайней мере, пока. Все же кондитер не тянет на роль Аида, а застревать абы где из-за кого-то вроде садовника Аскалафа не входило в мои планы.

Кондитер посмотрел на меня с недовольством, но ничего не сказал.

Море волновалось. Сквозь тучи пробивались радужные лучи солнца – игра света в плотно висящей в воздухе слюдяной пыли. Переливающаяся той же слюдой соленая вода и ярко-белая морская пена манили и гипнотизировали, а шум разбивающихся о берег волн казался тихим шелестящим смехом.

Я сидела на песке, прибой изредка окатывал мои стопы пеной. Справа от меня тощая девчушка со смешными хвостиками уже не первый час выкладывала на песке какую-то надпись. Мне было ужасно интересно, что же такого важного она хотела сообщить миру, что так отчаянно боролась с прибоем, то и дело смывающим слишком легкие камни с песка. Наконец, девочка остановилась, наклонила голову вправо, затем влево, оценивая плоды своего творчества, неодобрительно покачала головой и добавила в конце надписи три немаленьких булыжника – многоточие – и как только она умудрилась их поднять? Добавив этот последний штрих, девочка вытерла лоб тыльной стороной ладони и решительно зашагала в сторону оскаленного ржавыми сломанными перилами пирса. Пройдя метров тридцать, она обернулась, махнула мне рукой, мол, можешь идти да читать, что я тут написала, и, крутнувшись на пятке, исчезла в слюдяном сиянии неожиданно сильно пробившегося сквозь тучи солнца.

Конечно, она никуда не исчезла, просто яркий солнечный свет, неожиданно пробивший себе путь сквозь тяжелые тучи, на мгновение ослепил меня. Девочка бежала к пирсу, оставляя на песке четкие следы, тут же слизываемые волнами.

I WANT TO STAY IN LOVE WITH MY SORROW…[1]

Девчушка с хвостиками сидела на самом краю пирса и болтала ногами. Я подошла к ней и села рядом. Она обернулась ко мне и улыбнулась.

– Оставайся с нами! – сказала она.

– С кем – с вами? – спросила я.

Девочка обвела глазами береговую линию, городок, который можно обозреть с пирса полностью и пожала плечами, мол, вот с нами со всеми.

– Но что я буду делать здесь? – тихо промолвила я.

– А что ты будешь делать в любом другом месте? – немного ядовито парировала девочка.

– Не знаю, – призналась я и опустила голову.

– Вот именно! – торжествующе воскликнула девочка. Пошуршав целлофановым пакетом, девочка протянула мне большой спелый персик. Я внимательно посмотрела на него – он переливался слюдяными песчинками. – Оставайся с нами, – повторила она.

Я резко поднялась и, так и не взяв персик из рук девочки, ушла. Могу ли я остаться в этом городке? Волны, накатывавшие на берег, не собирались мне отвечать или что-то советовать, а других претендентов на роль советчика поблизости не было.

Разве что вот рядом со спасательской вышкой стоял сумасшедше красивый темнокожий парень. Не дойдя до него пару шагов, я остановилась. Его идеально черные глаза смотрели на меня с легким укором.

Я немного смутилась – вроде бы, и не сделала ничего дурного, а вдруг почувствовала себя в чем-то виноватой перед ним…

– Тебе непременно нужен Аид, чтобы остаться здесь? – спросил он без всяких вступлений.

– Мне нужен смысл.

– А там, откуда ты приехала, есть смысл? Есть ли смысл в твоей предыдущей жизни? – усмехнулся он.

– Она не предыдущая, она теперешняя, – нахмурилась я.

– Возможно, ты права. Но мне кажется, если ты и вернешься туда, – он неопределенно указал направление, – все будет совсем не так, как раньше.

– И это – повод, чтобы остаться? – я покачала головой.

– А тебе обязательно нужен повод. Хорошо. Тебе ведь хочется быть здесь? Разве это не достаточный повод? – улыбка сверкнула на его темном лице.

Я не стала ничего отвечать, просто улыбнулась в ответ и ушла.

– Четвертый дом от поворота. Ярко-красная крыша. И старая яблоня возле калитки. Приходи, – крикнул он мне вслед.

Я шла не куда-то и не зачем-то. Просто брела, пока не решила, что можно и взглянуть на дом, описанный темнокожим красавцем. Вот только от какого поворота мне начинать считать дома? По пути мне не встретилось ни одной вещи, покрытой переливающейся пылью. Я старательно искала глазами слюдяные песчинки. Их не было. Нигде.

– Будем считать, что мне дали время подумать, – вслух сказала я, обратив на себя удивленные взгляды прохожих. – Ну, или сказали: «Не хочешь, не надо».

В кармане зазвонил мобильный телефон. Я ответила, не глядя на определитель:

– Да…

– Привет.

– Привет, – я пока не поняла, кто это.

– Как идут дела? – все ясно. Сквозь помехи сотовой связи я кое-как разобрала, что звонит сестра.

– В задницу.

– Что-что? – переспросила она.

– Мои дела идут в задницу. Могу и правда описать, как – бодрым шажком и напевая «Вот, новый поворот»...

– Но тебе ведь вовсе не обязательно сопровождать их туда, – засмеялась сестра. – Помаши им ручкой. Пожелай счастливого пути, в конце концов.

– Тоже правда, – вздохнула я. – Поди, не заблудятся.

– Ты скоро вернешься? – спросила она.

– Не знаю. Может, и совсем не…

– Вот и отлично! – в ее голосе была слышна искренняя радость. – В общем, давай, – сказала она и повесила трубку. Меня всегда удивляло, что же такое надо давать собеседнику в конце разговора?

Я посмотрела на свой мобильник. Он радостно переливался слюдой.

– Новый поворот… – пробормотала я. – Вот от него и начну считать дома…

Четвертый дом от выбранного мной поворота оказался счастливым обладателем ярко-красной крыши и яблони, выросшей прямо перед калиткой и почти не дающей возможности пройти внутрь. Я сорвала с ветки еще зеленоватое яблоко и, не стирая слюдяную пленку, откусила кусочек. Я не упала в обморок подобно спящей красавице, небеса не разверзлись и даже не шарахнули меня молнией. Никаких спецэффектов.

– Я остаюсь, – сказала я яблоне. Она кивнула. Или, может быть, это ветер качнул ее… какая разница?

---

[1] Я хочу остаться влюбленной в свою печаль.

V Совещание молодых писателей Кавказа

Алан Рамонов
Северная Осетия-Алания

Родился в 1985 г. в городе Алагир. В 2009 окончил Северо-Кавказский горно-металлургический институт по специальности «металлургические машины и оборудование». В институте вступил в литературный клуб «МИРДЭСТА», в первом сборнике которого была опубликована подборка его стихов. В 2010 был принят в литературное объединение «Чай-клуб». В 2011 принимал участие в 4-ом Совещании молодых писателей республик Северного Кавказа в Цее. Пишет стихи на русском языке.

Напиши

Придумывая ночь,
задумайся однажды
о теплоте, которая внутри
как снег не нависала б на страницы

Придумывая утро,
выбеги ему на встречу –
здесь, в этот миг
оно в тебе не повторится.

Придумывая вечер,
напиши: любовь,
пусть лишь она,
останется тем чувством,
которое в тебе творится снова.

Напиши...

Звезды

как больно
не уснуть
и нет тебя
приходится
выдумывать дела
плестись к заваренному кофе
чтоб
до утра
до воя первых птиц
отгрызть ту часть
которая
не дремлет
не ново ничего
но глаз усиленно глодает потолки
и замечает в этом месте
звезды

Снежинка

хотел рассказать
но скрип каблуков о снег
перерождает мысли
так пусто вокруг
и верится что зима

а между тем
не распутанные клубки белых ниток
жмутся к кровати
ты их пускаешь по снегу
чтоб невозможно
было потом найти

дальше приходит ночь
дальше приходят люди
ты для них лишь снежинка
упавшая на воротник
и
так прекрасно вижу
ворот засыпанный белым
это один человек

V Совещание молодых писателей Кавказа

Сулиман Мусаев
Чеченская Республика

Родился в с. Алхазурово Урус-Мартановского района. Окончил филологический факультет ЧГУ в 1994 году. Редактор отдела прозы литературно-художественного журнала «Вайнах». Публикации – в газетах «Соьлжа», «Даймохк», «Столица+», «Горцы», «Независимая газета», в журналах «Вайнах», «Орга», «Нана», «Дарьял» (Владикавказ), «Литературная Ингушетия» (Назрань), «Луч» (Ижевск), «Минги-Тау» (Нальчик, на балк. яз.), «Урал» (Екатеринбург), «Дружба народов», в сборниках «Молодые писатели Кавказа: параллельные взгляды: поэзия, проза, критика» (М., 2009), «Новые писатели» (М., 2009), «Новые имена» (М., 2010), «Каталог лучших произведений молодых писателей России» (М., 2010), «Нохчийн дийцарш» (2010), «Бег от времени» (Нальчик. 2012), Интернет-издании «Пролог». Автор книги «Брелок» (Москва, 2012).

Участник Совещаний молодых писателей республик Северного Кавказа (Нальчик-2008, Майкоп-2009, Домбай-2010, Цей-2011), VIII–X Форумов молодых писателей России в Липках (2008–2010). Лауреат премии журнала «Вайнах» (2008), «Магистр литературы» в номинации «Малая проза» по итогам Всероссийского Форума молодых литераторов в 2009 году, стипендиат Министерства культуры РФ в номинации «Молодые таланты России. Проза» (2011).

Письмо

Рассказ

Тайбат рассыпала курам корм, когда скрипнула калитка. Поставив алюминиевую чашку на столик под старой яблоней, старушка обернулась, прикрыв глаза от солнца ладонью правой руки. Во двор медленно входила молодая, нарядно одетая женщина. На ней были зеленый костюм-двойка, белые туфли на невысоком каблуке. Распущенные золотистые волосы, небольшая сумочка под цвет волос через плечо.

– Добрый день, бабушка! – остановилась она недалеко от Тайбат.

– С добром да будет твой приход… – неуверенно ответила она на приветствие гостьи. Молодая женщина была ей незнакома.

– Бакарова Тайбат?

– Что?.. Да… Я Тайбат…

– У меня письмо для вас, просили передать, – гостья открыла сумочку и, достав из нее, протянула хозяйке большой белый конверт.

– Письмо? А что за письмо, девушка? Ты не из райсобеса?

– Нет. Моя троюродная сестра вернулась из Бельгии, она привезла, просила передать. Кажется, из Франции, – она взглянула на конверт. – Уже три недели оно у меня, да я все не могла вырваться сюда…

Старуха не слышала ее последних слов. Схватив дрожащими руками письмо, она прижала его к груди. Глаза ее увлажнились.

– Да вознаградит тебя Аллах, дочка, какую хорошую весть ты мне принесла! Письмо, верно, от сына моего, он уже второй год, как уехал за границу…

Старуха словно помолодела лет на десять, лицо ее просветлело.

– Ну, я пойду, – гостья заторопилась. – До свидания…

– Подожди, дочка… И я хороша, забыла пригласить в дом… Пройдем, дочка,

я тебя чаем угощу… Я покажу тебе фотографии сына… – попыталась удержать молодую женщину Тайбат.

– Нет, спасибо, я спешу…

– Дочка, – попросила Тайбат, – прочти мне письмо, пожалуйста… Сама я неграмотная, а в доме больше никого нет…

– Извините, но я, правда, очень спешу…. Последний автобус отсюда уезжает, – она посмотрела на часы, – через семь минут. Мне на остановку надо успеть. Сходите к соседям. До свидания, – гостья торопливо вышла за ворота, оставив в воздухе аромат дорогих духов.

Тайбат присела на низенькую табуретку, что стояла тут же, под старой яблоней.

Она долго сидела, поглаживая письмо и вспоминая сына. Он был у нее единственным ребенком. Несколько лет назад она и не поверила бы, что сын уедет за границу, да он и сам этого не хотел. Сама отправила, не видя другого выхода. Во время «зачисток» его два раза забрали и избили до полусмерти. Вот тогда мать решилась: продали двух коров, выправили документы, и сын уехал вместе со своим другом, Усманом, во Францию.

Тайбат понюхала письмо. Показалось, что письмо пахнет сыном. Долго целовала его. Что, интересно, пишет? Может, возвращается домой? И война чуть поутихла, «зачисток» уже несколько месяцев не проводят. «Надо сходить к Алавди», – встала старушка. Прикрыв калитку снаружи кирпичом, она направилась к соседям. Соседей не оказалось дома, на их дверях висел большой замок. «Что же теперь делать?» – растерялась Тайбат. Пребывать в неведении до самого вечера не было сил.

Она вышла на улицу. В этот знойный полдень улица была пустынна. Через какое-то время она заметила приближающуюся со стороны центра села девушку. «Кажется, это дочь Ахмада… Точно, она… Попрошу прочитать ее…» – обрадовалась Тайбат. Когда девушка приблизилась, старушка остановила ее:

– Живи ты долго, дочка, прочитай-ка бабушке вот это письмо.

Девушка достала из конверта письмо:

– «У… Ув…» Ой, а письмо написано на чеченском… Я не умею читать по-чеченски… – пожав плечами, девушка ушла.

Посмотрев ей вслед, старушка медленно, заложив руки за спину и покачиваясь из стороны в сторону, направилась вдоль улицы, держась тенистой стороны. «И чему их только в школе учат? – думала она. – А еще говорили, что дочь Ахмада окончила в этом году школу с золотой медалью». У ворот перед новым двухэтажным домом из красного кирпича стоял мужчина лет пятидесяти, Косум. Заметив издали Тайбат, он поспешно зашел, закрыв ворота. «Надо же быть таким никчемным, – расстроилась Тайбат. – Зашел, думая, что я иду просить что-нибудь…»

Из-за угла выскочил парнишка лет десяти-одиннадцати.

– Послушай, мальчик…

Однако тот пробежал рядом, бросив:

– Меня папа за сигаретами послал. Сказал, чтобы быстро вернулся.

Тайбат потерянно стояла, озираясь вокруг, как показался Махмуд, пожилой мужчина, живший неподалеку.

– Добрый день, Тайбат, – поздоровался он. – Ты чего это стоишь посреди улицы?

– Добрый день, Махмуд! Как хорошо, что я встретила тебя! – быстро проговорила старуха. – Мне передали сегодня весточку от сына, прочитать некому. Не поможешь? – с надеждой протянула она письмо.

– Письмо? Вот молодец, да продлит Всевышний его годы… Прочитаю, конечно, давай сюда, – он взял сложенный лист бумаги, развернул его и начал читать: – «Уважаемая Тайбат!..» Ммм… Кхм, кхм… – слабо кашлянул он. – Вот незадача, очки я дома оставил, Тайбат. Не разберу почерк. Попроси кого молодого, глаза у меня уже не те, – вернув письмо, Махмуд ушел, часто оборачиваясь.

Тайбат не заметила, как он изменился в лице, начав читать. Обращение «уважаемая Тайбат» очень не понравилось ей, зародило в душе сомнение. Почему это к матери надо обращаться «уважаемая»? А не «дорогая», например. Или «милая»? И по имени он никогда не называл ее, просто «мама». «Наверное, он написал так потому, что пишет из другой страны, – попыталась она себя успокоить. – А вдруг у них там такие порядки?!» Постояв еще минут десять и встретив, наконец, какого-то молодого человека, она обратилась со своей просьбой к нему, хоть он и не был ей знаком.

– «Уважаемая Тайбат! – приступил тот к чтению письма. – Как нам ни тяжело, должны сообщить вам горькую весть, так как кроме нас это сделать некому. Неделю назад, двенадцатого февраля, вашего сына и нашего товарища Адлана не стало – у него остановилось сердце. Мы, как и положено, устроили похороны по нашему обычаю и похоронили его на местном мусульманском кладбище. Его товарищ, Усман, с кем он приехал сюда, во Францию, уехал месяц назад в Америку. Усман уговаривал поехать с ним и Адлана, однако он не захотел, так как думал скоро вернуться домой, в Чечню. Адлан был хорошим человеком и достойным другом. Да упокоит Аллах его душу! Пусть Всевышний даст вам терпения, чтобы вынести этот удар! Если в будущем кто захочет посетить его могилу, сообщаем местонахождение кладбища…» Здесь и адрес записан… – чувствуя себя очень неудобно, словно он как-то был повинен в смерти парня, молодой человек вернул письмо и, пробормотав слова соболезнования, быстро ушел.

Старуха стояла, оглушенная. Потом медленно, шаркающим шагом, направилась в сторону дома. «Мой Адлан… Единственный сын мой… Кровинушка моя… Зачем я тебя пустила в эту Пранцию, будь она неладна… Что мне теперь делать… Как жить… Зачем жить… И на сердце никогда не жаловался… От тоски, наверное, по Родине… Февраль…. Четыре месяца уже…» – по ее щекам текли слезы, из груди вырывались глухие рыдания. Она брела, ничего не замечая, когда услышала резкий звук автомобильного сигнала.

Оглянувшись, она увидела несколько машин с привязанными к ним разноцветными лентами. «Что это они?» – мелькнула мысль.

Высунувшись в окна, водители и пассажиры кричали, размахивая руками:

– Уйди, бабуля, с дороги!

– Оглохла, что ли?!

– Отойди, с невестой едем!

Тайбат посторонилась, и машины, громко сигналя, проскочили мимо. Последняя машина притормозила. В салоне сидели молодые ребята. «И Адлан бы мог быть с ними, будь он дома… будь он жив», – мелькнула мысль.

– Старая, ты чего стоишь посреди дороги? Гаишник, что ли? – хохотнул один.

Ребята были навеселе.

– Она перекрыла дорогу![1] Вах-ха-ха!

– Аслан, заплати ей!

– Вот возьми, у меня всего червонец остался!

– Ха-ха-ха!

Старушка подошла ближе, утирая уголком платка глаза:

– У меня сын помер. В Пранции. Единственный был сын…

Однако ее никто не слушал. Автомобиль рванул с места, поднимая клубы пыли. Шум ее скоро утих. Пыль стояла долго. В ней можно была различить лишь сгорбленную фигурку медленно бредущей, заложив руки за спину, бабушки. Потом исчезла и она…

Перевод с чеченского автора.

[1]На чеченских свадьбах дети перекрывают дорогу свадебной процессии, чтобы получить символический выкуп за невесту.

V Совещание молодых писателей Кавказа

Жанна Аппаева
Кабардино-Балкария

Родилась в 1990 году в селе Бабугент КБР. Окончила Кабардино-Балкарский государственный университет, факультет культуры и СМИ, отделение декоративно-прикладного искусства, по специальности «художественный металл». Работает по основной специальности, пишет стихи на родном (балкарском) и русском языках. Публиковалась в газетах и журналах республики, а также в «Литературной России». В 2011 году вышел сборник стихов молодых балкарских поэтов, в который вошли ее произведения. Неоднократная участница северокавказских литературных совещаний.

Я в раздумьях

Пестрый (желтый) ястреб
забрал, унес
Со двора цыпленка
(детеныша курицы),
Квочка забилась в панике.

Кто-то клятвенно пообещал
Пристрелить ястреба.
А он быстро взмыл в воздух
И исчез в глубоком ущелье.

Меня озадачило это действо:
Зло и добро тесно граничат …
Он унес детеныша курицы,
Чтобы своих голодных
птенцов накормить…

***

Это стихотворение начну
С одной очень старой истории:
Сгорела когда-то одна княгиня,
Со словами:

«Пусть придет раб
И вытащит мою голову из огня».
А могла бы сама выбраться,
Была молодая возрастом.
Сгорела в огне,
И пыли от нее не осталось.
Высокомерие и лень
обратились для нее
Последним сном (сном смерти).

Я не противоречу тому,
Что человек должен любить себя.
Но любовь эта как
Огонь, сжигающий изнутри.

***

Железо ведь тоже можно согнуть,
Подчинив и придав
ему форму желаемую.
Разве странно,
что сгибается и человек
От тягот, преподносимых жизнью…

***

Для сбившегося с пути –
обратная дорога
непреодолима
Тот, кто был нечестен,
осознает цену правды.
Но волны разбушевавшиеся будут накрывать его с головой
Зло не даст отыскать берег этой реки.

Алексей Козловцев
Кабардино-Балкария

Родился в 1979 году. Окончил КБГУ им. Х.М. Бербекова по специальности «учитель начальных классов», участник Совещаний молодых писателей Северного Кавказа (Домбай-2010, Цей-2011), 10 и 11 Форумов молодых писателей России (Липки), сетевых конкурсов. Публикации: в журналах «Вайнах», «Октябрь», сборниках по итогам совещаний и форумов, в сетевых изданиях.

Самолет

Рассказ

И кто знает, каким ветром нас смело в этот город? Нас – это меня; Светку, любимую нашу звездочку; Сашку – чокнутого профессора; Женьку – барыгу и упрямого металлюгу Игоря.

Мы столкнулись неожиданно, на вокзале, среди шума зеленых разбегающихся поездов, носильщиков, ментов и их тощих собак, бомжей, торговок с пушистыми пузатыми персиками и еще кучи разномастного народу, пытающейся хорошо промариноваться в вагонах по дороге к морю.

Первым я встретил Сашку – узнал я его сразу, меняться он так и не захотел, только лицо будто подтаяло, и напоминал он больше не профессора, а хитрого колдуна из малобюджетного ужастика. Такого, который не может выжить без трона из черепов младенцев и других столь же бесполезных, но важных вещей. Пока мы избавлялись от облезлых сумок, пока восклицали, обнимались, засыпали друг друга вопросами, совсем не слушая ответов, к нам подошла Светка. Точнее, к нам подошла высокая девица в миниюбочке, развязная, со стальным блеском в глазах, который бывает или только у очень целеустремленных людей или у бывших убийц. Подошла, чмокнула нас обоих розовой помадой в щеки, и мы одновременно оглушили ее:

– Светка!

Светка потерла ухо, полезла обниматься, прижимаясь грудью и снова засыпая нас вопросами – в этот раз томно-радостным голосом.

Женька подкрался сзади и подмигнул нам. Пока мы разбирались в сумках, воспоминаниях и приветствиях, нас с вокзала попросили – довольно грубо и бесцеремонно, предварительно обнюхав документы и обшмонав. Женька попытался возмутиться, но Светка уволокла его на площадь, пока я, обвешанный сумками, придерживал тяжеленную облезлую дверь; попутно в голос прокомментировав, что спорить с этими дуболомами – это как объяснять баранам квантовую механику. Сашка тут же влез с идеей попробовать-таки объяснить хоть одному барану азы квантовой механики, ведь, по его разумению, понять ее способен даже баран при должном объяснении; но настырные таксисты, уныло заблеявшие вокруг, не дали ему закончить.

Мы распрощались – до вечера, когда можно будет встретиться спокойно, без сжигающего кожу липкого солнечного угара, без лишних людей и без осточертевших сумок, натирающих ладони колючими ручками. И где мы могли встретиться? Ну конечно же на старом месте – на самолете.

Самолет стоял на одной из центральных площадей в детском городке уже лет пятьдесят – я смутно помню рассказы бабушки, как везли его по перекрытому проспекту имени – конечно же – Ленина Владимира Ильича; а народ толпился на тротуарах, так и не определившись, сам ли этот самолет добрался до

своей последней стоянки или привезли его уже, можно сказать, мертвым и теперь тащили, чтобы окончательно, навсегда пришпилить к земле. Внутри него организовали поначалу кинотеатр с неизменными «Самогонщиками» и «Ералашем» на изжелта-белом экране, а потом просто склад разного, но абсолютно неинтересного ни для нас, детей, ни для взрослых, барахла. Дети забирались на крылья, заглядывали в иллюминаторы, пробовали крутить неподвижные черные, с острыми краями, ромашки турбин. И только они понимали своим детским, смутным чутьем, что самолет этот стопроцентно никогда больше не взлетит.

Немного позже появились мы. Все пятеро мы жили в одном странном доме, называемом «зоной» – не из-за тюремных нравов во дворе – хотя их хватало, а из-за гигантского желтого трилистника радиационной угрозы ростом в три этажа, кем-то однажды намалеванного на боковой стене. Но это уже совсем другая история.

Из «зоны», окончив школу и не закончив универ, мы разбежались. Сашка перевелся в места, где знания еще стоили немного дороже денег, Женька попросту бросил все и укатил искать свое Эльдорадо в края, о которых не слышали его родные. Мать Игоря умерла как-то внезапно, избавившись от привычки топить в водке пустоту, Игорь сдал ее квартиру каким-то мутным, но регулярно платящим человечкам, а сам перебрался на рокерскую вписку, потом к подружке, потом обратно… А потом мы со Светкой закончили наконец-то пятый, томительно-бесполезный курс, и я уехал, а Светка осталась жить в доме с желтым трилистником.

Крыло самолета было машиной времени. Каждая заклепка – год. А может, месяц – я сбился, а считать заново не имело больше смысла. Было все как раньше – только чуть больше огней и чуть меньше деревьев на улицах, синий кристалл на вершине Федеральной Службы Беспредела стал зеркально-белым, и в нем отражалась тень прогуливающегося по крыше снайпера. Туда-сюда, туда-сюда… Рядом сидела Светка, закинув ногу на ногу, потягивая шипящую от не проходящей даже по ночам жары колу. По проспекту, уходя на взлет, на форсаже проносились редкие машины. Поскрипывала искореженная железная карусель, и с гор ползли длинные когти облаков. Потом появился – не перемахнув одним прыжком через забор, по старинке, а через калитку – Женька с пакетом, вскарабкался к нам, водрузил на подстеленную газету раскачивающийся полосатый шар арбуза. Сашка вышел из темноты тихо, словно на самом деле был колдуном, успевая к моменту, когда арбуз, нерешительно до этого хрустевший, вдруг лопается под напором лезвия, и сок течет по алюминию и капает на пыльный асфальт, сбиваясь темными подвижными шариками.

Вооружившись пластиковыми ножичками, мы с кровожадными ухмылками растащили куски арбуза, поняв внезапно, что больше никто не присоединится к нам.

– А Игоря ждем? – спросил Сашка.

– Не придет он, – Светка сказала тихо. – Убили его. Год назад еще. Говорила ему, что хаос массам не нужен, только упрямый он…

Игорь всегда был безрассуден. Это он в девять лет решил поджечь свалку промасленной ветоши на задах станкостроительного завода. Просто чтобы посмотреть, что же выйдет. А вышел большой пожар с угрожающими клубами дыма, падающей липкой копотью, воем сирен и руганью заводских полупьяных рабочих.

Еще Игорь обматерил в желтый, хриплый отцовский мегафон приехавшего к нам президента, только президент, будучи не слишком трезвым, на это не обратил абсолютно никакого внимания, чем нас сильно расстроил.

Я промолчу об облавной охоте на котов ради сбора коллекции кошачьих усов или запуска ракеты с устрашающим названием «Пират-18» (ракеты с номерами от первого до семнадцатого взрывались на старте), которая почти вышла на орбиту, но потом почему-то приземлилась прямо в центр автостоянки, или… Всего и не упомнишь уже.

– Какой хаос? – Женька сник и до арбуза не добрался, крутя в руках красную скибку с зеленой каймой, из которой вывалилось семечко, и щелкнул по дюралю.

– Да взялся он граффити ваххабские зарисовывать. Ну эти там, с полумесяцами и призывами всякими. А рисовал хаотики, то бафометов, то и вовсе серп с молотом, еще хихикал по утрам, мол, хаос в массы несу. Везло ему – пару раз смылся от каких-то типов, на такси полгорода плутал, следы путал…

– Так его эти… – Сашка запнулся, – ну, боевики, что ли, убили-то?

– А кто знает? Попал в перестрелку – у нас тут каждую ночь взрывы да перестрелки, только кто, да кого, да почему – никто знать не знает, – зло отозвалась Светка. – Попал вот, в больницу его увезли, родных – никого, по телефону меня нашли, приехала. А врачи чего-то все куролесят, то можно пули извлечь, то нельзя… Вот и тянули сутки почти… И все…

– Да что его – в другую больницу отвезти нельзя было? Да нашли б мы денег, – Женька вдруг засуетился, полез за телефоном, словно собрался звонить кому-то, искать врача, договариваться и предлагать, но потом отключил телефон и спрятал обратно в кожаную барсетку и заткнул себе рот арбузом.

– Если бы. Кто ж знал, чья там пуля – ментовская или ваххабская, вот и парили мозги, – Светка отмахнулась в сторону, где над Белым домом возвышались часы, только что глухо отбившие полночь. Отмахнулась, выбрасывая в жухлую траву арбузную корку, часы, Белый дом и все, что в нем было.

Все молчали. Будь у нас выпивка, выпили бы за Игоря, но выпивки не было, и для нас родной город стал вдруг все таким же безразлично-привычным, безразлично-опасным и привычно-обреченным, как и для Светки.

Вспомнилась щемяще-грустная, словно слизанная из третьесортной бразильской мыльной оперы, история – Игорь влюбился. Влюбился в надменно-глупую с крашеными в иссиня-черный волосами девицу с тонкими губами, ту самую, которой подарили «Мазду» на выпускной. О том, что она не для него – и даже не потому, что дочка депутата, вряд ли нуждалась в сыне алкоголички-одиночки – он не хотел слушать. Вечера, когда мы пытались хоть как-то вернуть его безвозвратно уехавшую крышу на место, нас утомляли, мы выли по ночам на луну – да, да – просто так. И это расслабляло. И кто знает, чем бы закончилась вся история, если бы девица с подругами не улетели с проспекта имени Ленина Владимира Ильича на новой «Мазде», сделавшей тройное сальто, окончившееся тремя трупами. Игорь пришел на похороны, откуда был попросту выброшен, в буквальном смысле – за шиворот и через забор – охранниками папаши-депутата. Но вовсе не эта драматическая, но банальная история вспомнилась мне, а фраза, сказанная Игорем на крыше пятиэтажной «зоны». Мы сидели на раскаленной уже убежавшим за грань солнцем рулоне забытого строителями рубероида, и Игорь мусолил в обветренных губах погасшую папиросу.

– Ты же не вернешься, я знаю.

– Почему? – спросил я, не «въезжая» еще, откуда и почему я не должен был возвращаться, но потом вдруг понял и задумался – ведь тогда все переезды и бегства были для меня – пока – слишком призрачными.

– Потому что тот, кто уехал отсюда, никогда уже не вернется. По доброй воле не вернется. А я просто не вернусь.

Вспоминая странную эту фразу, мы довольно долго опасались, как бы не сиганул незадачливый Ромео с крыши или не нанюхался украденных из Сашкиной кладовки реактивов. Но забылась очень скоро и тонкогубая девица, и наглая морда ее папаши, и куча всего забылась. Только пять этих слов, сказанных тихо и обреченно, не забывались. «А я просто не вернусь».

Часы отгудели четверть первого, потянуло с гор свежестью, вдруг где-то ухнуло, завыли вдали автомобильные сигналки, замолкли, и ничего более не произошло. Мы продолжали похрустывать арбузом, сплевывая на крыло самолета семечки, но очень скоро зелено-полосатый шар превратился в дольку, такую же, как выползающая из-за домов луна, и Светка оборвала тишину:

– Хватит ментов разводить, и так от них деваться некуда. Ты как? – обратилась она непонятно к кому, и первым не выдержал Женька.

Женьку звали барыгой по очевидной причине – он всегда что-то продавал. Его бизнес начинался с торговли оружием в начальной школе. Оружие ему поставлял дед, который, имея лишь три пальца на одной руке и четыре – на другой, умудрялся превращать – с помощью ножа, пилы и рубанка – старые стулья, кресла и ящики в шедевры оружейного дела любой эпохи. Меч ли, бластер – для него это было всего лишь двадцать минут, а для Женьки – один «лазер», три «турбы» или пять «финалов». У меня где-то до сих пор хранится пачка этой абсолютно свободно конвертируемой детской валюты.

Завязав с оружейным бизнесом – Женька стал пятиклассником и торговать подобной ерундой было не солидно, – он принялся развивать свою империю в сферу высоких технологий. Стопки дискет с «Принцем Персии», «Вольфенштейном» и «Думом» превосходно выполняли любые домашние задания, а из-за одного очень короткого, но и очень полезного файла клиенты к Женьке возвращались. Возвращались регулярно – каждые две недели.

К универу у него сложился хоть и не совсем законный, но довольно неплохой бизнес по сбыту «прихватизированных» из лаборантских курсовых работ десятилетней давности; ксерокопий лекций, написанных не для специалистов по шифрованию, а для простых раздолбаев – чаще всего округлым девчоночьим почерком с цветными заголовками и пометками на полях. Ну, и как приятное дополнение – списки телефонов и адресов специалистов широкого профиля – по девочкам, травке, автотюнингу и компьютерному железу. И все это – за самые настоящие деньги.

Женька не изменился и сейчас:

– Да вот, приторговываю, – ответил он Светке нахально-сладким коммивояжерским тоном.

– Героином и стволами? – съязвил Сашка, при слове «стволы» Светка напряглась.

– Да не, бытовой техникой в гипермаркете, – Женька был разочарован. – Уже начальник отдела, учусь на супервайзера. Хотя героин и стволы – это было бы гораздо, гораздо интереснее. И прибыльнее.

– На кого учишься? – хмыкнула, будто подавившись арбузным соком, девушка.

– Долго объяснять. Особенно тебе, – хихикнул он в ответ, зная зародившееся еще в школе отвращение Светки к всевозможным супермаркетам, сферам услуг и прочим «важным работам», на которых маловменяемый клиент почему-то оказывается правым. – Всегда правым. Женился, вот детей собираюсь… Собираемся…– не определившись, продолжил он.

– Ну ты даешь! – воскликнули мы трое разом.

– Ага! Даю. Но только за деньги и только товар, – Светка напряглась в ожидании очередного подкола, но Женька то ли понял, то ли просто не воспользовался возможностью.

– И как оно?

– Нормально. Повезло, можно сказать. Тетка у меня квартиру продала, да и у жены родители ничего. Ну, в смысле ничего так. Ну, в газовом секторе работают. Так что мы теперь почти москвичи.

– Почему «почти»?

– А не включат наш колхоз, в котором одни высотки растут, в границы. Пытались там что-то, но так и не сделали.

– Везунчик ты! – завистливо цыкнула Светка, и Саня едва заметно кивнул головой

– Да ну вас, – Женька запустил через самолет отрезанную от арбуза «крышку». – Было б чему. Подъем в пять, отбой в час, в дороге по два часа, пробки, машины, гаражи… Жена пилит – то денег мало, то я дома редко бываю. Но куда уже денешься. Работать надо. Я ж теперь семейный, – выпятив несуществующее пузо, пафосно резюмировал Женька. – Хотя… Иногда думаю, что зря. Очень

зря. Но жить-то надо. Вот с детями… – тут он смутился и принялся сбивать арбузные семечки с тусклого теплого алюминия.

Вспомнить о Женьке мне было особо нечего. Да, у него первым из нас появился компьютер, первым – мобильник, первым – девушка, первым… Да он почти во всем был первым. Мы ему завидовали, иногда. А кто в здравом уме будет завидовать первому выбитому зубу или сломанному носу – а ведь и тут Женька умудрился нас опередить. Надо сказать, у Женьки была одна слабость – он по недоступным для всех нас причинам любил заниматься сводничеством. То ли потому, что жалел – у него всегда хватало связей и денег, чтобы найти хоть какую-то подружку, то ли из тщательно скрываемой романтичности и доброты, но знакомить всех нас, включая Светку, с девушками – и только с девушками, он обожал. Только знакомства эти были порой странны. Именно он познакомил Светку с особой, надо сказать, весьма неприятной, якшающейся с мелкими бандитами и черт еще знает кем. Но все обошлось. Сашке все время доставались вульгарные развязные девки – Женька упрямо считал, что они и только они смогут спасти его от рассудительности, одиночества и дальнейшего превращения в робота с интегрированным в череп Пентиумом. Но Сашке были неинтересны девки, девкам – Сашка, и только Женька все больше распалялся, подыскивая новую, каждый раз все более неподходящую кандидатуру.

Меня он познакомил с высокой наивной губастой девицей по имени Лена, девица она была интересная, только нездорово скромная и, по своей скромности, не вылезала из брюк, длинных, подметающих тротуар, юбок и закрытых кофт. Меня это раздражало, да и какому подростку понравятся постоянные насмешки вроде «как там твоя монашка»? Претензии эти я ей высказал, она, в свою очередь, высказала мне – не помню уже, что, и, слово за слово, мы разругались в пух и прах. Тут-то и начались основные неприятности – я влюбился уже после нашего расставания. Это сейчас все занимает полсекунды – лицо, слова, голос, пасьянсы, Женьку, психиатра, клинику – мелькнули фото на перевернутой странице – и все. Тогда же Леночка обошлась мне в месяц психиатрической клиники, годовую депрессию и испорченные вконец отношения с родными, а чуть позже – в навсегда выработавшийся иммунитет от несчастной любви. И именно за это я был благодарен Женьке. За знакомство-прививку, которое спасло меня в… Но это тоже совершенно другая история. Вдруг воспоминания вырвались – самовольно и нагло, и я спросил:

– Лену видел?

– Кажется, да, – неуверенно ответил Женька. – Пару лет назад, в Ростове. А что?

– Да так, вспомнилось, – отмазался я.

– Она про тебя не спрашивала.

– Ну и что? – мне было безразлично, остался ли я в ее памяти в виде трусоватого подростка или в старой записной книжке – в виде шестизначного номера, хотелось только услышать, что она здорова и живет где-то далеко от пыльного самолета и бродящего по крыше снайпера.

– Говорят, вышла замуж за крупного бизнесмена…

– Все равно, – я закашлялся, и Женька тут же перевел стрелки на меня:

– Ты-то как?

– А никак, – именно это «никак» было самым точным словом, характеризующим мое нынешнее положение. Вспомнилась обветшалая больница – декорация к «ужастику», в которую я попал, не поделив собственные деньги с какой-то приблудной шпаной; провалялся в ней неделю, получив разыгрывающуюся перед полнолунием мигрень и боль в сломанных пальцах, предсказывающую еще не пришедший холод. Вспомнил работу, начальство, каких-то сотрудников, клиентов, левых непонятных людей. И все эти воспоминания мне не нравились. Вспомнил торчащую на пустыре «зону», наши совместные посиделки на крыше с гитарой, бутылкой подкрашенной домашним Игоревским вином воды; вспомнил, как исчезала десяток лет назад подсердечная больная тоска, заслышав протяжный вой на восходящую луну, вой, который можно считать песней.

Все это поместилось в десяток мало связанных между собой слов, под конец превратившихся в тревожный, первобытный звук. Он спугнул дремавших под забором собачонок, заставил на миг замереть снайпера и согнал налетевшую на луну тучку. Четверо вроде бы взрослых придурков подвывали на бледный небесный серп, словно собираясь перекинуться в волков или зверей похуже и пострашнее. Только никто не рассмеялся привычно в конце, и снова вернулась тишина. Арбуз закончился, только редкие капли сока срывались с кромки самолетного крыла и беззвучно исчезали в траве.

– А ты все снимаешься? – спросил я Светку.

– А куда я денусь? Я похожа на дуру? Буду я за пять штук горбатиться в супермаркете по четырнадцать часов?

– Но…

– Есть пара подружек, приятное общение, – она хихикнула.

Светка была развратной и умной. Может быть, потому, что воспитывали ее тетка с двоюродным братом – оба закоренелые девственники, или потому, что многие умные женщины развратны. Только при всем этом, как и многие другие умные женщины, Светка была недоступной. К одиннадцатому классу ее называли «Светка, которая гуляет сама по себе». Некоторые пытались называть ее по-другому, только карате и кастет, даже при наличии мини-юбки и декольте, оставались карате и кастетом. Устав от парней, даже по большей части не от них самих, а от свойственной парням тупости, Светка, потратив пару месяцев, несколько марок, пару листов бумаги и обгрызенный карандаш, завела себе подружек. Они очень скоро стали Светкиными врагами, оказавшись назойливыми мелкими пакостницами. Вскоре они запутались в собственного сочинения слухах, и выказывали Светке внимание лишь в нецензурных комментариях в Интернете или полуночных молчаливых звонках. Мы для нее были друзьями.

Первая купленная Светкой видеокамера – старая, с исцарапанным объективом, с хрустом жующая кассеты – изменила не только взгляд Светки на женщин и мужчин, но и всех нас. Светка всегда любила смотреть на экран и в зеркала – ее комната напоминала скорее калейдоскоп, чем комнату. И она не могла не пожелать посмотреть на себя – не одну, конечно – из телевизора. Поначалу мы снимались ради смеха, потом ради экспериментов, потом по инерции. А потом появился Интернет. Светка делилась видео – ради смеха, ради экспериментов, а потом ей предложили деньги. Тыщу рублей за час. Каждой девушке, на которую этот час будет смотреть камера. Парней же, как обычно, обделили. И Светка, которая с самой школы считала, что, работая, можно лишь выжить, но никак не разбогатеть – потому что для этого надо заняться чем-то другим, приняла сделанное ей предложение с азартно-холодным спокойствием.

Через годик Светкины ролики стали популярнее, камера – меньше и навороченнее, идеи – разнообразнее, белье – дороже, а подружки – те, кто не разъехался, не разбежался – преданнее. Тратить деньги в нашем городе было особо некуда, да и не такой была Светка. Счет в банке – вот что всегда, с самой темы «проценты» в учебнике математики, занимало ее. И теперь счет у нее был.

Мне от Светки достались несколько не очень пристойных фото, немножко событий, о которых лет через пятьдесят будет приятно вспомнить и стыдно рассказать, и капля обреченного упрямства. Это упрямство, наверное, знакомо защитникам осажденной крепости, в которой закончились припасы, или солдату, загоняющему в обойму последний патрон. Знакомо было оно и Светке, упрямо не желающей никуда уезжать, ненавидящей просаживать молодость среди нагромождений пестрых прилавков или лабиринтов дешевых столов. Светке, мечтающей здесь, в глухой провинции, выкарабкаться, прорваться наверх и заняться «чем-то другим», наполняющим смыслом монотонную Светкину жизнь. Многочисленные нравоучители так и не смогли предложить ничего взамен, кроме все тех же работ, семей и детей. Все той же бессмысленной траты жизни.

Светка не старалась скрывать своих, агрессивно не одобряемых местными, интересов; не признавала возражений – ни робких, ни угрожающих. И я завидовал ей, бесконечному ее обреченному злому движению вперед, с которым она, просыпаясь утром, с уверенностью бульдозера рвалась к безумной – по мнению окружающих – свободе, свободе сбросить провинциальную липкую тяжесть и не отвлекаться на обывательщину.

А еще Светка украла у меня ревность.

– А потом что? – оборвал мои мысли Сашка.

– Когда потом? Или любимый вопрос – когда постарею, пострашнею и помру? Буду снимать некропорно! – Светка была самоуверенна. – Всегда мечтала быть рантье. Сейчас у меня…– задумалась она на миг, – почти четыреста тысяч. Миллион дает восемь тысяч дохода в месяц и пусть супермаркеты и офисы идут в задницу!

– Жить на восемь штук? – вытаращил глаза Женька.

– Да радуйся, если тебе тут восемь штук платят, если ты не… Короче, если ты не совсем местный..

– Мне и пятидесяти не хватает.

– Здесь не Москва. С пятьюдесятью я была бы олигархом. Только не надо думать, что я всегда и со всеми,– грозно добавила Светка то ли Женьке, то ли по привычке. – У меня своя атмосфера. А вот ты чего молчишь? – ткнула она Сашку в бок пальцем, он подпрыгнул, ударил рукой по дюралю и самолет загудел.

– А что сказать? Не вышло у меня с евроаспирантурой. Сижу в богом забытом НИИ, леплю что-то из хлама, на которым еще Ландау с Эйнштейном игрались.

– Так, вроде, на науку у нас выделяют… – Женька не закончил.

– На распил выделяют, на науку – нет. У меня знакомый есть, так у него дома лаба такая, что наш институт застрелился бы. И не раз застрелился.

С этим знакомым – одним из ученых-фриков, – Сашка меня познакомил. Его оборудования и приборов в самом деле хватило бы на десяток провинциальных вузов.

– Он только на свои игрушки в месяц по десятку тыщ баксов тратит, – завистливо продолжал Сашка. А нам на весь инст дали столько. На год. На три отдела.

Если кто-то из присутствующих и был в тот момент несчастен, то это был Саня. Я легко его понимал – потратить столько лет на расшифровку формул в многотомниках теоретической физики и в итоге остаться с кучей допотопного ржавого хлама… Он был одним из романтиков, тех самых неприспособленных для так называемой «реальной жизни» романтиков, которых гораздо больше волнуют вопросы анализа элементарных частиц с неизвестными мне названиями, нежели дележка денег на анализатор этих частиц. Но частицы были нужны лишь ему. А деньги – всем.

Сашка интересовался наукой с первых школьных дней, выучив учебники химии к четвертому классу, а физики – к пятому. Эксперименты его зачастую были, скромно говоря, оригинальны, как может быть оригинальным готовка иприта в скороварке или зажаривание соседского радиоприемника микроволновой пушкой. К счастью для соседей и нас и к величайшему сожалению Саньки, они чаще всего завершались полным крахом из-за недостатка деталей, реактивов, знаний и денег и порой – всего этого вместе. Хотя то, что получалось – получалось превосходно. Термометр – Сашкин подарок к окончанию девятого класса, который помимо температуры умеет измерять время, давление, фазы луны и еще черт знает что, чем я так и не воспользовался, – до сих пор висит в моей комнате.

Через неделю после универских приемных экзаменов Сашка получил ключи от лабораторий, подвала и складов, получил совершенно легально – в обмен на материалы для диссертаций, журналов и прочей писанины. Только вот очень скоро одинаковые, соответствующие лишь фантазиям очередного

недоделанного доктора наук, колонки цифр разочаровали его. В свободное от цифири время он смог наладить все, что было в лабораториях – даже приборы, о которых за полвека никто уже и не помнил. И за это лишился тех самых ключей, после чего затаил обиду на деканат. Мстил он по-мелкому и редко, скорее, чтобы его не забыли, чем из разрушительных злобных желаний – подпускал вирусы в компьютерную сеть, переключал провода в электрощитке, решал контрольные и раздавал их даром, из-за чего пару раз ругался с Женькой и, наконец, организовал радиотрансляцию всех билетов на госэкзамене. Но комиссия внезапно поумневшим двоечникам не удивилась, чем еще больше разочаровала так и не оцененного по своим столь разнообразным достоинствам Саню. Обидевшись окончательно, он пригрозил нам, а также декану и завкафедрой, что пусть не нобелевку, но хоть какую-то премию он получит, и уехал в Москву.

Уже тогда шестое – или какое оно по счету – чувство шептало мне, что идея Сашки скверна и закончится она стандартно для Сашки – то есть неудачно.

– Не вышло из меня Монте-Кристо, – печально резюмировал мои воспоминания Санька.

– Было б чему расстраиваться, – Светка участливо вздохнула. – Ни из кого у нас ничего не вышло. Из меня вот Саши Грей, из Женьки – оружейного барона, из Игоря – Че Гевары, а из тебя, – обратилась она ко мне,– из тебя-то что вышло?

– Я.

– И все?

– Да. Когда-то я хотел править миром, – последнее слово я договорил под веселый гогот.

– А теперь?

– А теперь понял, что это скучно. И решил стать собой.

– Эй, вы там! Да, там, на самолете, а ну живо сюда, – вдруг гаркнул кто-то в тени.

– Сюда идите, – поддержал второй, хриплый, голос.

Голоса эти оказались голосами людей в пропыленной мышастой форме с красными «корочками», которые долго выясняли, кто мы, зачем и почему, ругали нас и запачканные о потеки арбузного сока штанины; потом обшарили карманы, сумки и паспорта, не поверили, что Светка живет в этом городе, и собрались было тащить нас «на выяснение личности и цели пребывания». Но третий, так же неожиданно вылепившийся из тьмы, в чистой форме и с ярко-красной «корочкой», помучив нас вопросами еще с полчаса, раздосадованно приказал убираться по нецензурному адресу.

Больше мы не встречались. Не сводили нас поезда, автобусы и даже телефонные звонки. Знал я только, что Женька по-прежнему жил в Москве, занимаясь своими микроволновками, пылесосами, миксерами и ребенком; Саня спился и ушел в дворники, а Светка все-таки собрала свой миллион, но не смогла остановиться и теперь занималась вторым.

А самолет на следующее лето распилили на металлолом – он, дескать, был слишком опасен для маленьких детей. Светка говорила, что забрала кусочек крыла, только мне это было уже неинтересно. Как неинтересно и приезжать, чтобы взглянуть на выжженную солнечным напалмом площадь, на которой нет ничего, кроме охраны и пыли.

Елена Милосердова
Кабардино-Балкария

Родилась в 1989 году. Живет в КБР. Студентка 5 курса факультета искусств и СМИ КБГУ. Художник по текстилю. Участница Международного женского фестиваля в Турции Фемин и АРТ «От природы к искусству». Пишет стихи. Участница 4 совещания молодых писателей республик Северного Кавказа в Северной Осетии-Алании.

Окись хрома

Разбежаться бы,
да с обрыва в пропасть,
Чтоб никто не увидел,
Чтобы никто не вспомнил,
Чтобы родители не плакали только,
И ты не плакал...
Не слонялся по тихим улочкам
И по нашим холмам...
Нет, ты бы не стал,
Ты бы ходил на работу,
играл в контр-страйк,
Только бы не сорваться,
Только б не вспоминать...

Мне бы хватило всего лишь взгляда,
Только бы не падать духом,
Не падать в пропасть,
Только б закупорить эту морось,
Не чувствовать, как все гложет,
Как, растворяясь во мне,
обретает цвет
Окись хрома.

Настроение «груз 200»

не сесть в лужу,
не надломить пальцы,
не прыгнуть под поезд,
или в окно
снова,
туда, где ты,
где все решено…
учишь летать меня,
мечтать,
уметь держать слово,
дистанцию
просто держаться...
в воздухе,
в толпе,
еще много где...
повиснув на волоске.
не спотыкаться,
не падать,
просто уметь стоять
и выстоять
в этом воздухе,
в этом море пафоса,
ханжества,
жестокости,
лести,
просто стрельбы.
хуже лишь «груз 200»

Время

Оно все быстрей и быстрей
устремляется ввысь,
туда, где проступают морщины
из-под бровей.
У моей мамы было двое детей
в 23,
а я до сих пор сижу
в Интернете,
как и в пятнадцать лет,
до 4 утра,
не написав ни черта.

V Совещание молодых писателей Кавказа

Айгюн Мамедова
Республика Дагестан

Родилась в г. Дербент (Дагестан) в 1992 году. Студентка 4 курса филологического факультета ДГУ. Ее рассказы и эссе публиковались в газетах «Дербентские новости», «Настоящее время», «Горцы», «Махачкалинские известия».

Платок

Рассказ

Старик ходил из комнаты в комнату, едва передвигая ногами. Но вот он вдруг остановился, долго вглядываясь в заинтересовавшую его вещь. Слегка наклонившись, дрожащей рукой коснулся предмета. Это был цветной пакет. Он выделялся из груды сваленных на стол вещей. Пакет зашуршал под нажимом его пальцев. Он сделал усилие, взял его в руки, затем повернулся и продолжил путь, на время забыв о том, что держит в руках.

– Папа! – услышал старик за спиной, но продолжал идти. «Это она мне?» – мелькнуло у него. – Зачем тебе пакет, а? – в голосе дочери он почувствовал нотки недоумения и нетерпения.

Да, он доводил всех порой своими непонятными выходками. Она уставилась на него, пытаясь найти ответ на волновавший ее вопрос, но глаза старика, небольшие, светло-карие, неподвижные, молчали. Приоткрытый рот его создавал впечатление, будто он хочет что-то спросить. Движения – очень медленные и неуверенные – выдавали его возраст, а хриплый голос и нечеткий выговор были проблемой для домочадцев: его никто не мог понять.

– Надо… яйца положить, – прохрипел он ей в ответ.

– Что? – спросила она, не разобрав ни слова.

– Яйца… положить яйца… – сказал он, глядя почему-то на ее руки, так похожие на его собственные, а не ей в глаза. Она подошла ближе.

– Что? Я ничего не разберу из сказанного, – крикнула она, будто разговаривала с глухим. «Я не глухой», – мелькнуло у него. Он хотел было сказать это, чтоб она не так громко отвечала ему, но в этот момент в комнату впорхнула девушка лет семнадцати и подошла к полкам с книгами, напевая песню и не упуская из виду деда и свою маму.

– Надо положить… яйца… – прошептал он.

– Что?..

– Яйца, он сказал что-то про яйца, – перебив женщину, выпалила девочка.

«Наконец-то!» – восторжествовал про себя старик.

– Какие яйца? Что за яйца? Ничего не пойму… – в недоумении ответила женщина, забрав пакет. Старик глянул на потолок в знак нетерпения и облизнул губы. Объяснить еще и это у него просто не было сил.

– Может, он думает, что мы в селе, и готовит нас к отъезду? Как бы хочет дать нам яйца «домой», – предположила девочка.

Раньше, когда была жива еще бабушка, они часто приезжали в село. Оно находилось не так далеко от города, правда, транспорт туда не заезжал, а останавливался посреди дороги, поэтому до дома им приходилось идти пешком по акациевой аллее мимо построенных недавно домов. Уезжали нагруженными. Сыр, молоко, масло, бисквит и яйца, а весной и осенью – фрукты – это было то немногое, что могли дать родители своей дочери перед отъездом. Вот и сейчас

старику показалось на миг, что это не квартира, не душный и пыльный город, а его село, его дом с серыми воротами, суетливыми курами, собакой на привязи в огороде. Жена хозяйничает. Ему было дорого его прошлое, в котором он был не так немощен и худ, болен и стар…

– Наверное… – ответила женщина и пошла дальше, отвернувшись от отца.

До него поздно дошел смысл ее слов, а когда старик, наконец, осознал сказанное ею, он пошел за дочерью в кухню и прохрипел:

– Да, яйца… В...

– Что? – спросила она. Это вывело его из себя. Но злиться и кричать, как это он делал раньше, старик не мог, поэтому он, вперив в нее свой ничего не выражающий взгляд и вновь облизнув губы, что-то пробормотал в ответ и медленно пошел прочь, в пустые комнаты и коридоры, которые понимали его, казалось, лучше, чем живые люди.

И так было всегда. Точнее, не всегда, но последние несколько лет определенно… Все это с ним случилось после смерти жены. Привыкший к тому, что подле него всегда находилась высокая худая женщина с маленьким острым лицом и подвижными глазками, он очень удивился тому, что ее вдруг не стало. Смерть, пришедшая в дом, стала неожиданностью, хотя ее ждали, зная о неизлечимости болезни. Вернувшись после похорон, он не пошел молиться и не сел за стол, как это сделали другие, а, ссутулившись, направился к огороду неторопливой походкой человека, на чьи плечи вдруг свалилось что-то непомерно тяжелое. Там он просидел до вечера, думая о чем-то своем, изредка разводя руками, будто соглашаясь со своим незримым собеседником. На следующий день повторилось то же самое. Изредка он заходил в дом, где повсюду сновали женщины в черном, говорили о чем-то, прерывая беседу во время чтения молитвы. Захватив с собой серую шляпу, он исчезал. Никто не обратил внимания на изменившуюся походку, на всю его поникшую фигуру и новую привычку бормотать себе что-то под нос. Чуть позже, через несколько месяцев, он уже не мог за собой ухаживать. Так он и попал в эту квартиру, перекочевав в нее из сельского дома, где все было родным и близким. Сознанием находясь где-то в иной реальности и подмечая события и вещи действительной своей жизни под своим, особым углом зрения, он все ходил и ходил из комнаты в комнату, как человек, которого поставили перед входом в лабиринт-клетку, из которой он должен был выбраться. Вначале он с ожесточением дергал ручки дверей, которые всегда закрывались перед уходом его родственниками, собирал по всему дому свои вещи и бормотал себе под нос что-то, чего не могли понять ни дочь с зятем, ни даже внучка. Но уже через год он свыкся со своим положением, перестал звать домочадцев в село, собирать по дому свои вещи, хотя по-прежнему, но уже слабо и без особого упорства, дергал ручки закрытых дверей и звал изредка по имени свою жену.

Его не понимали, задавали вопросы, а он изо всех сил пытался им объяснить. Но не мог. Иногда, обращаясь к нему, они называли ему незнакомые имена, точнее, он где-то будто бы уже слышал, а может, даже произносил сам, но не мог вспомнить. Это было похоже на отголоски прошлого, которое он стал забывать, а может, это был просто сон… Но когда он слышал эти имена, сердце его болезненно сжималось и начинало учащенно стучать. Его мыли, кормили, меняли одежду, обстирывали – в общем, делали все, чтобы ему жилось легко и комфортно в незнакомом месте. Но, несмотря на все это, попытки родных не увенчались успехом. Старик по-прежнему пребывал в каком-то полудремном состоянии, живя в собственном, никому не понятном мире. Иногда он слышал, как женщина, похожая на его дочь, разговаривая по телефону с мужем, говорила что-то о маразме, старости и еще о каких-то будто бы знакомых, но таких далеких от него вещах.

Он пошел дальше, продолжая размышлять.

– Поставить будильник… и плащ… Плащ… Завтра идти должен я… Плащ… – шептал он, припоминая зеленые луга и утреннюю прохладу летом, огромное

встающее на востоке солнце и стада овец, лениво и сонно следовавших за пастухом.

– Тебе что-нибудь нужно? – спросила девочка, которая стояла в коридоре у зеркала и расчесывала волосы.

– Плащ…

– Зачем тебе плащ?

– Завтра я… Будет дождь…

– Дождя не будет. Сейчас лето, дедушка, – сказала она, улыбнувшись. Он пошел дальше, улыбнувшись ей в ответ.

– Мам, по-моему, ему что-то нужно.

– Он просто разговаривает с собой. Что-то бормочет. Не обращай внимания, – сказала она. – Ты лучше скажи, не видела мой платок?

– Что за платок?

– Ну, оренбургский платок, мамин. Тот, который я привезла из села.

– По-моему, я его видела в комнате у деда. Он его держал в руках… – ответила она, задумавшись и будто припоминая что-то. Как-то ночью она случайно заглянула к нему в комнату и застала его за странным делом. Он сидел на краю кровати и прижимал к лицу серый пуховый платок. Девочка хотела уйти незаметно, но выпал телефон, который она держала в руке. Старик резко повернул голову в ее сторону и выронил платок. Она повернулась и ушла. Маме все это пересказывать не стала.

– Смотри, – крикнула женщина дочке, – а ведь и вправду у него. Помнит, что это его собственность, – задумавшись, сказала она, будто говорила сама с собой. Много лет назад в дом, который стоял теперь одиноко в селе, пробрались воры и украли много ценного. С тех пор ее родители, отец и мать, старались не покидать свое жилье. Если уходил один из них, то второй член семьи всегда должен был быть дома. К вещам, к которым они и без того относились трепетно, у них было особенное отношение. Такое отношение появляется у людей, которые неоднократно что-то теряют. Ценное они держали под замком в комнатах на втором этаже, и, если кто-то выходил из комнат хотя бы на минуту, он должен был непременно закрыть дверь ключом, а ключ вернуть на место – в чашку с треснутой ручкой, что лежала на полке в комнатке на первом этаже. И женщина, которая так скоро сделала выводы («Помнит, что это его собственность!»), имела в виду именно это. Впрочем, она так же быстро забыла о своих словах и направилась дальше, напевая что-то себе под нос.

Старик прошел мимо нее, кряхтя и шепча что-то. Он с шумом упал на диван и откинул голову назад, к спинке, тяжело дыша и продолжая говорить что-то про дождь и свою очередь. Потом сразу захотел встать, пытаясь приподняться с дивана. Не получилось. Тогда он стал кричать. Привыкнув к тому, что он часто кричит без видимой причины, никто не обратил на него внимания. Но крики становились громче и истошнее. Женщина подбежала к нему, подумав, что случилось что-то плохое.

– Подними… подними меня! – прошептал он сдавленно. Она наклонилась к нему и, поддерживая со спины, помогла встать. Старик медленно подошел к стене, и его дрожавшая от немощи рука потянулась к выключателю. Он несколько раз предпринимал попытки выключить свет, но кнопка выключателя была сильнее его указательного пальца. Он опустил руку и побрел дальше по темному коридору в зал, где горел свет и слышались голоса. Но, не дойдя до комнаты, повернул обратно, и так снова и снова, пока не устал и вновь не стал кричать. Его на редкость громкий старческий голос раздавался по всей квартире, поднимая в людях, живущих здесь, раздражение и неудовольствие.

– Иди, посмотри, что ему нужно! – сказал муж женщины, лежа на диване и переключая каналы телевизора. Женщина с неохотой поднялась на зов.

– Почему у нас все не как у людей?! – пробормотал зять, обращаясь к кому-то второму в опустевшей комнате и ни к кому одновременно. Он вспомнил своего отца, который один жил в одноэтажном неказистом домике, и это воспоминание неприятно его удивило, отчего он поморщил лоб и закрыл на секунду глаза.

В комнату бесшумно вошел старик, держась за руку дочери. Мужчина чуть привстал на диване, освобождая место подле себя, но старик, тяжело дыша, как после длительного бега, продолжал пересекать комнату и глядеть неподвижными глазами на балконную дверь…

Ночь. Духота заставляла открывать все окна. Но в комнате старика окна были закрыты. Женщина боялась, что его продует. Она стелила постель и готовилась ко сну.

– Надеюсь, что сегодня он будет спать. А то он просыпается ночью и начинает ходить, кричать… – сказала она, обращаясь к дочери, которая сидела за столом, уставившись в экран телефона.

– Да, я слышала, как он как-то кричал.

– Ты не ложишься? – спросила ее мать.

– Нет, я не хочу… Я посижу на кухне, – ответила она торопливо, пока мать не стала приставать с расспросами. Она встала и направилась на кухню, поставив по пути чайник на плиту.

– Не засиживайся там долго, – ответила ей женщина, покачав головой и вздохнув.

Был уже час ночи, а девушка на кухне продолжала увлеченно что-то строчить, нажимая на клавиши телефона. Через час, направляясь в спальню, она заглянула в комнату деда и застыла на месте. Он сидел на кровати и дрожащими руками гладил мягкую поверхность платка, который сегодня обнаружила в комнате отца его дочь. Потом, оглянувшись по сторонам невидящими глазами, он быстрым движением прижал платок умершей жены к груди и замер. Вскоре он привычно мерил комнату шажками, продолжая держать платок в руках и бормоча что-то себе под нос. Через полчаса такой ходьбы по кругу старик с трудом сел на край кровати и – вдруг произошло то, чего явно не ожидала увидеть девушка, – заплакал. Беззвучно лились слезы по его смуглым морщинистым щекам.

В комнате тускло горела лампа, свет от которой падал на ковер и стены. Остальная часть оставалась в тени. За окном равнодушная луна озаряла холодным светом улицу и крыши домов, в которых, казалось бы, мирно спали люди. Девушка застыла в проеме двери, уставившись на деда удивленными глазами. Старик сидел, прижав пуховый платок к лицу…

В следующую ночь женщина опять жаловалась на ночные крики отца.

– Папа опять всю ночь не давал спать, ходил по квартире, как лунатик, кричал…

– Ага, – бесцветным голосом ответила ей дочка.

Когда они уже лежали в постели, укрывшись одеялами, девушка спросила у матери, глядя на черный потолок:

– Что заставляет человека ходить в два часа ночи по квартире, звать кого-то, не спать?..

Женщина посмотрела на дочку, а потом, тяжело вздохнув и повернувшись набок, ответила:

– Старость.

Девушка закрыла глаза, но, медленно открыв их, будто борясь со сном, подумала: «Может, отчаяние?..» Эта мысль потухла в ней так же быстро, как и засветилась в ее уже объятом сном сознании.

В квартире было тихо и темно. Лишь тиканье часов нарушало тишину.

V Совещание молодых писателей Кавказа

Марина Гаджиева
Республика Дагестан

Родилась в 1987 году. Окончила Дагестанский государственный университет, по специальности «филолог». Работает в гимназии № 38 г. Махачкалы. Поэзией увлеклась в старшей школе. Творческий подъем произошел в годы учебы на филфаке ДГУ. Посещала творческие кружки, заседания, встречи. Тогда же появились первые публикации. В Совещании молодых писателей Северного Кавказа участвовала впервые.

Бессонница

Монитор. Чашка кофе. Буквы.
Коридорчатая строка…
Узнаваемая по стуку
Длинных пальцев – твоя рука.

Ты вбиваешь за словом слово,
Отмеряешь шагами путь.
Но никак не прольется снова
Звук молитвою – чтоб уснуть…

Узнаваемая дорога,
Узнаваемая по вкусу
Пересоленного творога
И – с корицею – меда уст…

Отличаешь от плевел зерна,
Но не знаешь (ну, не дурак?),
Что, когда сочиняешь, мерзну
От избытка холодных фраз…

***

Порою удивляюсь свежести стихов,
Порою – их закаменелой стати.
То в них покажется раздумие веков,
То вдруг все по-ахматовски некстати.

Сейчас они – властители, цари;
я – раб,
Через секунду – гений, а стихи –
Как путник, заблудившийся в дороге,
слабы,
Безропотны, пугливы и тихи.

И их чужая сущность
в поисках покоя
Выплескивает в чистую тетрадь
Все то, что горькою
цветаевской рукою
Когда-то не успелось написать…

Февраль

Безликий, тонкий, остроносый,
Как вечер, голубой февраль
Укрыл дома – слепой, несносный
И полысевший государь.

Без времени и покаянья
Своей дорогой шла и я,
А он вертел, весь мир кляня,
Мешая карты и деянья.

Бродяга ветреный и жуткий
Свистел, крутил, выл без конца.
То в юбку дунет, то под куртку,
Вздымая ворот в пол-лица.
Безудержно уставший город
Молил февраль – устать!
Уйти за горы
Спать…

Пустой дом

Померкший дом.
Заклеенные временем
Пробелы в окнах. Белый потолок –
Пустое и дряхлеющее бремя
Для стен унылых…
мир не так уж плох…

Пустой… Наполненный
воспоминаньями,
Согретый ветхим шорохом порога,
Неубранными чашками, диваном
И миллионами шагов, убогий,
Забытый дьяволом и Богом, терем…
Хранит тоскливый шум того дождя.
И долго будет он согрет лишь тем,
Что в нем встречали осень ты да я…

Ты и я

Пушистый, почти бело-Снежный,
Как ветка душистой сирени,
Вошел в мою жизнь ты небрежно,
Остался, возможно, из лени…

Осенней холодною дымкой
Проникла, земли чуть касаясь.
…И стало вдруг зябко…и зыбко
В том доме, в который вошла я…

Второго такого не будет,
Вторую такую не встретишь…
Печальная, как незабудка,
И неуловимый, как ветер…

Мне приснился…

Мне приснился сегодня дождь,
Беспокойный и торопливый.
И – ни капельки не счастливый –
Ты вдоль набережной идешь
У залива.

Голова непривычно гнется –
Может, мозгом потяжелел?
Побелел от тоски, как мел…
Или солнца не достается?..
Потускнел.

Растерзали тебя в цитаты –
За дождинкой дождя не слышно.
Ты – как прежде –
идешь по крышам –
Растерявший щиты и латы,
Но поникший.

А идущему – триста сорок,
Руки – ветви плакучей ивы,
И божественный, и дождливый,
Мне приснился сегодня город
У залива.

Дважды не распять Христа…

Ветер, вечер, речи друга –
И тоскливо, и смешно…
Головой поникнув туго,
Пью игристое вино.

Свирепеет зверем вьюга,
Тихо катится луна.
Отголоском жизни в звуках
Отзывается струна.

«Ave, verum corpus, natum
De Maria… Грех земной
Ждет лишь времени расплаты…
Ты – теперь – не жди – за мной.

У подножия Голгофы
Будем – люди Бога ведать,
Согрешим все понемногу
И начнем в спасенье верить».

Вечер. Ветер безутешно
Подвывает: «Все не так…»
Вы забыли, друг сердечный:
Дважды не распять Христа…

V Совещание молодых писателей Кавказа

Багдат Тумалаев
Республика Дагестан

Родился 10 августа 1982 года в г. Махачкале. Окончил отделение журналистики ДГУ в 2004 году. Публикуется с 1999 года. Сотрудничал с дагестанскими изданиями «Настоящее время», «Новое дело», «Черновик», «МК в Дагестане», альманахом молодых литераторов Дагестана «Верба», литературным журналом «Дагестан». Публиковался в газете «Провинциальный интеллигент 1» (Карелия), литературном журнале «Дарьял» (РСО-А) и общекавказской литературной газете «Горцы».

Участник 7 и 11 Форумов молодых писателей России (Липки). Ведет дневник в Интернете (bagdat.livejournal.com).

Баку глазами начинающего путешественника

Из путевых очерков

В пути. Стереотипы и таможня

Ясным сентябрьским днем я сел на электричку «Махачкала – Баку». Давно уже жаждал очутиться за границей. Азербайджан выбрал для первого раза не потому, что первая буква алфавита – есть и другие страны, Австралия например, которые стоят перед ним по списку.

Просто Азербайджан – ближайший наш сосед, и добраться туда очень легко – быстрее, чем до Пятигорска или Астрахани, оказывается.

Электричка была азербайджанская, и я представлял ее (все же мыслим стереотипами) местом скопления неких темных личностей, которые только и ждут, как расправиться с неопытными пассажирами.

Однако на деле она оказалась чистой, уютной, с просторными вагонами и телевизором. Да и публика была неплохая – интеллигентные бакинцы преимущественно дагестанского происхождения. За все 12 часов пути никто ни разу на пол не плюнул и не пытался распивать спиртное.

Если опять отступить от повествования, азербайджанцы для многих из нас – обитатели и работники сельхозрынков, а сам Азербайджан – по тем же стереотипам – некая банановая республика, управляемая наследственным кланом Алиевых, где тоже, наверно, одни рынки и безработные граждане.

Но это, как я убедился на собственном опыте, далеко от реальной действительности.

Попутчицей моей оказалась женщина бакинка-дагестанка (национальность, думаю, значения не имеет), типичная домохозяйка, которая приехала в Махачкалу на неделю погостить к родственникам.

Ей в Махачкале понравилась дешевизна продуктов и коммунальных услуг. В Баку, по ее словам, все дороже, а пенсии ниже. Расспрашивать ее о Республике Азербайджан, о реальном положении дел в экономике, культуре и т.д. смысла

никакого не имело. Представьте себе обывателя – домохозяйку, думаю, такие есть везде, этот человеческий тип универсален, и в любой точке земного шара они и понятия не имеют о происходящем в своем регионе, так как выходят из дома только в магазин да смотрят спутниковое телевидение (у моей собеседницы дома только русскоязычные каналы). По-азербайджански она разговаривать не любит, и язык знает плохо. А что рассказывает про Азербайджан российское телевидение – смотрите выше в моем замечании о стереотипном мышлении.

Поезд остановился за Дербентом, и все пассажиры стали наспех заполнять таможенные декларации, составленные очень витиевато. Чего стоят, например, такие вопросы, указанные в ней: «Отметьте, провозите ли вы следующее: наркотические средства, взрывные устройства, боеприпасы»…

Думаю, нужно быть не совсем здоровым, чтоб вносить такие пункты в декларацию, но, быть может, – это психологическая уловка, и наркодилер невзначай что-то отметит, и нарушитель будет схвачен доблестными таможенниками после заполнения декларации – все возможно!

Вот из ночного тумана возник мужественный силуэт, он стал собирать декларации, потом обратился ко мне: «Встань-ка!»

Этот силуэт стал рассматривать долго и пытливо мою, как ни странно, бритую физиономию и фотографию в загранпаспорте: «Похож, однако, – странно…»

Напоследок следовал каверзный вопрос (учитесь, будущие контрабандисты и террористы): «Вы родились 23 июля?» Таможенник и месяц, и дату специально назвал неправильно – чтоб неумелый потенциальный горе-террорист, застигнутый врасплох, ошибся, и был сразу же скручен…

К счастью для меня, никто на этот раз пойман не был, и, пройдя российскую таможню и получив заветные штампики в загранпаспортах (отметки о прохождении таможни), мы поехали дальше – к границе.

Сама процедура осмотра, точнее, ее отсутствие вызвала в моей голове грустные мысли, которые звучали и в СМИ, о прозрачности южных российских рубежей.

Вот в таких вот мыслях доехал я до границы, точнее, была ночь, и границу я бы не заметил, но поезд остановили, и в вагон влезла толпа людей в камуфляже – началась какая-то суета, стали слышны какие-то переговоры по рации на азербайджанском языке (судя по всему) и по сотовому. Мой телефон заблаговременно был подключен к международному роумингу, и на экране появилась надпись «Баксел» (название азербайджанского оператора, поддерживающего роуминг российских сотовых операторов).

Великолепие без прикрас

И вот уже мы на бакинском железнодорожном вокзале. Первое, что бросается в глаза в предрассветных сумерках, – огромный, освещенный лучом прожектора портрет Гейдара Алиева. Сам вокзал – грандиозное красивое сооружение в монументальном классическом стиле – с колоннами.

Сойдя с электрички, я пошел к метро – станции с непонятным для меня названием «28 мая» (дата провозглашения независимости Азербайджана от царской России в 1918 году).

Публика у станции метро сразу меня смутила – интеллигентные мужчины в костюмах и галстуках, по-московски или питерски – кому где ближе – модно и комфортно одетая молодежь (в Дагестане могут одеться хиппово, просто могут нарядиться богато, но вот так, как в Баку, одетых встретишь мало). Вот появился типичный молодой бакинец, Марат, двадцатипятилетний работник некой культурной организации, к которому, собственно говоря, я в гости и ехал.

Мы отправились к нему домой, а к полудню, отдохнув с дороги, вышли посмотреть город.

Первое, что бросилось в глаза, – потрясающе красивые эскалаторы в подземных переходах.

В Махачкале, говорят, когда-то был один подземный переход, но что он из себя представляет и где находится – судить не берусь. Скорее всего, его больше нет.

Не хочу больше сравнивать Баку с Махачкалой – масштабы разные, к тому же это столица богатой нефтью республики, поэтому буду патриотом – по мере возможности.

Улицы в Баку – широкие проспекты, с пальмами и красивыми фонтанами, с прозрачными пассажирскими остановками, с ультрасовременными стеклянными небоскребами – это и не Москва, но еще и не Дубаи.

Огромные торговые центры и магазины со стеклянными лифтами, бутики – светский капиталистический город. Везде чистота.

Везде – на больших центральных проспектах – изображения Гейдара Алиева. Но они как-то вписываются в радующую глаз красоту города.

Общественный транспорт – микроавтобусы «мерседес» и большие автобусы туристического типа (потомки «Икарусов»). Стоит проезд по городу всего 8 рублей (на наши деньги!)

Случайно наткнулись на офис правящей партии. Я даже не запомнил, как она называется. Мне указал на него Марат, сам бы никогда не заметил – скромное трехэтажное здание с небольшим по размеру портретом Гейдара Алиева над входом.

Вход в музей старого города стоит 2 маната (около 80-ти рублей). Мы осмотрели некие похожие на нашу Дербентскую крепость укрепления: подземные бани, внутренние покои дворца Ширван-шаха, Девичью башню.

Но подробно описывать все эти туристические изюминки города нет смысла. По-существу, это обычное место выуживания денег с туристов – на каждом шагу продаются дорогущие буклеты и магниты с различной символикой Баку, плакаты и сувениры.

На вершине Девичьей башни – одни иностранцы. Все активно фотографировались.

Далее мы отправились в знаменитый Музей ковров – около 20-ти залов с великолепными шедеврами ковроткачества – правда, за фотографирование в нем стали требовать немалую сумму. Я не заплатил, но сумел-таки сделать пару снимков украдкой.

Музеи в городе в хорошем состоянии – Эрмитаж и ГИМ, конечно, покруче будут, но зачем все сравнивать?

В одном здании с Музеем ковров располагался Музей независимости Азербайджана. Здесь было много информации о событиях 1990-го года и армяно-азербайджанской войне.

Вообще, за два дня в городе я не раз сталкивался с отголосками той войны. Судить о ней не берусь, однако читал свидетельства о чрезмерном применении силы советскими войсками в Баку в январе 1990-го и о массовом бегстве армянского населения. С другой стороны, фактом остается и то, что Карабах находится под контролем Армении.

С последней граница, кстати говоря, закрыта на замок – сплошная колючая проволока и минные поля – и периодически на ней случаются перестрелки. Служба на этом участке азербайджанской границы, как рассказал Марат, – удел выходцев из самых бедных слоев населения, а служат в азербайджанской армии полтора года. Новобранцы побогаче охраняют границу с Россией, Турцией или Ираном. Там наверняка некоторые из них становятся еще богаче…

Земляки

После музея мы зашли в чайную, и тут Марат стал мне говорить, что все великолепие Баку блекнет, стоит мне отъехать вглубь республики, что там откроется взору картина не очень благовидная.

Быть может, поэтому в России больше миллиона азербайджанцев и еще больше приезжают на заработки.

Я ответил, что и у нас в Дагестане жизнь не сахар, особенно в горных районах. Ни газа, ни дорог, ни… Тут в наш разговор вмешался один мужчина – он сидел за моей спиной.

Оказалось, дагестанец – бизнесмен. Он сидел со своим другом за соседним столиком и внимательно слушал, что я говорил. Его замечание сводилось к тому, что в Дагестане все не так плохо. И в горах тоже неплохо, просто некоторые чиновники живут на откатах от дезинформаци о ситуации в республике. Любое небольшое наводнение – в Москву уже сообщается о страшном разгуле стихии. Так и живут эти товарищи-дезинформаторы на откатах. Обсуждать ситуацию в Дагестане времени не было, и мы решили попрощаться с нашим неожиданным собеседником. Мой щедрый земляк не позволил нам расплатиться.

Приятно все-таки встретить дагестанца, где бы ни произошла эта встреча.

Гуляя по городу, зашли в книжный магазин – книги на русском в Баку дорогие.

Самое интересное: бакинская молодежь русский язык вообще не понимает, а взрослые понимают, но не разговаривают (видно, из патриотических соображений).

Купил карту города – там надписи на английском и турецком. Русскоязычной карты в магазине не оказалось…

Баку. Деловой и культурный

Баку – это, прежде всего, деловой город. Везде офисы банков, нефтяных и строительных компаний, крутые отели – Азербайджан стремительно становится туристическим центром.

Выделяются и прекрасные здания кукольного театра, Академии наук Азербайджана и других научных и культурных («бюджетных») учреждений, в фасадном великолепии они не уступают офисам. По телевизору слышал, что в одном из бакинских театров играет актер, занесенный в Книгу рекордов Гиннеса. Он единственный в мире исполнитель роли шекспировского короля Лира в том возрасте, в каком он описан в пьесе, – 83 года. К сожалению, в мои планы посещение бакинских театров не входило, а то бы я непременно отправился на этот спектакль – посмотреть на этого старца.

И вот мы сели в тенечке возле позолоченного фонтана на площади у памятника – ну, естественно Гейдару Алиеву (памятник Ленина в Баку демонтировали), и я стал читать местную русскоязычную газету. Их в Баку выходит несколько – есть пророссийские, есть и антироссийские. Читал я, как ни странно, антироссийскую газету «Зеркало». О содержании – дабы мой текст не был съеден цензурой – говорить подробно не буду. На главной странице заголовок был смешной: «Режим Путина-Медведева – агония!» – и все остальное в таком же духе, примерно так же писала газета «Правда» о «загнивающем Западе» лет 25 назад. Сплошь восхваление Саакашвили и ругань Кремля – в сравнении с этой азербайджанской газетой «Новая газета» вместе с «Эхом Москвы» – просто официозные великодержавные пророссийские СМИ. Можно даже добавить – пропутинские!

Читал и более-менее объективную газету, в ней смутило интервью некого азербайджанского спортсмена: он радовался своей победе в Ереване – что победил «во вражеской стране». Так и было написано.

«Бакинская мася»

После чтения мы встретились со знакомой Марата (замечу, имя его я слегка подкорректировал, чтоб до него не добрались патриоты Азербайджана) – эпатажной модной девушкой. Таких называют «бакинскими масями». Она знает несколько иностранных языков, работает в престижной компании, очень много получает и любит гулять со своей собачкой (породу я не запомнил).

Она повела нас на набережную Баку – Нефтяной проспект. Там мы погуляли вчетвером по красивой дамбе. Увидел родное Каспийское море (замечу, в Баку возле него слегка пахнет нефтью).

С такой девушкой общаться было тяжеловато – мое приглашение посетить Дагестан она восприняла как шутку. Она неоднократно бывала в Италии, Турции и т.д. и ехать в неспокойную российскую провинцию в ее планы не входило. Вдруг ей позвонила ее подружка – «Масю» звали на какую-то вечеринку. Так и не досказав нам в своем переложении историю девушки, заключенной в Девичью башню, она убежала. «Хороша Мася, да не наша» – или просто nice girl – я, признаюсь, был в шаге, чтоб потерять от нее голову…

Мы с Маратом по той же набережной дошли до здания парламента Азербайджана – ни ограды, ни обилия людей в камуфляже, масках, с автоматами и бронежилетах мы не заметили. Лишь одна полицейская машина у входа и полицейские в синих рубашках.

Чуть далее, выше по набережной, старый четырехэтажный дом. И один полицейский у входа. «Здесь живет Ильхам Алиев», – сказал мой друг.

Дошли мы и до администрации президента Азербайджана – опять же: никаких заборов, обычное здание, один полицейский стоит рядом и машет рукой – фотографировать запрещено, и только.

Баку. Аллея шахидов

Садимся на фуникулер и поднимаемся в Нагорный парк.

Нагорный парк – это, если выражаться политкорректно, грандиозный мемориал разным участникам бурных исторических процессов, происходивших в Азербайджане в разные периоды истории.

Первое, что я увидел наверху, – большое кладбище павшим в армяно-азербайджанской войне восьмидесятых-девяностых, чуть поодаль – могилы погибших в бакинских событиях 1990-го года.

Далее – и это меня удивило – увидел мусульманские надгробия турецких солдат, погибших здесь, защищая Азербайджан от войск Антанты в период Первой мировой и Гражданской. Тогда – после революции в Петрограде – была сформирована Кавказская исламская армия, состоявшая из турецких регулярных частей и азербайджанских новобранцев.

Рядом мемориал английским солдатам, воевавшим тогда в Азербайджане с турками.

Посмотрев с панорамной площадки у Нагорного парка на вечерний Баку и здание Милли Меджлиса – парламента Азербайджана – мы отправились к Марату. Конечно, я бы еще остался немного, но у меня сели батарейки в фотоаппарате, а Баку – это город-мечта для фотографа.

Ночью из открытого окна ветер приносил в квартиру Марата запах нефти. За окном – а жил Марат в обычной пятиэтажной бакинской «хрущевке» – доносились голоса сидящих во дворе допоздна соседей. Двор этот, кстати говоря, как и у нас, в Махачкале, был застроен и уплотнен по полной программе всякими магазинами, гаражами и прочими непонятными постройками. Это понятно, ведь мой друг живет в центре Баку, рядом с проспектом Гейдара Алиева.

Азербайджан для нас уже заграница…

На следующее утро Марат решил свозить меня на пригородный пляж Бильге, в 30-ти километрах от Баку.

Ехали мы туда от конечной станции метро на маршрутке по прекрасной трассе, по пути наблюдая фантастические виды – сотни нефтяных вышек Апшеронского полуострова – богатство Азербайджана, они работали непрерывно. Также по всему пути я видел красивые прозрачные остановки, красивые полицейские машины – синие «фиаты». Ни в самом городе, ни на пригородной трассе – нигде мы ни разу не попали в пробки.

Пригородный бесплатный пляж – идеальная чистота, десятки зонтиков из веток, красивая деревянная дамба, почти на пятьсот метров уходящая в море, и на ее конце – кафе, большая парковка, а рядом – огромные новые корпуса кардиологического санатория.

Видно, что тут государство серьезно развивает туризм и стремится привлечь отдыхающих.

Однако полным диссонансом этой идиллической картине был обычный жилой дом метрах в пятистах от пляжа – осыпавшаяся штукатурка, куча сушащегося белья. Марат объяснил, что это далекая окраина Баку, и тут живут только люди бедные, как в каком-нибудь непрестижном махачкалинском поселке.

Социальный контраст есть – если в центре встречаются сплошь иномарки, то на окраинах люди ездят на советских «шестерках», а вот «лад-приор» и «калин» практически не видно – азербайджанцы выбирают иномарки и к ВАЗовским новинкам интереса не проявляют.

Вернувшись с пляжа, снова стали гулять по городу. Российские поп-исполнители в Баку – желанные гости, но цены на их концерты тут заоблачные – 2–3 тысячи на наши рубли за билет на среднюю группу или исполнителя из числа бывших питомцев «Фабрики звезд». Более именитые еще больше загребают.

Азербайджан – подчеркнуто светское государство. Ильхам Алиев в своей внешней политике взял курс на сближение со светской Турцией.

Азербайджано-турецкие и азербайджано-американские отношения развиваются гораздо интенсивнее, чем, к примеру, сотрудничество с Ираном. В Баку встречаются, конечно, девушки, одетые в мусульманскую одежду, и ребята – но в общей массе молодежи их процент невелик.

В то же время в Азербайджане нет видимых следов межконфессиональной напряженности.

Влияние России и тем более Дагестана визуально сводится к нулю, хотя российские рубли тут весьма желанны и все знают их курс обмена.

Драматическое возвращение домой. Без эпилога

Опустим остальные мои прогулки по Баку. Вот настало время прощания с Маратом.

Прощались мы на бакинском автовокзале – новом огромном транспортном узле, совмещенном с торговым центром – к слову сказать, одежда в Баку стоит очень дешево, и притом качественная одежда.

Я поблагодарил Марата за гостеприимство и в который уже раз повторил желание видеть его в Дагестане в качестве гостя, на что он ответил в очередной раз уклончиво: «Не обещаю, но все равно благодарю».

Я сел в маршрутку до границы с Россией. Дорога домой оказалась драматичной.

Маршрутка на Яламы-границу приехала около девяти вечера. В дороге практически не удалось посмотреть ничего: шофер попался «Шумахер» – гнал вовсю.

На границе я зашел в КПП, там меня встретил некий служитель закона – до сих пор не пойму, таможенник это был или кто – и попросил 100 рублей. Я смутился. Тогда он попросил показать оставшуюся на руках азербайджанскую наличность – ее он мне обменял в итоге по очень выгодному для себя, естественно, курсу. Никаких деклараций при этом, конечно, не заполнял. То есть я спокойно мог пронести через границу килограмм чего-нибудь запрещенного – никто мою сумку не смотрел.

Пограничный пост представлял собой огромное скопление автотранспорта: десятки «КамАЗов», автобусов и легковушек, работающие двигатели – дышать было нечем.

Потом, в почти полной темноте, я шел пешком по мосту через Самур. Тут меня встретили российские пограничники – привет, земля! Они объяснили, что я вышел не у того перехода – пеший переход был ниже по реке, и мне пришлось сесть в проезжавшую границу машину с дагестанцами. Один из них, правда, уговаривал взять какую-то сумку со своим грузом, потому что я был с легкой сумкой, – я отказался.

На российской стороне на таможне начался сумасшедший дождь – потом СМИ будут вещать об очередном стихийном бедствии и потоплении Дербента и т.д.

Никакого осмотра не было, только снова глупый вопрос на засыпку: «Вы родились в...» – и был назван год неправильно. Я ответил: «Нет, вы ошибаетесь», – и назвал год своего рождения.

Дождь превратился в ураган, ничего не оставалось, как ловить таксиста. Он довез меня до Дербента вместе с азербайджанцем Аликом.

В Дербенте, выйдя из машины, я чуть не утонул в мутной жиже – шел сильный ливень, в городе вырубилось электричество и сотовая связь. Помог Алик – пассажир такси, с которым я ехал (он снимал комнату в Дербенте и работал там же на стройке) – пригласил меня к себе переночевать.

Отказываться, когда стоишь по колено в холодной воде, было бы не умно.

У Алика переночевал без проблем. Я спросил его, почему он едет работать в Дагестан, когда в Баку такое великолепие. Он не ответил прямо – стал говорить, что просто там дорого жить, а в Дагестане ему уже привычнее.

Утром Алик проводил меня до автостанции.

Так закончилось мое путешествие. Уверен – не последнее...

П. Адамс

История

Тамара Эльбуздукаева

Развитие литературы и просветительства в Чечне в 20–30-е годы XX века

Большую роль в становлении профессиональной литературы сыграла периодическая печать. Вместе с выработкой норм литературного языка национальные газеты помогали объединению творческих сил Чечни.

С февраля 1917-го года в Грозном начали выходить газеты «Товарищ», «Известия Совета рабочих и военных депутатов» (с 1921-го года она выходила под названием «Красный труд», с 1922-го года – «Нефтерабочий», а с 1925-го – «Грозненский рабочий») и др.

Первой газетой, освещавшей жизнь горских народов, была газета «Горская беднота», которая издавалась во Владикавказе с 1918-го года. С 1920-го года для горцев стали издаваться газеты «Горская правда» и «Коммунист».

В 1923-м году стала выходить газета «Советская Чечня». В апреле того же года было решено выпускать газету «Автономная Советская Чечня», которая выходила на русском языке.

С введением письменности появляются первые газеты на родном языке. С 1-го мая 1923-го года стала выходить ингушская газета «Сердало» («Свет»), которая издавалась на основе латинизированного алфавита, и газета «Серло» («Свет») – на чеченском языке (на основе упрощенной арабской графики). Первым редактором «Серло» был назначен С. Арсанов [1].

С 1925-го года газета «Серло» перешла на латинизированный алфавит и выпускалась на чеченском и русском языках [2], что явилось событием в политической и культурной жизни автономной области. К концу 1928-го года тираж газеты составил 1500 экземпляров. Вокруг газеты «Серло» образовался актив литераторов из среды учителей и других работников культуры.

В появлении на свет чеченской и ингушской литературы, несомненно, был элемент искусственности, связанный со своеобразием революционной эпохи, но советская власть только ускорила процесс зарождения литературы, предопределив одновременно ее идеологическую направленность. Литература появилась бы и без Октябрьской революции, и примерно в те же 20–30-е годы, правда, не в русле советско-европейской культуры, а в рамках религиозных и фольклорных традиций.

Считается, что истоки профессиональной чеченской литературы восходят к 1918-му году, когда А. Шерипов издал во Владикавказе в собственном переводе на русский язык книгу «Из чеченских песен». Этой небольшой книгой было положено начало чеченской советской литературы [3].

На страницах газет «Серло» и «Сердало» печатали свои первые стихи, рассказы, очерки, пьесы молодые чеченские поэты, писатели, драматурги.

Так, основоположник чеченской советской литературы Саид Бадуев в своих произведениях обличал реакционные пережитки адата и шариата. Такие его повести, как «Бешто», «Месть», «Адат», «Колодец», «Закон отцов» и др. были изданы в 1929-м году в сборнике под общим названием «Адаты». Свои произведения публиковали З. Мальсагов, Х. Муталиев, И. Ахриев и др.

Организованные в 1924–1925-м годах Чеченское и Ингушское национальные книжные издательства широко публиковали произведения местных авторов. Чеченское областное издательство в 1925–1931-е годы выпустило на чеченском языке около 500-т названий книг, тиражом 1,5 млн. экземпляров [4].

В 1933-м году вышел в свет ряд сборников пьес, стихов местных авторов, а также переведены на ингушский язык избранные произведения А.М. Горького, Л.Н. Толстого, А.С. Серафимовича [5].

Большое влияние на развитие чеченской литературы оказало решение ЦК РКП(б) от 18 июня 1925-го года «О политике партии в области художественной

литературы». В нем указывалось на необходимость обратить особое внимание на развитие национальной литературы в многочисленных республиках и областях Советского Союза [6].

В 1925–1930-е годы в чеченскую литературу приходят М. Мамакаев, Ш. Айсханов, С.-Б. Арсанов и др. Новая ступень в развитии чеченской литературы характерна зарождением в начале 1930-х годов жанра романа. Проблемы современного героя художественно воплощены в романах С. Бадуева «Петимат» и С.-Б. Арсанова «Два поколения».

Айсханов Шамсуддин Катаевич (1907–1937)

В романе «Петимат» С. Бадуев впервые создал яркий самобытный образ чеченки, вставшей на защиту своих человеческих прав. О зрелости автора говорит и факт написания «Петимат» в стихах. Здесь сказалась традиция восточной литературы: поэтическое воспевание действительности. Революционному прошлому посвящает свою поэму «Родные горы» М. Мамакаев (1928 г.)

В прозе огромный интерес вызывает исторический, историко-революционный роман.

Саид-Бей Арсанов в своем романе «Два поколения» показал отход горцев от патриархально-родового быта, превращение их в кадровых рабочих и роль дружбы народов, складывающейся тогда. Арсанов пишет в эти годы рассказы на русском языке, которые впоследствии войдут в роман «Когда познается дружба».

Арсанов Саид-Бей Арсанбекович (1889–1968)

Первый период развития литературы характеризовался периодом исканий литературных форм. Переводы русских классиков и советских авторов содействовали развитию литературного языка, учили молодых литераторов мыслить художественными образами. Стали появляться стихи, повести, рассказы, отображающие события современной жизни.

В 1929-м году при «Грозненской ассоциации пролетарских писателей» создается секция чеченских писателей (ГРАПП), в 1930-м году – «Чеченская ассоциация пролетарских писателей» (ЧАПП). Руководил ею поэт Магомед Мамакаев.

В июне 1932-го года ЧАПП был преобразован в Союз советских писателей Чечни. В постановлении секретариата Чеченского обкома ВКП(б) «Об авторских кадрах национальной литературы и материально-бытовом положении национальных писателей», принятом в 1932-м году, отмечалось, что «за последние годы культурного подъема в области значительно выросли национальные авторские кадры, выдвинулись новые национальные писатели. Имеются первые серьезные успехи роста чеченской национальной литературы (ряд пьес, художественных сборников, периодические литературные страницы в газете «Серло») [7].

В 1934-м году в связи с образованием Чечено-Ингушской автономной области создается единая чечено-ингушская писательская организация. В нее вошли М. Мамакаев, С. Бадуев, И. Базоркин, Х.-Б. Муталиев, А. Дудаев, А. Нажаев, Ш. Айсханов, Н. Музаев, Х. Осмиев, С. Озиев, Д. Мальсагов, Т. Беков и др.

В феврале 1934-го года в Грозном состоялась первая конференция чеченских и ингушских литераторов – членов отдельных писательских организаций и кружков – с целью объединения их в творческую организацию с единой идейно-эстетической платформой. Было создано областное отделение Союза писателей

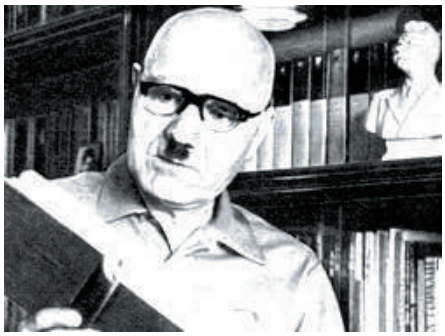
СССР в составе одиннадцати человек. Из чеченцев в члены Союза писателей к началу съезда были приняты Магомед Мамакаев, Абди Дудаев, Ахмад Нажаев, Саид Бадуев, Шамсуддин Айсханов, Нурдин Музаев; из ингушских писателей – Хаджи-Бекир Муталиев, Хамзат Осмиев, Салман Озиев, Дошлуко Мальсагов, Тембот Беков[8]. Его председателем был избран Айсханов Ш.К. [9].

Первый Всесоюзный съезд писателей определил основное направление в творчестве писателей и поэтов – метод социалистического реализма, и способствовал развитию дружеских связей писателей Чечено-Ингушетии с другими регионами [10].

Произведения чеченских и ингушских литераторов переводились на русский и другие языки, печатались в центральных журналах. Большую роль в этом сыграли поэты Э. Багрицкий, Ю.Н. Тихонов, Н. Асанов, А. Тарковский, Д. Осин, С. Олиндер, М. Слободский, С. Михалков, А. Сурков, П. Павленко, В. Станиславский и другие переводчики.

Во второй половине 1930-х годов Чечено-Ингушское книжное издательство ежегодно выпускало более ста наименований книг и брошюр на чеченском, ингушском и русском языках. Выходила переводная литература.

В эти годы на чеченский язык были переведены и изданы многие произведения Л.Н. Толстого, М. Горького, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.П. Чехова, В.Г. Короленко и других русских писателей. В 1935-м году начато издание целой серии переводов, которая включала сорок лучших произведений мировой детской литературы.



Мамакаев Магомет Амаевич (1910–1973)

Первый сборник «Поэты Советской Чечено-Ингушетии» был издан в 1935 году на русском языке в Москве. Вслед за ним появляются еще несколько сборников: «Поэты Советской Чечено-Ингушетии» (Пятигорск, 1937), «Чечено-Ингушская лирика», «Поэзия Чечено-Ингушетии» (М., 1938).

В 1934-м году было издано литературы почти вдвое больше, чем в 1930-м, а в 1936-м году – девяносто семь названий тиражом в 637 тысяч экземпляров [11].

В 1939-м и в 1940-е годы было издано десять сборников произведений чеченских и ингушских писателей, а также два сборника на русском языке, театры получили четыре пьесы национальных авторов.

Со второй половины 1930-х увеличиваются тиражи на русском языке. Это было связано с ростом чеченцев и ингушей, свободно владеющих русским языком и охотно читающих на нем.

Помимо пафоса Октября, коллективизации и индустриализации, поэты стали уделять внимание исследованию социально-психологических черт характера героя в контексте созидательного труда. Поэты и писатели обращались к теме освобождения женщины-горянки. Популярными темами являлись темы патриотизма, пейзажная, любовная и философская лирика.

В 30-х годах XX века чеченской и ингушской литературой были освоены все жанры поэзии, прозы и драматургии. Более двадцати романов, сотни повестей, тысячи рассказов, поэм, басен и десятки тысяч стихотворений – вот что представляет собой литература, если говорить о ее количественном состоянии.

В творчестве поэтов и писателей республики господствующее место занимали темы современности: борьба за коллективизацию, вопросы культуры, борьба с пережитками адатов и шариата, героика гражданской войны и т.д. – то есть весь социальный заказ того времени. Системообразующими элементами

официальной культуры выступали новые традиции: светлое будущее и коммунистическое равенство, примат идеологии в духовной жизни, идея сильного государства и сильного вождя.

Репрессии 1937–1938-го годов почти уничтожили Союз писателей Чечни и Ингушетии. Из двенадцати членов Союза писателей ЧИАССР девять были арестованы, семь из которых осуждены. По стандартному ложному обвинению в антисоветской пропаганде, создании троцкистской националистической организации, а также в борьбе за отделение Чечни от Советского Союза были арестованы и расстреляны в 1937 году С.С. Бадуев, А.Д. Дудаев, Ш.К. Айсханов, С.М. Озиев [12].

Длительное время провели в местах заключения писатели и поэты: А.Ш. Мамакаев – четырнадцать лет, М.А. Мамакаев – девятнадцать лет, Х.Д. Ошаев – тринадцать лет и др.

В 1940-е годы началась вторая волна репрессий, обрушившихся на чеченскую интеллигенцию. Продлен срок арестованному и осужденному еще в 1932-м году С. Арсанову, и он четверть века провел в ссылке в печально известном Колымском краю. Почти восемнадцать лет проведет в ссылке за Полярным кругом, в городе Игарка на берегу Северного Ледовитого океана Магомет Мамакаев. Пятнадцать лет в лагерях Магадана и на поселении – Халид Ошаев, четырнадцать там же – Арби Мамакаев…

В конце 1930-х годов наступил новый этап в развитии художественной культуры. С относительным плюрализмом предыдущих времен было покончено. Все деятели литературы и искусства были объединены в единые унифицированные союзы. Закрепился единственный художественный метод – социалистический реализм.

После утверждения культа личности Сталина давление на культуру и преследование инакомыслящих усиливаются. Литература и искусство были поставлены на службу коммунистической идеологии и пропаганде.

Шел процесс формирования культуры, свойственной тоталитарному обществу – культуры, поставленной под контроль государства, стремящегося руководить духовной жизнью общества, воспитывать его членов в духе господствующей идеологии. Сказанное, конечно, не означает, что литература в Чечне и Ингушетии в 1920–1930-е годы не ведала о взлетах, крупных свершениях, выдающихся открытиях. Происходившие в духовной сфере процессы были сложны и неоднозначны.

Литература

1. История Чечни с древнейших времен до наших дней, В 2-х томах. – Т.2. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008 – С. 427–428 (829 с.)

2. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. В 2-х томах. – Т. 2. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд., 1972 – С. 122 (359 с.)

3. Чеченцы: история и современность. Под ред. Айдаева Ю.А. – М.: Изд. «Мир дому твоему», 1996. – С. 291.

4. Гадиев А. Культурное строительство в национальных областях. Революция и горец. – 1933. – № 1-2. С. 92.

5. Партийный архив Чечено-Ингушского обкома (ПАЧИО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 48.

6. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. В 2-х томах. – Т. 2. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд., 1972. – С. 123.

7. Каратаева М.А. В борьбе за нового человека. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд., 1979. – С. 65 (68 с.)

8. Джамбулатова З.К. Культурное строительство в Советской Чечено-Ингушетии (1920–1940 годы) – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд., 1974. – С. 206 (235 с.)

9. История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х томах. – Т.2. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008 – С. 431.

10. По светлому пути. – Сб. статей. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд., 1970. – С. 84 (147 с.)

11. История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х томах. – Т.2. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008 – С. 193.

12. Живая память: о жертвах сталинских репрессий. – Грозный: «Книга», 1991. – С. 6 (88 с.)

Память

Ислам Хамурзаев

Чеченская нана, не сломленная судьбой

Женщина – это Мать, Сестра, Жена, Дочь… И каждая – хранительница народных традиций. Издавна чеченцы как зеницу ока берегли честь женщины. При этом наша прекрасная половина обладает совсем не слабым духом. Сколько среди ее представительниц настоящих подвижниц в разных областях жизни общества. О том, какую силу воли и духа проявляли наши бабушки, матери в драматические для нашего народа времена, мы еще узнаем немало нового…

История моей бабушки Пады Антауловны Басхановой – в ряду судеб многих чеченских женщин, испытавших тяготы жизни многострадального чеченского народа.

Родом бабушка Пада была из селения Девкар-эвл (Толстой-Юрт) Грозненского района. Родилась она в 1885-м году в семье местного купца. С детства Пада была приучена к труду: занималась шитьем, вязанием, вышиванием. Повзрослев, стала искусной портнихой. Она шила как мужскую одежду (к примеру, вертанаш (бурки)), так и женскую, а также мастерски изготовляла «истангаш» (войлочные ковры).

С установлением Советской власти Паде очень пригодились навыки рукоделия. В годы новой экономической политики в стране практиковались женские кооперативы. Вот когда бабушка проявила инициативу, организовав в селении Старый-Юрт (Толстой-Юрт) артель по производству войлочных ковров и бурок. Таким образом, она оказалась в ряду энергичных местных предпринимателей. В артели Пады трудились семь женщин, в основном ее ближайших родственниц. Производство ковров – достаточно трудоемкая работа, так как все операции по изготовлению войлочных ковров и бурок выполнялись вручную.

В период сталинской высылки бабушка со своей семьей оказалась в Казахстане, в селе Образец Конюховского района. Старшие ее сыновья сражались на фронте, дедушке Басханову Солтахану Басхановичу было сто с лишним лет.

К счастью, красноармейцы успели предупредить ее семью о том, что ожидается выселение чеченцев. В 1944 году, за ночь до отправления в Казахстан, бабушке удалось с помощью старшего сына Таши зарезать бычка и всех кур, засолить мясо в льняных мешках, испечь кукурузные лепешки (сискалш).

Всю шерстяную одежду, имевшуюся в доме, Пада собрала в узлы, и к утру двадцать третьего февраля все было готово к отъезду на чужбину. Помогала в этом матери даже семилетняя Нуржан: распорола карманы своего пальто, поместив в один из них тайнагаш (куклы), а в другой – вилки и ложки. И, по воле Аллаха и расторопности Пады, все ее родственники выжили по дороге в Казахстан.

По приезду к месту высылки Басхановы были распределены в сельском клубе. Летом они уже обустроились, однако начались болезни… К осени умер дедушка Солтахан, следом ушла из жизни Банати, старшая дочь моей бабушки.

На руках у Пады остались четверо детей, помогала ей пожилая золовка Сати. Старшему сыну Салавди было шестнадцать лет, Таши – четырнадцать, Айне – двенадцать и маленькой Нуржан – семь лет. Вот так, в великой печали и горестях, на чужой земле они встретили новый 1945-й год, год победы над фашистской Германией.

С фронта не вернулись старшие сыновья бабушки – Дуду и Дуки. Как говорится, беда не приходит одна, и вскоре Пада узнала от своего родственника о том, что ее дочь Белита умерла, а маленьких дочерей Белиты хотят отдать в детдом.

Пада не могла допустить того, чтобы ее маленькие внучки были отлучены от родных. Оказавшись в детдоме, они могли бы утратить свои национальные корни. И тогда Пада решила забрать малышек в свою семью. Однако

добиться этого было непросто. Следовало пройти бюрократические заслоны сталинско-бериевского режима и, прежде всего, договориться с работниками спецкомендатуры, поскольку внучек требовалось привезти из другого населенного пункта. И все же, преодолев труднейшие препятствия, Пада сумела решить этот вопрос. Она забрала внучек в свою семью. Когда Камят и Дашани привезли к ней домой, они выглядели очень запущенными и истощенными, как, впрочем, и сотни других чеченских сирот. Пада их искупала, обогрела, как могла, одарила своей любовью. Кстати, даже в подобные моменты она не теряла чувства юмора. Так, искупав девочек, она обратила внимание, что они довольно симпатичны, и воскликнула: «Хвала Аллаху, раз уж мне выпала такая доля, что вы хоть оказались такими красивыми!»

Начались тяжелые будни выживания на чужбине… Каждый день в изгнании воспринимался чеченцами как последний день перед возвращением на Родину. Так сильна была тоска по своему родному краю.

В 1957-м году вышел долгожданный указ о разрешении чеченцам и ингушам вернуться на родную землю. С 1956-го года начали выдавать паспорта, и Пада тоже отправилась в комендатуру за документом.

ПАСПОРТ
Беспартийной
Басханова
Пада Антаулловна
1885 года
Грозненская область
Старо-Юртовский район
XXIX-ЩХ № 543066
Колхозница
не военнообязанная
Кзыл-Юртовского
района Сев. Кав. области
Казахской ССР
Паспорт
29/XI-1956 года
XXIX-ЩХ № 543066

На снимке: паспорт Пады Басхановой, полученный ею в период депортации в 1956-м г. Автор этой публикации (ее внук) передал этот документ из семейного архива в дар Национальному музею ЧР.

Бабушка Пада была ревностной мусульманкой, поэтому отказалась снять платок при фотографировании на паспорт. В категорической форме она подтвердила свое решение даже тогда, когда начальник паспортного стола строго заявил: она не получит паспорт до тех пор, пока не снимет свой головной убор. Убедить Паду согласиться с установкой представителей власти было невозможно.

Позднее Таше, старшему сыну бабушки, и председателю сельсовета удалось решить этот вопрос. Они уговорили начальника паспортного стола разрешить Паде сфотографироваться в платке. Получив паспорт, бабушка и ее семья вернулись на родину в свое родное село Девкар-эвл. В 1974-м году моя бабушка Пада ушла из жизни.

…Бабушка высоко ценила высоконравственные традиции горцев. Испытывая горячую любовь к родной земле, своему народу, она никогда не отступалась от постулатов ислама и обычаев чеченского народа.

Проникновенные строки о привязанности чеченцев к своей «колыбели» – Даймохк – читаем в повести Залпы Берсановой «Дорога домой». «Это и есть то, что довело нас до сегодняшнего дня, проведя сквозь бесконечную цепь уничтожений. Пока будет существовать взаимовыручка, будет жив мой народ, сколько бы нас ни убивали», – подумала она и вернулась в сад.

«Единственное, что остается вечным и незыблемым в этом хаосе катастроф и разрушений – это любовь. Любовь к земле, – подумала Седа. – Земля – это единственное, ради чего стоит жить и умирать».

Когда я читал эти строки, в моей памяти всплыл образ моей мужественной бабушки Пады.

Эта история была записана со слов Хамурзаевой Нуржан Солтахановны, дочери Пады Басхановой.

Не по велению времени, но по велению совести

Имя балкарского историка и писателя Магомета Кучинаева хорошо известно у себя на родине, в Кабардино-Балкарии. Главный редактор кабардино-балкарского литературного журнала «Минги-Тау» Аскер Додуев встретился с писателем. Ниже предлагаем вниманию читателей нашего журнала ознакомиться с содержанием состоявшейся беседы, во время которой были затронуты темы жизни, истории, литературы, поскольку именно они являются главными в произведениях автора.

Магомет Кучинаев

– Но сначала, в связи с тем, что русскоязычные читатели, возможно, не так хорошо знают писателя Кучинаева, как балкарские, мне следует, наверное, хоть немного рассказать о твоих произведениях. Это в первую очередь, конечно, исторические романы «Большая Балкария» и «Дети Солнца», «Стоит ли с медведем груши есть?», эпическая поэма – тоже на историческую тему – «Сказание об аланах», а также повести «Третий батальон» и «Горькая дорога в рай». Значительная часть твоих произведений была опубликована в журнале «Литературная Кабардино-Балкария» на русском языке. Сегодня мы будем говорить не только о литературе, но и об истории. Потому что, оказывается, последние несколько лет писатель Магомет Кучинаев писал не только очередной роман, а историю Балкарии.

Магомет, в чем дело, почему история, разе это не скучное занятие? А, может быть, это уход от действительности, ты не хочешь писать честно и откровенно о сегодняшнем дне? Между прочим, читатели нашей республики, выступая постоянно во время встреч с писателями, упрекали нас как раз по этому поводу – что мы слишком уж часто оглядываемся в прошлое, мало пишем о нашей сегодняшней жизни.

– Конечно, читатели высказывали совершенно справедливое пожелание, чтобы творческие работники обращали гораздо большее внимание на создание ярких произведений о наших современниках, на правдивый показ жизненных коллизий и на то, чтобы в наших произведениях хотя бы было видно, что наши народы живут рядом, по-соседству и т.д. Все это совершенно верно и справедливо. Но в это же время следует сказать, что большинство произведений наших писателей все-таки о нашем времени и о наших современниках. Кстати, мой последний роман «Стоит ли с медведем груши есть?» как раз о нашей сегодняшней жизни. Короче, книг на темы сегодняшней жизни немало, другое дело – каково их содержание. Когда нет ярких, правдивых образов, реальных

полотен сегодняшней жизни, тогда и кажется, что и книг и произведений на эту тему нет.

А что касается лично меня, то я по образованию историк и меня история привлекает больше, чем что-либо другое, хотя и у меня большая часть произведений – на темы сегодняшней жизни. К тому же, если для кого-то издавать свои романы, повести и пухлые сборники стихов особых проблем не составляет, то для других издать свои произведения – это очень трудная проблема. Я, к примеру, уже лет десять не могу издать ни одну книгу на русском языке, хотя к печати фактически готовы три романа, две повести, поэма «Сказание об аланах».

Как и многое в нашей стране, издание книги тоже зависит от воли чиновника.

Теперь по существу твоего вопроса.

Нет, для меня занятие историей – это не скучное дело, а наоборот – очень даже интересное. Надо учесть, что история – самая что ни на есть политизированная наука из всех наук. Ее пытались и пытаются исказить все власти всех времен, а потому историку очень даже интересно, если он, конечно, настоящий историк, а не конъюнктурщик и карьерист, нащупывать самому, прокладывать самому тропу к исторической истине. Это очень интересно.

– Эта мысль, между прочим, прослеживается и в первом историческом романе в балкарской литературе – в твоем романе «Большая Балкария». К тому же в этом романе впервые у нас в литературе советского времени главными героями являются князья. Как ты на это решился тогда? Не боялся, что роман останется неопубликованным?

– Ты правильно подметил. Мой роман «Большая Балкария» начинается с такого эпизода, где описывается возвращение с Русско-турецкой войны капитана Исмаила Аланбиева, балкарского князя. Отец Исмаила Науруз сожалеет, что Турция потерпела поражение, считая это унижением ислама. На что Исмаил говорит отцу, что теперь наша Отчизна – это Россия, наше будущее связано с ней, а потому только ей одной мы должны желать победы и успехов. Став старшиной селения, Исмаил поднимает народ на грандиозное дело – на строительство колесной дороги из ущелья Большой Балкарии в низину, которая свяжет его родную землю с Россией навсегда. Нет, я не думал о том, что в то время роман останется неопубликованным.

Во-первых, как и все нормальные писатели, я никогда об этом особо не задумывался, потому что я пишу так и об этом, потому что хочу написать об этом именно так. И если я нормальный человек, если я люблю свою страну, свою Родину, свой народ, то я, естественно, не могу ничего писать такого, что принесет вред моей стране, моей Родине, моему народу, а почему я должен кого-то бояться и на кого-то оглядываться? Я напишу так, как хочу, а чиновники издадут или нет – это совсем другое дело.

– Сейчас многие говорят, что в то время иначе писать было невозможно, не могли всячески не восхвалять Советскую власть, большевиков, не могли писать правду.

– Я лично в эти россказни не очень верю. Кто-нибудь принес в издательство, в журналы свое произведение, которое отвергнуто в то время цензурой или каким-нибудь чиновником от власти? Я об этом ничего не слышал. Слышал только о том, что долгие годы не публиковали поэму Кайсына Кулиева «Завещание», так как там говорилось о выселении, что было почти под запретом. И все. Единственный такой случай. Честный, искренний, настоящий писатель при любом режиме может написать и даже опубликовать свою вещь, если, конечно, она не «в лоб» на запретную тему. Все зависит от честности, мужества и «хотения» самого писателя.

Бабаевский из кожи вон лез, чтобы понравиться власти, вот он и написал своего «Кавалера Золотой Звезды», где до небес превозносит красоту и справедливость этой самой власти. А Шолохову, по-моему, совсем даже не хотелось быть любимчиком власти, он лишь искал способы обмануть эту власть и рассказать народу о жестокости и ненужности всех этих революций и войн, о том, что надо стремиться жить мирно, избегать всей этой грязи и ненависти.

И он сумел это сделать. Но ведь Шолохов сильно рисковал – всем известно, что его могли запросто расстрелять. Ведь сутью его и знаменитых донских рассказов, где каждый рассказ по содержанию и драме событий равен хорошему роману, и всемирно известного романа «Тихий Дон» является яростное неприятие любых революций и войн, если даже они именуются «Великая Октябрьская социалистическая» или даже «Священная война народа против угнетателей и кровопийц». В войнах, в революциях отец убивает сына, сын убивает отца, брат – брата, сосед – соседа. А это – противоестественно. Вот что хотел сказать Шолохов, и он это сказал. Шолохов – не только гениальный писатель, но и очень мужественный человек, честный сын своего народа. А Бабаевский очень хотел нравиться власти, он и нравился. Тоже достиг того, что хотел, просто жаль, что у нас мало было своих шолоховых, а было много бабаевских.

Что толку с того, что они, эти наши бабаевские, сегодня стараются убедить нас в том, что иными тогда и быть не могли. Это неправда. Перед человеком всегда множество путей. Сильные, мужественные, честные люди, и, разумеется, писатели в том числе, никогда не становились на колени ни перед тиранами, ни перед временем. Они побеждают и тиранов, и время. Просто – таких людей не так уж много на свете. Потому что это нелегко. Очень это трудно. Гораздо легче и выгоднее подпевать и Власти, и Времени, пусть даже они и жестоки, и несправедливы. Это очень легко и очень выгодно. А потому и идет большинство по этому пути. И, разумеется, судить их мы не вправе. Это – личное дело каждого.

– У тебя в романе «Большая Балкария» есть такой эпизод: сын главного героя Исмаила, Алим, собирается после каникул в Петербург, где он учится на юрфаке. Исмаил находит в его чемодане запрещенную книжку. И тогда между отцом и сыном происходит серьезный разговор…

– И этот разговор, между прочим, тоже шел бы совсем в ином русле, чем в романе, если бы я писал по «велению времени». Согласно велению времени – восьмидесятые годы прошлого века, время торжества Советской власти, никаких признаков ее слабости, – Алим, сын, увлекающийся революционными

идеями, должен был убедить отца в том, что он не может не быть в передовых рядах сознательной части народа, дабы бороться за его счастье, и так далее. А на самом деле в романе отец убеждает сына в том, что революционные идеи – это для него, Алима, вещи совершенно неприемлемые, и даже вредные. Они могут сбить его с правильного жизненного пути, могут принести только вред, и не только ему самому. Но и народу. Короче говоря, убеждает, что побеждает тот, кто против революции.

– Значит, главные положительные герои романа – князья да зажиточные, «уважаемые» уздени, которые в обычных романах советского периода всегда были только отрицательными героями, среди отрицательных героев есть люди из бедняцких слоев населения, которые, наоборот, непременно должны были быть выдающимися предводителями народа, революционные идеи трактуются как ненужные и вредные. Управляющий Нальчикским округом царский генерал чуть ли ни ангел-хранитель народа Большой Балкарии, то есть Черекского ущелья. Таков роман «Большая Балкария». И тем не менее роман был опубликован во времена, когда СССР и Советская власть были в здравии и силе. Как это могло случиться? И почему Кучинаева не разодрали на куски, не затоптали?

– Отвечаю на первый твой вопрос: это случилось, потому что я так написал, так хотел написать, потому что это более соответствовало жизненной правде того времени – это конец XIX века. Это случилось еще и потому, что я не писал «по велению времени», а писал по велению своей совести. Теперь отвечаю на второй вопрос. Никто Кучинаева не тронул по одной простой причине – роман был опубликован на балкарском языке. Ни один человек из компетентных органов его не читал. Роман до сих пор не опубликован на русском языке. Теперь-то, конечно, можно все. Лишь бы были деньги.

– А в издательстве что говорят?

– В издательстве я уже давно по существу «персона нон грата» – так случилось, что на ключевых должностях там работают люди, для которых я личность нежелательная. Вот и все. И это тоже вполне нормальная вещь. Люди есть люди. Любят, не любят, ненавидят – всякое бывает…

Беседовал Аскер ДОДУЕВ

И в шутку, и всерьез

Ахмет Денисултанов

Диалог на эсперанто

Афоризмы

Ура! Красоту спасет мир!

Господа, когда обстоятельства вмешиваются в планы жизни, они из перспективных превращаются в вялотекущий долгострой.

Резолюция: все, что плохо лежит, должно быть приватизировано!

Времена меняются: раньше человека ценили по самолюбию, а теперь оценивают по себестоимости.

Без нашего второго «Я» нет первых в деревне нас.

Индульгенция – это такие наличные, которые способны обналичить любые конвертируемые грехи в нас.

Чувство меры – патология весов.

Вороне бог послал кусочек сыра, а черт – лисицу.

Это ж какой должна быть грязь, чтобы из грязи в князи!

Что на скрижалях истории написано пером, можно разбудить и росчерком пера.

Не кричи «Эврика», пока не нашел консенсус.

Премудростям жизни большинство учится исключительно из удовольствия обобрать ее до нитки с умом.

Каждому свое: одни любят считать звезды на небе, а другие – пересчитывать деньги в чужом кармане.

Согласитесь, господа, у «красивой» жизни один недостаток – она безнравственна.

Правда и то, что ложь бесконечна.

Хорошо, когда деньги тратишь, хуже, когда потратишь себя на них.

Караул, к нам едет ревизор!

Порвать с печальным прошлым – еще не значит начать новую жизнь.

На то и вертикаль власти, чтобы все остальное не казалось горизонтальным и прямым, как рельс.

Если бери – не хочу, значит, вещь морально устарела.

Даже хорошо поставленный тенор тонет в общем хоре подпевающих нам людей.

Из характеристики: работал на кафедре, читал… нотации.

С официальной стороны человека оценивают с головы до пят, а с бытовой – судят и рядят почем зря.

Хорошо, когда человек – кладезь знаний, хуже, если он высохший колодец.

Плохо то время, которое не наши деньги.

Сдуру можно такое и столько наобещать, что и дуракам мало не покажется.

Пьянство есть дурная привычка откупоривать в себе все и вся.

Сладкими, джентльмены, бывают только грезы, а за грехи нужно платить.

Если ваша жена – ходячая энциклопедия, значит вы – бестолковый словарь.

Это бумага все терпит, а редакторская корзина – нет!

Хорошо только то, что не требует с нас процентов.

Какие бы законы государство ни издавало, а бюрократия и демагоги будут существовать вечно.

Чем больше мы надеемся на фортуну, тем чаще удача превращается в миг.

Не пойман – не вор – это коррупционер в своей родной ипостаси.

Когда в друзьях согласья нет, жди разборки.

Согласитесь, нет хуже той истории, за которую приходится расплачиваться собственными мемуарами.

Лучше тернистая дорога к храму, чем убористая колея на Олимп.

Каждой среде обитания – по дождичку в четверг.

Чисто не там, где метут, а там, где не сорят словами.

Удивительно, но факт: жизнь идет, время бежит, часы бегут, а мы топчемся на месте.

Не ошибается тот, кто наступил дважды на одни и те же грабли.

Пора бы усвоить, господа, что руль власти – это штурвал, а не баранка сдобная с маком.

Никто так не жаждет резонанса, как пустой звук.

Даже если оратор здорово фальшивит, микрофон делает все, чтобы выправить текст.

Рекламировать следует достоинства, а недостатки и так у всех на виду.

В половодье чувств и утонуть не грех.

Это земля стоит на столпах, а общество держится исключительно за счет остолопов.

С маленьких интрижек начинаются, как правило, большие перипетии интриг и трагедии.

Темное прошлое – это еще не повод, чтобы вешать жалюзи на светлое будущее.

Ворона каркала, как соловей.

Правила социальной игры редко бывают золотыми, если они превращаются в одностороннюю аксиому.

От прогнозов политической погоды мерзнет не ртуть в столбике, а кровь в жилах.

Эпоха МЧС – это золотой век классических катаклизмов.

Если бы совесть перестала служить разменной монетой в нас, она бы давно превратилась в конвертируемую валюту.

Лучше критерий объективных оценок действительности, чем кратер статистических приписок к ней.

Чтобы мало не показалось, достаточно из двух зол выбрать… наибольшее.

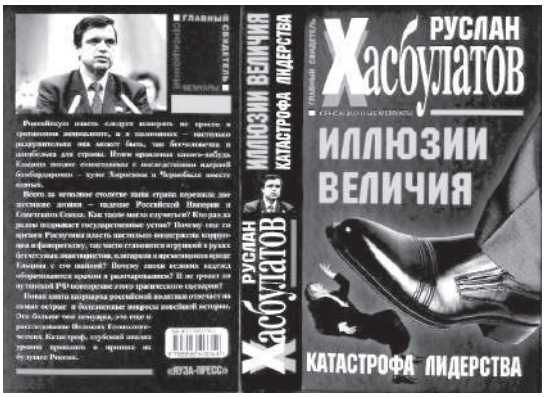
У кого есть время, тот разбрасывает и собирает камни, а у кого нет – тот разбазаривает.

Чем черт не шутит, когда бог – спирт!

Аксиома: если в жизни что-то кипит, значит, навар будет.

Книжные новинки

Иллюзии величия



В московском издательстве «Яуза-Пресс» вышла новая книга патриарха российской политики, доктора экономических наук и нашего земляка Руслана Имрановича Хасбулатова – «Иллюзии величия. Катастрофа лидерства» (серия «Главный свидетель. Сенсационные мемуары»)

Всемирно известный российский политический деятель, ученый, публицист и последний председатель Верховного Совета Российской Федерации (1991–1993 гг.) размышляет о природе власти и государства как таковых, о развитии российского государства в прошлом и настоящем; существующих тенденциях в политике и экономике страны и мира, свидетельствующих о тех глобальных изменениях, которые ожидают человечество.

«Всего за неполное столетие наша страна пережила две жестокие агонии – падение Российской империи и Советского Союза. Как такое могло случиться? Кто раз за разом подрывает государственные устои? Почему еще со времен Распутина власть настолько подвержена коррупции и фаворитизму, так часто становится игрушкой в руках бесчестных авантюристов, олигархов и временщиков?.. Почему эпохи великих надежд оборачиваются крахом и разочарованием?..

Изменения во «внешней среде» происходят чрезмерно быстро и широким потоком, вторжение информационных технологий изменило привычный ритм жизни на планете, создало средства как для процветания общества, так и для его подавления. Развивается экспансия государства в направлении тотального контроля над обществом, воплощая на практике оруэлловскую модель всесильного «Большого брата», всезнающего и всевидящего… Как цивилизация должна отвечать на эти вызовы?» На эти и другие острые и болезненные вопросы новейшей истории читатель найдет ответы в этой книге, которая по своему содержанию уже стала гораздо большим, чем обычные мемуары – это «расследование Великих Геополитических Катастроф, глубокий анализ уроков прошлого и прогноз на будущее России».

Роза Межиева

.....

К нашим иллюстрациям

Путь художницы в большое искусство

Выпускница художественно-графического отделения ЧГПИ Асет Эсуева родилась 24 декабря 1989 года в городе Грозном. Окончила среднюю школу № 8. При этой школе была и ДХШ, в которой Асет проучилась два года. Благодаря педагогу Губанукаевой Мархе, которая привила ребенку любовь к рисованию, Асет стала упорно и много заниматься.

За пять лет учебы много было сделано для развития ее творческого дарования известным художником Аманды Асухановым. Он организовывал для талантливых студентов выезды на пленэры, выставки, мастер-классы. Асет признается, что именно Асуханов оказал большое влияние на ее творчество. Институт окончен, но она по-прежнему обращается к нему за помощью и советом.

Когда стал вопрос, куда пойти работать, Асет долго не размышляла – устроилась преподавателем в родную Детскую школу искусств № 8. Сегодня она помогает маленьким художникам развить их таланты, в надежде, что кто-нибудь из них, как и она однажды, выберет путь в большое искусство. Этот путь нелегок, но Асет трудности не пугают.

Асет часто принимает участие в республиканских и региональных выставках. В 2012 году, на Молодежной выставке, комиссией было отобрано девять ее картин. Выставка проходила в Мемориальном комплексе «Аллея Славы» г. Грозного. Работы Асет выставлялись также на выставках в Киеве, Саратове, Ростове-на-Дону.

«Для развития творческого потенциала, – говорит Асет, – нужна творческая среда, нужно всегда искать что-то новое и не бояться трудностей. А самое тяжелое – это когда ваше творчество остается непризнанным или непонятым».

На обложке журнала представлены следующие работы художницы: 1стр. – «Осень», 2 стр. – «Мостик», 3 стр. – «Осень в горах», 4 стр. – «Осень над рекой».

Таиса Терлоева

Сведения об авторах и переводчиках

Эдильбек Хасмагомадов (1957). – историк, публицист и общественный деятель. С отличием окончил в 1979-м году Краснодарский государственный институт культуры (библиотечный факультет). Тогда же принят на работу в научно-методический отдел Чечено-Ингушской республиканской универсальной научной библиотеки им. А.П. Чехова (в настоящее время – Национальная библиотека Чеченской Республики). С 1993-го по сентябрь 2001-го года являлся директором названной библиотеки. После 2001-го года занимал должность главного редактора журнала «Вестник «ЛАМ», осуществлявшего поддержку процессов развития в Чеченской Республике открытого демократического общества, совместимого с национальными традициями и Исламом. В 2006-м году вновь назначен на должность директора Национальной библиотеки Чеченской Республики. В 1988-м году окончил аспирантуру при Всесоюзной Книжной Палате (г. Москва). Тема кандидатской диссертации «Развитие книгоиздательского дела в Чечено-Ингушетии. 1917–1941 гг.». Долгое время занимается разработкой проблем общественно-политического развития Чеченской Республики, изучал малоизвестные страницы новой и новейшей истории народов Северного Кавказа, а также вопросы развития культуры и политических институтов в Чеченской Республике. Автор нескольких десятков научных работ, в том числе «История Чечни в XIX–XX веках» (в соавторстве).

Алвади Шайхиев (1947). Окончил филологический факультет ЧИГПИ в 1970-м году. В 1977–79-м гг. учился на Высших двухгодичных литературных курсах Союза писателей СССР при Литературном институте им. А.М. Горького в Москве. Поэт, писатель, переводчик. Член Союза писателей СССР с марта 1976-го года. Публикуется в периодической печати с 1961-го года. Первый сборник стихов «Чувство» увидел свет в 1969-м году. В разные годы в Грозном и Москве выходили поэтические сборники «Пламя любви», «Огонь в очаге», «Трава-мурава», «Пульс», «Совесть», «Башни мужества», «Ночные птицы», «Заповедь» и другие. Стихи Алвади Шайхиева печатались в журналах «Молодая гвардия», «Современник», «Звезда», «Дон» и других.

Муса Бексултанов (1954). Народный писатель Чеченской Республики (2005), главный редактор (с 2007-го) детского журнала «СтелаIад» («Радуга»). В 1977-м г. окончил филологический факультет Чечено-Ингушского университета. Член Союза писателей России. Произведения Бексултанова переведены на русский, английский, французский, немецкий языки. Печатается с 1980 г. Автор книг: «Облаков журавли белые», 1985 г.; «И завтра, как вчера», 1988 г.; «Иногда, когда мне скучно», 2005; «И кто постучится в дверь твою в ночи». 2005 г.; повестей: «Это была не шутка», «Дорога возвращается к началу», рассказов, миниатюр, эссе на чеченском языке.

Лидия Довлеткиреева. 1-й зам. главного редактора журнала «Вайнах», доцент кафедры русского языка ЧГУ. Журналист, литературовед, критик, переводчик. Кандидат филологических наук.Участник Вешинского форума молодых литераторов ЮФО (2005), Совещаний молодых писателей и критиков Северного Кавказа в Нальчике (2008), Майкопе (2009), Домбае (2010), Цее (2011), VIII–X Всероссийских форумов молодых писателей и критиков в Липках (2008-2010), стипендиат Министерства культуры РФ в номинации «Молодые таланты России» (2008). Лауреат премии журнала «Вайнах» (2008). Публикации – в республиканской прессе, «Литературной газете», «Литературной Росссии», журналах «Дон», «Дружба народов», «Знамя», «Октябрь», «Волга XXI век», «Культурная жизнь Юга России», в сборниках научных трудов КБГУ, ЧГПИ, в сборниках «Новые имена» (М., 2010), «Молодые писатели Кавказа: параллельные взгляды» (М., 2009), «Каталоге лучших произведений молодых писателей Кавказа (М., 2011) и др.

Шамсудин Макалов (1942). Окончил Дагестанский медицинский институт в 1965 году. Публикуется в республиканской периодике с 1959 года. Автор книг «Малярные кисти» (юмористическая повесть, 1964, Махачкала), «Счастье шагать» (стихи, 1974, Грозный), «Первые шаги» (повесть на чеч. яз., 1983, Грозный), «Деши» (повесть, 1987, Тюмень), «Необыкновенная ночь» (рассказы на чеч. яз., 2005, Грозный), «Вечерние размышления» (стихи, поэмы, 2006, Грозный), «Весенние голоса» (стихи, 2006, Грозный), «До восхода солнца» (стихи, рассказы, 2008, Грозный). С 1969 по 2008 год работал главным врачом Шатойской госсанэпидстанции. Заслуженный врач ЧР, член Союза писателей РФ (1992).

Ахмет Денисултанов (1953). Окончил филологический факультет ЧИГУ. Публикуется с 1984 года. Жанры творчества – поэзия, проза, афористика. Художник. Автор сборника «Афоризмы» (1998), рассказов «Граммофон», «Альма-матер», «Созвездие Мельпомены», «Бригада № 6», опубликованных в журналах «Вайнах», «Нана». Ведет рубрики афоризмов на страницах местных периодических изданий.

Тамара Эльбуздукаева родилась в Алма-Атинской области КазССР. Окончила исторический факультет Чечено-Ингушского государственного университета им. Л.Н. Толстого. Кандидат исторических наук, доцент. Заместитель генерального директора по научной работе Национального музея Чеченской Республики. Автор более 40 научных работ, посвященных проблемам социально-экономического, политического и культурного развития Чечни XX века.

Ислам Хамурзаев (1973). Родился в г. Грозном. В 2004-м году окончил исторический факультет ЧГУ. Старший научный сотрудник Национального музея ЧР. Пишет научные и публицистические статьи, посвященные истории чеченского народа.